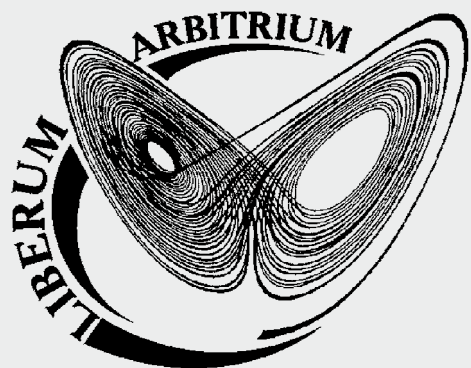

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

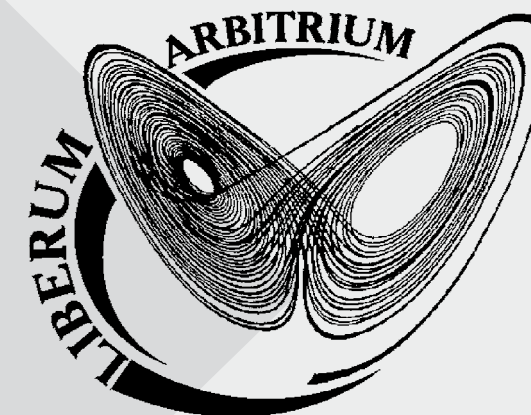
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2022

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ **ПРОЦЕССЫ**

Том 20. Номер 4 (71). ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2022
Volume 20. No. 4 (71). OCTOBER–DECEMBER / 2022

ПРОИЗВОДСТВО СОГЛАСИЯ МЕГАТРЕНДЫ

Татьяна Шаклеина	▶ Усталость от Америки
Николай Веремеев	▶ Вмешательство США в дела Китая
Андрей Федорченко и др.	▶ Поворот России к Африке

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международных
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

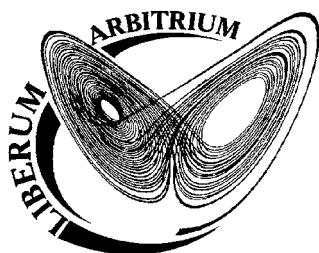
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 20. Номер 4 (71)
ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ **2022**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Mikhail Troitskiy, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (Mezhdunarodnye protsessy) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Михаил Троицкий, Уильям Уолфорд (США), Алексей Фененко,
Максим Харкевич, Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина,
Евгения Захарова, Наталия Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)
ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022
© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

LETTER TO THE EDITORS

Tatiana Shakleina	Turning Point in Global Development	6
-------------------	---	---

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Georgy Machitidze	US–Afghanistan: The Collapse of an Asymmetrical Alliance	23
Andrey Fedorchenko	Russian–African Cooperation and Summit Diplomacy	37
Alexander Krylov		
Vladimir Morozov		
Ivan Loshkarev		
Ekaterina Shebalina		

CATCHING A TREND

Nikolay Veremeev	US Policy to Hong Kong after Its Handover to China	52
Vladimir Shcherbunov	The “Managed Competition” Concept in the US–China Security Nexus	93
Marina Klinova	Inflation in the Context of Geopolitics in France and the Eurozone	119
Elena Sidorova		
Alexander Aleshin	Scientific Discourse on NATO’s Strategic Evolution	136

SCHOLARLY REVIEWS

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

Nikita Yeryashev	Is Enemy to My Enemy My Friend?	157
Anna Makarycheva		

<i>Our authors</i>	162
------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Татьяна Шаклеина	Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века?.....	6
------------------	---	---

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Георгий Мачитидзе	США–Афганистан: крах асимметричного альянса	23
Андрей Федорченко Александр Крылов Владимир Морозов Иван Лошкарёв Екатерина Шебалина	Российско–африканское взаимодействие и дипломатия саммитов: проблемы и перспективы	37

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Николай Веремеев	Эволюция политики США в отношении Гонконга	52
Владимир Щербунов	Концепции «управляемой конкуренции» в военно–политических отношениях США и Китая	93
Марина Клинова Елена Сидорова	Политическая турбулентность и инфляция во Франции и еврозоне	119
Александр Алёшин	Роль научного дискурса в стратегическом развитии НАТО	136

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

Никита Еряшев Анна Макарычева	Враг моего врага – мой друг?.....	157
----------------------------------	-----------------------------------	-----

Наши авторы	161
-------------------	-----

Our authors.....	162
------------------	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В МИРОВОМ РАЗВИТИИ *СОХРАНИТ ЛИ ЗАПАД ПРЕОБЛАДАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА XXI ВЕКА?*

ТАТЬЯНА ШАКЛЕИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

2022 год характеризуется как переломный в мировом развитии и в формировании мирового порядка. Двумя основными событиями, по мнению довольно большого числа авторов, знаменующими это особенное значение 2022 года, стали «украинский кризис» и XX съезд КПК, декларировавший начало нового этапа в международной деятельности КНР, который позволит Китаю достичь всеобъемлющего глобального влияния и управления или наравне с США, или превышающего американское. Перспектива формирования «нового биполярного мира» уже упоминалась в отдельных работах, но ни американские, ни большая часть российских политологов не высказывали большого оптимизма относительно такой перспективы. После более откровенных заявлений лидера КНР и китайских политологов следует уделить этому вопросу больше внимания, не продвигать идею новой биполярности, которая ещё не состоялась и вполне может не осуществиться. Также не совсем верно ставить мировое развитие и развитие регионов и стран «в контекст украинского кризиса», который является продуктом социальной инженерии ряда западных стран и развивается в контексте порядкоформирующей стратегии США и их союзников. Автор статьи предлагает по-иному взглянуть на международные отношения и выдвигает следующую гипотезу: к 2022 г. процесс формирования мирового порядка вступил в решающую фазу, когда именно противостояние России и США является ключевым фактором, исход которого определит структуру и институциональные основы мирового порядка XXI века, его характер или как полицентрично-демократический (не в западной трактовке), или имперско-гегемонистский, вероятнее всего, в американо-китайском варианте.

Ключевые слова:

мировой порядок; США; Россия; Китай; кризис; справедливость.

Начало 2020-х годов можно характеризовать по-разному: и как кризис в международных отношениях, когда в воздухе витает возможность возникновения большого кон-

фликта («балансирование на грани»), и как вхождение в активную фазу «новой холодной войны», в которой участвуют США и их союзники (так называемый коллектив-

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.12.2022

Дата принятия к публикации: 29.12.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: shakleina.t.a@inno.mgimo.ru

ный Запад) и Российская Федерация, и как решающую фазу в процессе формирования мирового порядка. При любой характеристике важнейшим фактором, от которого будет зависеть развитие и исход происходящего, являются отношения России и США/НАТО. Китайский фактор может возникнуть только в том случае, если КНР присоединится к России и объединит усилия по формированию альтернативных либерально-американским институтов, которые составят основы мирового порядка XXI века. В противном случае КНР будет регулировать отношения с Соединёнными Штатами (в любом формате) автономно и по-прежнему сохранит противоречивый подход, балансируя в своей политике между Россией и США, подтверждая оценки тех американских политологов, которые полагают, что КНР не стремится полностью разрушить существующие либеральные институты.

Оценки разные, можно их отвергать или соглашаться с ними, но нельзя не видеть, что действия Соединённых Штатов отличает идейная и стратегическая преемственность, а шаги, которые предпринимает администрация Джозефа Байдена, не выделяются оригинальностью, являясь лишь более откровенной и вызывающей формой реализации цели по формированию западочентричного порядка. Такая цель присутствовала во всех внешнеполитических документах, начиная с администрации У. Клинтона, и даже до него — в концепции «нового мирового порядка» администрации Дж. Буша-ст.: не допустить появления гегемона в Евразии, способного бросить вызов Америке. Соединённые Штаты в разное время называли себя «благожелательной империей»; «империей нового типа»; глобальным лидером с правом трансформировать мир посредством всех доступных методов, включая военные; гегемоном, но также благожелательным [Brzezinski 1998; Christopher 1995; Dole 1995; Haass 1997;

Hitt 1996; Ikenberry 1998; Kagan 1998; Wohlforth 1999].

Начало событий на Украине для США не было неожиданностью, так как политические трансформации в постсоветских странах с их участием стартовали давно и развивались по сценариям, разработанным в недрах американского политико-академического сообщества с конца 1980-х годов¹. Происходящие события и в целом международная ситуация не должны удивлять тех, кто занимается изучением Соединённых Штатов и их глобальной стратегии. Новая волна активности была предсказуема. О ней можно было судить по работам тех специалистов, которых волновало будущее и тревожила нарастающая агрессивность и нетерпимость к инакомыслию в американской политике [Huntington 1999; Layne 2006; Lieven 2012]. Сторонники гегемонистской стратегии преобладали в аппарате администраций, в первую очередь когда речь шла о политике в отношении России [Khanna 2009].

В начале 2020-х годов правящая американская элита объединилась в стремлении победоносно завершить тренд по формированию либерального мирового порядка, для чего США стремятся не просто повлиять на Россию и Китай, но лишить их возможности нарастить свою мощь и воздействовать на формирование основ мирового порядка XXI века. Для Соединённых Штатов существует вызов не справиться с поставленной целью и утратить присвоенное себе привилегированное положение в мировой иерархии ведущих держав; для России и Китая существует вызов утратить возможность активно и заметно влиять на мировое развитие и формирование мирового порядка, свободно реализовывать национальные интересы, объединять вокруг себя незападный мир для создания действительно справедливого (представительного) и стабильного порядка.

¹ Основные практические документы разрабатывались не всегда открыто, но отдельные оценки и предложения можно было найти в работах ведущих специалистов по СССР/России. См., например: [Soviet-American Relations 1991; State Building 1995; Snow 1991; Sources of Conflict 1998; Russia 1995; Garnett 1997; Brzezinski 1988; 1989; 1995].

Усталость Америки или усталость от Америки?

Уже почти пятнадцать лет в американском политико-академическом сообществе не прекращаются дискуссии о том, что необходимо усилить и продлить глобальное лидерство/доминирование США, которое якобы находится под угрозой как со стороны внутренних политических сил, советующих сократить американское вмешательство всегда и везде, так и со стороны внешних сил, когда отдельные страны-ревизионисты пытаются укрепить собственное влияние и сократить возможности глобального управления для Америки².

Либеральные демократы неустанно критиковали республиканцев за то, что они ослабили роль США — глобального лидера, и выдвинули тезис о возрождении глобального лидерства США. В конце 2000-х годов президент Барак Обама мобилизовал демократов не только на максимально возможную идеологизацию американской политики, но и на максимальную активизацию действий по влиянию на политику других стран. Заявление о незаменимости Америки, её совершенстве, неизбывном праве на роль руководителя в деле строительства нового порядка присутствовало во всех документах и публикациях [Шаклеина 2008; Mann 2012].

С новой силой либеральная идеология обрушилась на мир при администрации Дж. Байдена, действия которой можно охарактеризовать как попытку нейтрализовать негативные последствия якобы недостаточно эффективной деятельности предыдущих администраций начиная с 1992 года. Она бросает все имеющиеся ресурсы на достижение основной цели — не позволить ни одной из крупных стран или группе го-

сударств поставить Америку в любые ограничивающие её рамки. Желаемый образ внешней политики США в версии *демократов* можно суммировать следующим образом: *так как Соединённым Штатам удалось подготовить нестабильность, переросшую в военный конфликт в Европе, и, оставаясь в стороне в состоянии «полувойны» (semiwar), они могут не только реализовывать свои глобальные амбиции лидера/гегемона, но и решать внутренние проблемы*³.

Можно по-разному оценивать действия Соединённых Штатов и, в частности, администрацию Байдена, но нельзя не отметить, что с навязчивым упорством Америка продолжает продвигать либеральный мировой порядок (или порядок, основанный на каких-то правилах), который в концептуальном оформлении и в методах реализации напоминает откровенную гегемонию. Такой порядок можно охарактеризовать как «либеральный авторитаризм» и даже как «либеральную диктатуру». Если у кого-то оставались какие-то сомнения и надежды на то, что миру удастся избежать усиления нестабильности и международной напряжённости, то администрация Байдена их развеяла. Вспоминаются прогнозы отдельных американских специалистов о том, что США заинтересованы в дестабилизации международных отношений на всех уровнях: глобальном, макрорегиональном, локальном и страновом, так как это даёт им преимущество игрока, находящегося вне поля нестабильности⁴. Вряд ли можно характеризовать сложившуюся ситуацию как «хаос» или «управляемый хаос», так как большинство стран мира не утрачивают способности к регулированию, несмотря на действия США. Вместе с тем Соединённые Штаты запугивают именно перспекти-

² Спор относительно сокращения (constrain) или отступления (retrench) в международной деятельности США между представителями неореалистской и неолиберальной школ не прекращается, и в нём принимали участие многие влиятельные политологи (Lieber 2016; Mandelbaum 2010; 2014; Jones 2014; Brooks, Wohlforth 2016).

³ О постоянном балансировании Америки на грани войны, нахождении в состоянии «полувойны» писали отдельные американские авторы, и надо сказать, вполне справедливо, если хорошо проанализировать внешнюю политику США (Bacevich 2010; 2018).

⁴ Приходится признать правдивость оценок и прогнозов отдельных американских политологов, которые предсказали конфликт начала 2020-х годов. См.: [Ергин, Густафсон 1995; Friedman 2010].

вой хаоса, если их перестанут поддерживать в действиях по установлению «порядка правил» и в нейтрализации альтернативных планов по формированию основ мирового порядка.

Концептуальный круг замкнулся, новый виток развития и формирования порядка может пойти по четырём возможным направлениям: американоцентричному, биполярному американо-китайскому, евразийскому российско-китайскому, трёхцентричному США—Китай—Россия с элементами реальной полицентричности. Каждый из этих сценариев зависит от исхода противостояния России и Запада во главе с США. Это ключевой фактор, или нерв, периода 2020-х годов.

Роль Соединённых Штатов по-прежнему остаётся очень заметной. Вместе с тем впервые за тридцать лет анализа международной деятельности США нет профессионального желания, да и необходимости, детально анализировать всё, что говорят американские официальные лица и пишет большинство внешнеполитических экспертов. Это объясняется прежде всего тем, что стратегии национальной безопасности при демократических и республиканских администрациях очень схожи по содержанию и отличаются лишь эпистолярным мастерством и многословием. Тексты красивые, но одинаково односторонние и весьма неточные (если не сказать, с элементами откровенной неправды и замалчивания фактов о состоянии международных отношений и американской деятельности в мире).

Наблюдается *интеллектуальная усталость от Америки*, от нескончаемого потока одних и тех же постулатов о роли Соединённых Штатов, о США как маяке, светоче, идеале и т.д. На основе всего того, что говорят американские политические деятели и представители СМИ, у человека неискушённого в международной проблематике может сложиться идеальный образ Америки, которая успешно выполняет миссию по строительству идеального мира, справедливо устраняя все препятствия — страны-ревизионисты и диктатуры. США

намерены не останавливаться и использовать весь арсенал средств для реализации поставленных задач.

Заметна «усталость от Америки» у разных участников мирового процесса, что выражается у большинства стран не в открытом противостоянии Соединённым Штатам, а в «паузе», ожидании, а у некоторых и в неповиновении. Многие средние и малые страны, а также довольно крупные региональные державы ожидают исхода ситуации 2022 года, размышляют о том, по какому пути и с кем двигаться в новых условиях XXI века. Можно предположить, что они продумывают неамериканское направление, свидетельством чему могут служить активные действия отдельных стран в отношении КНР, России, незападных организаций и структур.

Мир очень разнообразен, интересы игроков также сильно разнятся, поэтому сомнительно, что авторитарная политика Соединённых Штатов, эгоцентричная, эгоистичная, моралистичная и лицемерная, удовлетворит окружающий мир. Если удавалось скрывать сущность американской политики в 1990-х годах на фоне шествия глобализации и демократизации под эгидой Америки, то уже в 2000-х американская политика стала более воинственной. Именно с середины 2000-х годов в ответ на откровенный гегемонизм США и понимание того, что «американцы не остановятся никогда и нигде», будут заставлять и наказывать, начал постепенно нарастать альтернативный либерально-американскому взгляд на будущее мирового развития, на роль разных стран и институтов. Россия раньше других стран заявила об этом политически и концептуально, и в последующие годы процесс сомнений и раздумий относительно безальтернативности американоцентричной модели существования лишь усиливался.

Следует отметить, что китайская концепция справедливого и гармоничного мира упоминается неоднократно, однако игнорируется тот факт, что Россия гораздо раньше призывала к формированию мирового порядка, справедливого для всех.

Необходимо напомнить об этом и не уступать инициативу в концептуализации и институционализации мирового порядка XXI века⁵. Подтвердились слова одного из самых авторитетных американских специалистов по международным отношениям, Дж. Кеннана, который задолго до трансформаций 1990-х годов писал, что «Америка не может позиционировать себя идеалом для остального мира, если она держит в руке карающий меч, хотя неограниченного права наказывать ей никто не делегировал» [цит. по: Vacevich 2010].

Мир устал от Америки, есть потребность в действительном прорыве на поприще формирования нового мирового порядка. Происходит масштабное осознание национальной суверенности у многих стран. Осознаётся необходимость формирования международных и региональных институтов без диктата США/Запада, заключения новых договорённостей разного формата для формирования новой среды взаимодействия между разными субъектами международных отношений, то есть формирования такого порядка, который бы в большей степени отвечал их традициям, культурам, потребностям, не загонял бы их в нестабильность и экономическую зависимость, отягощённую идеологическими условиями.

Устала ли Америка от выполнения своей миссии? Судя по действиям правящей американской элиты, она не устала и готова продолжать, даже опираясь на военные методы (ставя мир на грань войны). Что касается значительной части американской интеллектуальной элиты и гражданского общества, то, хотя американцы не выступают массово против политики администрации Дж. Байдена, их всё-таки больше волнуют внутренние проблемы, решение которых является жизненно важным для будущего страны. Речь идёт не только

о том, чтобы сделать внешнюю политику менее затратной, но и о том, как нейтрализовать негативные тенденции во всех сферах американского общества. Это не только количество рабочих мест, увеличить которые пытается администрация Байдена, перетягивая европейские компании на территорию США и расширяя торговлю опять же за счёт европейских союзников и подавляя Россию. Это также изъяны американской избирательной системы и практики политических технологий, позволяющие манипулировать и искажать результаты выборов. Ещё совсем недавно, в конце XX века, американская избирательная система представлялась идеальным образцом для всех стран, хотя недостатки в её функционировании были известны и в то время⁶. Проблема стала более очевидной, когда выросли масштабы нарушений.

Стали более очевидными проблемы социально-экономические и политические, межрасовые, межэтнические, межгендерные и многие другие, решение которых можно отложить, сославшись на необходимость выполнения американской миссии. Есть большая проблема с реализацией первой поправки к Конституции США, наблюдается рост нетерпимости к инакомыслию, трудно высказывать альтернативные точки зрения, удивляет и даже шокирует деятельность американских СМИ внутри страны и на зарубежную аудиторию. Тревога относительно нарушений базовых принципов американской конституции беспокоит американцев. Стремительность, с которой развивается внутривнутриполитическая ситуация, вряд ли позволит поставить решение всех проблем в прямую зависимость от внешней политики [Deneen 2018; Mandelbaum 2010; Vacevich 2018; Levin 2019].

Внешняя и внутренняя политика не существуют независимо друг от друга, они

⁵ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Сайт Президента России. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 12.12.2022); Концепция внешней политики РФ (утв. 17.07.2008). www.kremlin.ru. См. также: [Баталов 2001; 2005].

⁶ В разное время о проблемах американского общества писали многие авторы [Drezner 2017; Halberstam 1979; Mintz, Cohen 1977; Rivers 1967; Schlesinger 1974; Шиллер 1980].

взаимовлияют и взаимодополняют, поэтому агрессивные действия за рубежом способствуют поляризации общества и повышению нестабильности. Американская политическая и экономическая системы довольно прочны, но справиться со всеми острыми проблемами, извлекая выгоду и ресурсы из воинственной внешней политики, вряд ли удастся. Богатства, равного тому, что было получено Америкой, находившейся вдали от основного фронта боевых действий и обеспечивавшего три поколения американцев, в результате Второй мировой войны, получить не удастся. Мир стал совсем другим, и США уже не рассматриваются безоговорочно непререкаемым авторитетом и тем более мессией для всего мира [Mandelbaum 2014; Моу 2011].

Не следует ни умалять, ни преувеличивать роль США в современном мире. Для того чтобы сформировать сбалансированный взгляд на деятельность Америки, оценить ситуацию в деле формирования мирового порядка, представляется важным вспомнить весь пласт экспертных оценок как политики США, так и процесса формирования порядка XXI века. Сделанные двадцать–тридцать лет назад выводы подтверждаются в начале 2020-х годов.

Пойдут ли Соединённые Штаты на то, чтобы признать себя лишь одной из ведущих держав в группе мировых держав и также согласиться с тем, что американский вариант либеральной идеи в качестве основы мирового развития и развития американского общества не состоялся и требует пересмотра? Э.Я. Баталов писал: «В основе миропорядка, отвечающего императивам наступившего века, не может лежать система либеральных (неолиберальных) ценностей, господствовавшая на Западе вплоть до конца века минувшего. ... либеральная идея достигла содержательного и пространственного предела... потенциал её внутреннего развития в общем исчерпан.

Иначе говоря, либерализм перестал быть силой, способной качественно трансформировать общество, обновлять его... либерализм не имеет перспективы пространственного роста: ему просто больше некуда двигаться» [Баталов 2008: 182–183]⁷.

Решается важнейшая проблема американского государства: сумеет ли оно сохранить глобальный масштаб своей политики, подчинив всех конкурентов, и одновременно избежать конфликтных методов решения внутренних проблем и дальнейшего усугубления и разрастания внутреннего социально-экономического и политического кризиса. Америка более не может рассматриваться как идеальное государство, каким она себя позиционировала особенно безапелляционно в постбиполярный период, а американская модель демократического устройства не обязательно должна приниматься остальным миром. Имиджу «Аmericи — избранного государства с особой миссией» и с идеальным государственным устройством был нанесён серьёзный ущерб всеми действиями, совершёнными после 1991 года. Если ещё оставались какие-то сомнения или было желание «не видеть», «не понимать» истинное содержание американской политики, то в 2022 г. их больше не осталось. И хотя по-прежнему у США остаётся немало союзников, желающих действовать в русле именно крайне милитаризованной политики, а в ООН не удаётся организовать серьёзную оппозицию их коллективной позиции при голосовании, объективный ход мирового развития пойдёт уже по-другому сценарию, без доминирующего, подавляющего влияния Запада.

Главный вопрос, который мало кто хотел и хочет обсуждать, состоит в том, что международные институты, созданные после Второй мировой войны и призванные осуществлять управление глобальными процессами и действиями разных участников, не отражают качественно новую полицен-

⁷ Для лучшего понимания и оценки того, что происходит в 2022 году, необходимо ретроспективно внимательно изучить все этапы постепенного перехода политики США к варианту высокоидеологизированному с элементами нетерпимости и диктата. Следует называть вещи своими истинными именами, не жить в мире иллюзий или иллюзорном мире, о чём предупреждали не только российские, но и американские политологи. См.: [Шаклеина 2002; Layne 2006].

тричность мировой системы. Они и изначально не работали на общемировые интересы, а на современном этапе это стало особенно заметным. Главное — они являются тормозом дальнейшего прогрессивного мирового развития. Речь идёт о международных формальных и неформальных институтах, где США доминируют (Всемирный банк, ВТО, МВФ, «группа двадцати», ОЭСР, структуры системы ООН и др.), а также использование доллара как основной мировой валюты для оказания давления на торгово-экономическую политику разных стран. Хотя присутствует опасение, что радикальные меры или обрушение американоцентричной (доллароцентричной) системы могут привести к негативным последствиям почти для всех стран, сохранять эту систему институтов в её прежнем формате также невозможно.

Уже многие годы ведутся разговоры о необходимости реформировать ООН. Они ни к чему не привели, ситуация с использованием двойных стандартов не меняется, и период 2014–2022 годов наглядно показал, что может сделать ООН и её институты (ВОЗ, МАГАТЭ). Необходимость радикальных изменений в деятельности ООН стала ещё более острой, и решить эту проблему можно только коллективно, под руководством так называемых ревизионистских держав — России и Китая, к которым могут присоединиться другие страны, заинтересованные в ограничении американского доминирования. Только эти две державы способны и могут изменить ситуацию, повлиять на состав и деятельность международных институтов, дать новый, более прогрессивный и гуманный импульс ООН. Проблема состоит в том, захочет ли

Китай подняться над своими глобальными амбициями и объединить усилия с Россией.

Изменение ситуации в мире и осознание истощаемости либерального американского проекта (так называемой американской идеи) уже началось и будет продолжаться. В этом процессе важнейшее значение остаётся за противостоянием с Россией. В большинстве американских публикаций и официальных документах много говорится о КНР, но российское направление остаётся не менее важным, хотя, как и раньше, политологи и политики стараются принизить значимость и возможности России, сильно искажая не только её историю, но и роль в мировом развитии.

Не конкуренция, а жёсткое соперничество — борьба

2022 год был объявлен США (и действительно таковым является) рубежом, переломным моментом, исход которого определит мировое развитие в XXI веке. Ещё раньше, до появления официального внешнеполитического документа в октябре 2022 года, Дж. Байден высказывал основные мысли, которые затем вошли в новую Стратегию национальной безопасности. Он анонсировал их в ходе избирательной кампании и в промежуточном документе 2021 года, представленном как свод его мыслей и взглядов⁸.

Никаких новых идей в указанных документах нет, кроме разве более заметного фокуса на противостоянии с КНР. Основные положения стратегии в отношении Китая были детально разработаны и представлены в аналитических докладах ведущих «мозговых центров» ещё в 2018–2020 годах⁹. Не новой является мысль о том, что

⁸ President Joseph R. Biden, Jr. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. The White House / NSC-1v2.pdf (whitehouse.gov); Interim National Security Strategic Guidance | The White House; National Security Strategy. October 2022. The White House. Washington, D.C. / Biden-Harris Administration's National Security Strategy.pdf (whitehouse.gov); FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy | The White House. Их содержание осмыслялось, в частности, в следующих работах: [Шаклеина 2019; 2021].

⁹ См., например: *Anthony H. Cordesman with the assistance of Grace Hwang. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy.* January 6, 2021. Center for Strategic and International Studies / URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-us-competition-china-and-russia-crisis-driven-need-change-us-strategy>, а также [Виноградов 2021; Модель развития 2019].

США всегда готовы к конструктивному диалогу с КНР, даже в рамках объявленного многостороннего и жёсткого противостояния. Как отмечали отдельные российские политологи, а также американские эксперты, Китай не стремится разрушать до основания существующие глобальные институты, контролируемые Америкой, а лишь хочет стать ещё одним равным по влиянию глобальным игроком и договориться об условиях раздела сфер влияния.

Не раз высказывалась мысль о том, что можно признать за КНР роль «хранителя основ рыночной экономики» (*custodianship*) в трёхцентричном мировом порядке, где функция ответственного за формирование мировой повестки закреплялась за Европейским Союзом, а сфера безопасности — за Соединёнными Штатами [Шаклина 2022; Reich, Lebow 2014; *Accommodating Rising Powers* 2016]. Можно предположить, что США могут принять трёхцентричную структуру, где ЕС своей повестки не имеет и в своих предпочтениях совпадает (или подчиняется?) с Америкой, а с Китаем они сумеют найти компромисс, выгодный для обеих сторон (хотя бы на обозримую перспективу).

Рассматривается и возможность установления «новой биполярной структуры»

(не вполне желанной для Вашингтона). Если до 2022 г. этот сценарий оставался в тени того, что заявлял и делал Китай, то новая стратегия международной деятельности КНР такую возможность не исключает. Категоричность в отрицании гегемонизма и моноцентричности (однополярности) 1990-х — 2010-х годов, характеризовавшая позицию КНР в вопросе строительства мирового порядка, несколько приглушается акцентом на том, что две мировые державы — США и КНР — несут ответственность за судьбы человечества и должны сохранять диалог и взаимодействие в решении глобальных проблем¹⁰. Возможности такого компромисса зависят от исхода противостояния России и США, так как при нежелательном для Вашингтона исходе ему вряд ли удастся сохранить для себя возможность диктовать КНР какие-то условия. Придётся договариваться с обеими державами, и в этом случае Китай и Россия могут оказаться в более благоприятной ситуации.

Идея однополярного мирового порядка не уходит из политического дискурса и деятельности США. Более того, многие аналитики продолжают утверждать, что такой порядок уже существует и все ведущие державы хотят сохранить американоцентрич-

¹⁰ Хотя в официальной риторике делается акцент на идее единой судьбы человечества, благожелательной и справедливой позиции Китая, остаются сомнения относительно того, какие инструменты и методы будут в арсенале китайской политики. США также отмечают особый благожелательный и справедливый в их понимании характер своей глобальной деятельности, направленной на строительство процветающего мира. Взаимодействие с КНР очень важно для России, но формат и условия двустороннего взаимодействия до конца не оговорены, будут меняться в зависимости от общей мировой конъюнктуры и исхода противостояния России и Запада. В отдельных дискуссиях китайские политологи заявляли, что Россия утрачивает мировое влияние и этот процесс будет продолжаться. То же самое писали американские политологи в 2010-х годах и продолжают рассматривать Россию в качестве угрозы или вызова «второго плана», которого будет легче измотать и вывести за рамки большой политики. Вариант компромисса не рассматривается. Победа над КНР также входит в планы США, но они не исключают варианта, когда придётся договариваться. Эти идеи озвучивались, например, на онлайн-конференции, которую проводил Козмецки центр Университета Св. Эдварда (Остин, Техас; www.kozmetskycenter.org): “World Order, Challenges, Transition, Chaos? Western and Global Perspectives on Conflict in Ukraine” (26 сентября 2022). См. также: *Anthony H. Cordesman with the assistance of Grace Hwang. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. January 6, 2021. Center for Strategic and International Studies / URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-us-competition-with-china-and-russia>; *Anthony H. Cordesman. The Biden Transition and Reshaping U.S. Strategy: Replacing “Burden Sharing” with Meaningful Force Planning. January 11, 2021 | Center for Strategic and International Studies. <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-reshaping-us-strategy-replacing-burden-sharing-meaningful-force>**

ный порядок, основанный на правилах (?). Только три державы, полагают аналитики из РЭНД Корпорейшн, недовольны установившимся балансом сил в мире – Китай, Россия и Иран. Утверждение, на наш взгляд, некорректно. Соединённым Штатам не удалось консолидировать либеральный мировой порядок, хотя американоцентричные институты продолжают существовать, блокируя действия других игроков, не выступающих на стороне США (за что они получают со стороны Вашингтона ярлыки ревизионистов или изгоев). Америка успешно их использует в проведении санкционной политики.

Речь идёт не о разрушении того, чего ещё нет, а о том, что есть державы, которые продолжают попытки установить мировой порядок XXI века, справедливого не только для США. На что американские аналитики обращают внимание, так это на стремление Китая и России улучшить свои позиции в мире, добиться большего влияния, сокращения влияния США, усиления своих региональных позиций. Почему эти державы, да и другие региональные державы и страны среднего уровня не могут этого желать и стремиться к изменению общемировой и региональной ситуации в более благоприятном для них отношении [Mearsheimer 2018]?

Нежелание признавать реальный ход событий, необратимость происходящих изменений на глобальном, макрорегиональном и микрорегиональном уровнях, стремление любыми способами остановить объективный ход событий приводят к тому, что на протяжении тридцати лет после окончания биполярного порядка противодействие Соединённых Штатов в рамках мегатренда по формированию мирового порядка только нарастало и к 2022 г. приняло крайне опасный и рискованный формат. Подробно разработана и уже реализуется стратегия не управляемой

конкуренции, а противоборства в отношениях с Россией и Китаем. Правда, указывается, что не следует преувеличивать устремления этих стран, так как Китай не собирается полностью разрушать существующий порядок, демонстрирует ограниченный ревизионизм и стремится лишь к региональному доминированию и усилению глобального влияния в рамках либерального порядка, что следует держать под контролем¹¹.

Россия не рассматривается как государство, которое имеет свой план полной ревизии существующего порядка, не стремится к конфронтации с США и Западом, не стремится развязать большую войну. Иран также включён в группу стран-ревизионистов, хотя его потенциал существенно уступает двум ведущим мировым державам и вряд ли может нанести серьёзный ущерб американоцентричному порядку.

Американские аналитики делают вывод, что так называемые ревизионистские державы хотят удовлетворить свои амбиции не в рамках большого конфликта, а на региональных уровнях. Такие оценки расходятся с официальной риторикой и более ранними рекомендациями по сдерживанию КНР и России, о переходе от конкуренции к противоборству (*rivalry*), о давлении на все слабые сферы жизни и деятельности держав. Тем не менее вариант большого конфликта всё-таки не рассматривается, возможно, потому, что он может причинить неприемлемый ущерб США. Более того, его исход необязательно принесёт преобладание Америке, наоборот, он может похоронить все планы построения либерального порядка и торжество «американского золотого века».

При этом США отвергли путь аккомодации и обуздания своих глобальных притязаний по закреплению глобальной гегемонии. Был избран наступательный путь открытого всестороннего многоуровнево-

¹¹ Mazarr M.J., Blank J., Charap S., Harris B.N., Heath T.R., Helwig N., Hornung J.W., Morris L.J., Rhoades A.L., Tabatabai A.M. et al. Understanding the Emerging Era of International Competition Through the Eyes of Others. Country Perspectives. RAND Corporation. 2022. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726z1.html

го противоборства с КНР и Россией. Что делать в этой ситуации? Как остановить процесс консолидации полицентричного порядка, сдерживать рост Китая, Индии, Бразилии, России? Как не стать лишь одной из ведущих держав, остаться единственной с неограниченными возможностями? Такова дилемма или вызов для Америки, но это и дилемма для ведущих держав не-Запада установить баланс сил по своему сценарию.

Мы являемся свидетелями решения, к которому пришли США: не останавливаться, не отступать (*retrench*), не сокращать свою международную деятельность (*restrict*), не отступать от глобальной миссии, не воздерживаться (*restrain*), а с новой силой перейти в наступление, используя все рычаги, вплоть до прямой или косвенной военной поддержки локальных вооружённых конфликтов. Это крайняя позиция, так как иной путь — только договариваться с КНР и Россией, а также другими державами, к чему США явно не готовы. Ведь в результате переговоров придётся проводить ревизию всех институтов, где пока Соединённым Штатам удаётся диктовать свои условия и ставить на руководящие должности лояльных политиков.

Американская политика не удивляет и больше не шокирует. Впервые за долгие годы изучения Соединённых Штатов интерес к ним как к предмету научного анализа падает. Это объясняется не тем, что Америка не интересная страна, а тем фактом, что идейный догматизм и лицемерие в отношении вопросов мира и войны, выживания и стабильного развития человечества и даже прав человека вызывают чувство усталости. В США есть немало талантливых людей, в том числе в сфере внешней политики, мыслящих категориями мира, компромисса, гуманизма и морали. Можно надеяться, что они всё-таки одержат верх и смогут решить острые внутренние проблемы американского общества и будут способствовать стабилизации международных отношений, не принижая роль США, делая Америку более восприимчивой к интересам всех участников мирового процесса.

Однако мы не можем дожидаться смены поколений в американском мейнстриме, поэтому необходимо действовать более активно в деле формирования тех основ мирового порядка, которые устраивают Россию и всех несогласных с любой формой моноцентричности и глобальной гегемонии. Нужно поставить США в условия, когда им придётся признать значимость других участников мирового процесса, то есть они не смогут продолжать воинственную и далёкую от морали политику для обеспечения своих интересов в ущерб другим странам.

Два очень авторитетных российских учёных — В.А. Кременюк и А.Д. Богатуров писали в самом начале реализации американской глобальной деятельности по установлению мирового порядка XXI века: «Сами американцы не остановятся никогда». Наверное, наступило время для того, чтобы вывести мировое развитие из-под американского доминирующего (имперского?) влияния. Вопрос в том, как это сделать, не нанося неприемлемого ущерба США и всем участникам мирового процесса. Это — задача в первую очередь для России, КНР, быть может, Индии и Бразилии и других игроков вместе с ними. Возможно, они и станут «новым директором», или новым коллективным центром влияния и управления, куда захотят войти и Соединённые Штаты. В противном случае новый коллективный мировой центр будет действовать без США, отстаивая интересы мира и национальные интересы всех стран, которые не входят в коллективный Запад. И тогда всем придётся договариваться.

* * *

Мировое развитие подошло к моменту, когда вопрос войны и мира становится первым в перечне глобальных проблем, что трудно было представить тридцать лет назад, когда заканчивалась «холодная война» и тема союзничества времён Второй мировой войны не изжила себя. Ситуацию в отношениях России и США 2022 г. сравнивают с Карибским кризисом 1962 года. На наш взгляд, такое сравнение не совсем

правомерно, так как и участники конфликта, и международная среда были совсем другими. Речь идёт не только о разных статусах двух держав, вовлечённых в конфликт, но и о совсем другом международном ландшафте. В ситуации 2022 г. на стороне Америки играет довольно много стран, открыто заявляющих о желании нанести поражение России. Это асимметричный конфликт по всем параметрам, сопровождающийся новоформатной масштабной информационной кампанией. Нельзя также забывать, что конфликт 2022 г. подогревается элитами западных стран, для представителей которых реальная война является историей. Между тем в 1962 году, спустя всего семнадцать лет после окончания Второй мировой войны, она оставалась реальным и не очень далёким событием, о котором многие помнили и в котором даже участвовали. Можно также добавить, что Соединённые Штаты всегда позиционировали себя страной-маяком и двигателем мирового прогресса, но после распада биполярного порядка действия США, в отсутствие сдерживающего игрока — СССР, стали ещё более амбициозными и безапелляционными, можно сказать, безгранично агрессивными. Что может остановить сверхдержаву и может ли? Такой вопрос уже не задаётся. Все сомнения и ограничения отброшены.

Перед нами разворачивается завершающий этап борьбы Америки за сохранение своего преобладающего влияния на мировое развитие. Правящая американская элита не признаёт тех фундаментальных изменений, которые произошли в мире на всех уровнях. Процесс переконфигурации мира не остановить, не обратить вспять. Нагнетание нестабильности и балансирование на грани военного столкновения —

очень опасный путь для всех, включая Соединённые Штаты. Как отмечали отдельные авторы, писавшие о проблеме войны и мира, для одних война — «приключение», которое может оказаться интересным; «инструмент», который может быть использован; «условие существования», к которому нужно быть готовым, то есть война — это данность. Для других война — «чума», от которой нужно избавиться; «ошибка», которой следует избегать; «преступление», за которое нужно наказывать; «анахронизм», который больше не может служить никакой цели, то есть война — это проблема, которую можно решить только объединением усилий правительств и граждан всех стран¹².

Отдельные авторы предлагали решить проблему войны и мира созданием мирового правительства, которое будет регулировать международные отношения: «Проблема мирового правительства наиболее актуальна для Соединённых Штатов по той причине, что факторы, которые делают нас менее уязвимыми, чем другие нации, — такие, как океан, — принадлежат прошлому и быстро теряют силу, в то время как факторы, делающие нас более уязвимыми, принадлежат настоящему и будущему и быстро набирают силу» [цит по: Баталов 2014: 266–267]¹³. Эти слова писались в конце 1930-х годов, а идея мирового правительства была решена в 1945 г. с созданием ООН, хотя позиции США не были абсолютными при существовании СССР. В постбиполярный период мирового развития Соединённые Штаты продолжают усилия по превращению ООН в мировое правительство под своим контролем, что не позволяет решить проблему войны и мира, снижает престиж ООН и организаций, входящих в систему ООН. Идея миро-

¹² В работе Э.Я. Баталова приводится анализ работ американского политолога Квинси Райта, принадлежавшего к Чикагской школе [Wright 1935]. Он посвятил свои работы рассмотрению природы войны, см.: [Баталов 2014: 264–267].

¹³ См. также дискуссии по империи: [Баталов 2003; Гаджиев 2007; Проблемы лидерства 2005; Brzezinski 1998; Encarnacion 2005; Kagan 1998; Maynes, *Charles W.* The Perils of (and for) an Imperial America // *Foreign Policy*. No. 111 (Summer 1998). P. 36–48. Rieff, *David*. The Crusaders. Moral Principles, Strategic Interests, and Military Force // *World Policy Journal*. Vol. XV. No. 2 (Summer 2000). P. 39–47].

вого правительства вернулась в академический и политический дискурс в 1990-х–2000-х годах. Вновь отдельные политологи заговорили о важности формирования такого правительства, во главе которого будут стоять (а по некоторым оценкам, уже прочно стояли) Соединённые Штаты, выполняя бесценную функцию держателя мирового порядка [Mandelbaum 2005].

Что же такое Соединённые Штаты в XXI веке? Двигатель прогресса, для которого война, пусть даже в формате «полувойны», «приключение», которое может оказаться интересным; «инструмент», который может быть использован; «условие существования», к которому нужно быть готовым? Этот вопрос ставили отдельные американские политологи, с тревогой следившие за тем, как нарастала воинственность и бескомпромиссность международной деятельности США. Интересно охарактеризовал идейно-политическую ситуацию в США Э.Я. Баталов. Он писал, что «Америка всегда с восхищением смотрела на Древний Рим, а в начале 1990-х годов решила даже на уподобление себя Римской империи. ... если это и так (в чём большие сомнения), то перед нами “Римская империя” времён заката. Повторит ли американская политическая мысль XXI века судьбу политической мысли затухающего Рима?» [Баталов 2014: 605]. Если повторяет, то следует ли бездействовать и терпеливо ждать, что ещё может сделать американская элита в период интеллектуального упадка?

Известный и очень авторитетный американский учёный Дж. Д. Сингер, посвятивший свои исследования вопросам войны и мира, сопоставительному анализу военных потенциалов СССР и США, автор известного проекта *Correlates of War*, который и сейчас остаётся своеобразным методологическим эталоном, в одной из последних фундаментальных работ написал об ответственности специалистов по международным отношениям. Последние представляют интересные материалы, концепции, рекомендации, но не всегда руко-

водствуются принципом ответственности за свои предложения, которые будут использованы при планировании политики: «Мы, как профессионалы, нанесли немалый ущерб, принесли столько бед человечеству, двигая его всё ближе к пропасти третьей мировой войны, что сейчас пора по-новому взглянуть на то, что мы делали, и на наш долг и ответственность. Мы можем продолжать политику, начатую в 1945 году, ускоряя приближение к катастрофе. Но мы можем остановиться, вспомнить о нашей ответственности как учёных-интеллектуалов и о нашей моральной ответственности и, может быть, затормозить и повернуть вспять опасный тренд» [Singer 1990: 292].

Написанные более двадцати лет назад слова американского учёного, наверное, можно привести как напоминание об ответственности специалистов-международников всех стран, разрабатывающих разного рода концепции и предлагающих всевозможные идеи и подходы. Особенно актуальны эти слова для администрации Дж. Байдена, в рядах которой немало людей, которые продолжают политику, начатую после 1945 г., не только в отношении СССР/России, но и на глобальном уровне. К сожалению, фундаментальные работы 1990-х годов мало кто вспоминает в американских университетах и «мозговых центрах». И напрасно.

Другая проблема состоит в том, что специалистов, равных по научным и моральным качествам Дж. Д. Сингеру, в рядах правящей американской элиты не видно, хотя талантливые международники, в том числе его ученики, остались. Есть в них и острая востребованность, а вот двери перед ними пока закрыты. В такой ситуации именно Россия и Китай могут стать интеллектуальными локомотивами, чтобы переломить ситуацию, остановить движение к большому кризису и тем самым открыть дорогу американским специалистам-международникам, для которых конфронтация не является единственно возможным вариантом существования американского государства и для которых идеология «затухаю-

шей империи» также неприемлема.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Америка: страсти по империи // Свободная мысль — XXI. 2003. № 12. С. 9–28.
- Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
- Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
- Баталов Э.Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 4–13.
- Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.
- Виноградов А.В. Китайский проект для Большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 2. С. 6–20.
- Гаджиев К.С. Демократическое и имперское начала во внешнеполитической стратегии США // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 8. С. 31–41.
- Ергин Д., Густафсон Т. Россия двадцать лет спустя. Четыре сценария. М.: Международные отношения, 1995. 286 с.
- Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 735 с.
- Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США, Итоги первого срока администрации Буша / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: ИСК РАН, 2005. 141 с.
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка». Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4. С. 36–48.
- Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3. С. 6–21.
- Шаклеина Т.А. «Порядок после Грузии» или «порядок при Обаме» // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3. С. 4–14.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022. 448 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США. 1992–2002. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
- Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.
- Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 335 p.
- Bacevich A.J. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books, 2010. 223 p.
- Bacevich A.J. Twilight of the American Century. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 2018. 492 p.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century. N.Y.: Oxford University Press, 2016. 174 p.
- Brzezinski Zb. In Quest of National Security. Boulder (Colo.): Westview Press, 1988. 380 p.
- Brzezinski Zb. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N.Y.: Scribner, 1989. 278 p.
- Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N. Y.: The Basic Books, 1998. 305 p.
- Brzezinski Zb. A Plan for Europe // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 1. P. 26–42.
- Christopher W. America's Leadership, America's Opportunity // Foreign Policy. 1995. No. 98. P. 6–28.
- Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
- Dole R. Shaping American Global Future // Foreign Policy. 1995. No. 98. P. 29–43.
- Drezner D.W. The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 344 p.
- Encarnacion O. The Follies of Democratic Imperialism // World Policy Journal. 2005. Vol. XXII. No. 1. P. 47–60.
- Friedman G. The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Anchor Books, 2010. 253 p.
- Garnett Sh. Russia's Illusory Ambitions // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. No. 2. P. 61–76.
- Haass R.N. The Reluctant Sheriff. The United States after the Cold War. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997. 148 p.
- Halberstam D. Powers That Be. N.Y.: A Dell Book, 1979. 1079 p.
- Hitt W.D. A Global Ethic: the Leadership Challenge. Columbia (OH): Battelle Press, 1996. 182 p.
- Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2. P. 35–49.
- Ikenberry J.G. America's Liberal Hegemony // Current History. 1999. Vol. 98. No. 624. P. 23–34.
- Jones B. Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Wash., D.C.: The Brookings Institution Press, 2014. 275 p.
- Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998. No. 111. P. 24–35.

- Khanna P.* The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. N.Y.: Random House, 2009. 496 p.
- Layne Ch.* The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca: Cornell University Press, 2006. 304 p.
- Levin M.R.* Unfreedom of the Press. N.Y.: Threshold Editions, 2019. 258 p.
- Lieber R.* Retreat and Its Consequences: American Foreign Policy and the Problem of World Order. N.Y.: Cambridge University Press, 2016. 142 p.
- Lieven A.* America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. 2nd ed. London: Oxford University Press, 2012. 308 p.
- Mandelbaum M.* The Case for Goliath. How America Acts as the World's Government in the 21st Century. N.Y.: PublicAffairs, 2005. 274 p.
- Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y.: PublicAffairs, 2010. 213 p.
- Mandelbaum M.* The Road to Global Prosperity. N.Y.: Simon & Schuster, 2014. 245 p.
- Mann J.* The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012. 392 p.
- Maynes Ch.W.* The Perils of (and for) an Imperial America // Foreign Policy. 1998. No. 111. P. 36–48.
- Mearsheimer J.J.* The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 313 p.
- Mintz M., Cohen J.S.* Power, Inc. Public and Private Rulers and How to Make Them Accountable. N.Y.: A Bantam Book, 1977. 831 p.
- Moyo D.* How the West Was Lost. Fifty Years of Economic Folly and the Stark Choices Ahead. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 226 p.
- Reich S., Lebow N.R.* Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. 208 p.
- Rieff D.* The Crusaders. Moral Principles, Strategic Interests, and Military Force // World Policy Journal. 2000. Vol. XV. No. 2. P. 39–47.
- Rivers W.L.* The Opinion Makers. The Washington Press Corps. Boston: Beacon Press, 1967. 207 p.
- Russia. A Return to Imperialism? / ed. by U. Ra'anani, K. Martin.* N.Y.: S. Martin's Press, 1995. 304 p.
- Schlesinger A.M., Jr.* The Imperial Presidency. N.Y.: Popular Library, 1974. 541 p.
- Singer D.J.* Models, Methods, and Progress in World Politics. A Peace Research Odyssey. Boulder: Westview Press, 1990. 314 p.
- Snow D.M.* The Shape of the Future: The Post-Cold War World. Armonk (N.Y.): M.E. Sharpe, 1991. 235 p.
- Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S. Strategy / ed. by Z. Khalilzad, I.O. Lesser.* Santa Monica (Cal.): RAND, 1998. 336 p.
- Soviet-American Relations After the Cold War / ed. by R. Jervis, S. Bialer.* Durham-London: Duke University Press, 1991. 363 p.
- State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia / ed. by B. Parrott.* Armonk (N.Y.) – London (England): M.E. Sharpe, 1995. 319 p.
- Wohlforth W.C.* The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. Vol. 24. No. 1. P. 5–41.
- Wright Q.* The Causes of War and the Conditions of Peace. L.: Longmans, 1935. 148 p.

TURNING POINT IN GLOBAL DEVELOPMENT

WILL THE WEST KEEP ITS PREDOMINANT INFLUENCE ON WORLD ORDER IN THE 21ST CENTURY?

TATYANA SHAKLEINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

2022 could be characterized as crucial for the formation of world order and future world development.

Very often we hear that the most important events of 2022 are “the Ukrainian crisis” and XX Convention of the Communist Party of China that declared the beginning of the new period in the Chinese international strategy aimed at reaching global status and influence either equal to American or even greater. Idea of the new bipolar world order has been mentioned, and even acknowledged by certain American and Russian scholars. However, there is no great optimism about such a prospect. It is only a supposition, and a rather unrealistic one. Russia is not interested in this kind of world order. It is also not quite correct to examine everything that is going on in the world in the context of the “Ukrainian crisis”, which is the product of the Western/American policy of social engineering in various countries aimed at their transformation on the basis of Western values. Such policy begun in 1992 has been part of the American global strategy to establish liberal world order with the domineering role of the United States. We suggest taking a new look at international relations. By 2022, the megatrend of the world order formation of the 21st century had entered its decisive phase. The crucial factor that will influence the outcome of this process is developing confrontation between Russia and the West/US/NATO. The result will determine whether we shall live either in a just polycentric world order, or in imperial-hegemonic order (possibly, US-China order). Russia is in a very unfavorable international situation; however, it must continue its efforts in world order formation putting efforts into propaganda of peace and necessity of establishing new institutions not Western-centered reflecting and satisfying interests of the majority of the world community.

Keywords:

world order; US; Russia; China; crisis; justice.

References

- Bacevich A. J. (2010). *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N.Y.: Metropolitan Books. 223 p.
- Bacevich A.J. (2018). *Twilight of the American Century*. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press. 492 p.
- Batalov Ed. (2003). Amerika: strasti po imperii [America: Passions regarding Empire]. *Svobodnaya mysl* – XXI. No. 12. P. 9–28.
- Batalov Ed. (2005). Novaya epokha – novyj mir [New era – New World]. *Svobodnaya mysl*. No. 1. P. 4–13.
- Batalov Ed. (2005). *Mirovoye razvitiye i mirovoy poriadok* [World Development and World Order]. Moscow: ROSSPEN. 376 p.
- Batalov Ed. (2008). *Chelovek, mir, politika* [Human, world, politics]. Moscow: Nauchno-obrazovatelnyy forum. 330 p.
- Batalov Ed. (2014). *Amerikanskaya politicheskaya mysl XX veka* [American Political Thought of the 20th Century]. Moscow: Progress-Traditsia. 616 p.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016). *America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century*. N.Y.: Oxford University Press. 174 p.
- Brzezinski Zb. (1989). *The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. N.Y.: Scribner. 278 p.
- Brzezinski Zb. (1995). A Plan for Europe. *Foreign Affairs*. Vol. 74. No. 1. P. 26–42.
- Brzezinski Zb. (1998). *In Quest of National Security*. Boulder (Colo.): Westview Press. 380 p.
- Brzezinski Zb. (1998). *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N. Y.: The Basic Books. 305 p.
- Christopher W. (1995). America's Leadership, America's Opportunity. *Foreign Policy*. No. 98. P. 6–28.
- Deneen P.J. (2018). *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press. 225 p.
- Dole R. (1995). Shaping American Global Future. *Foreign Policy*. No. 98. P. 29–43.
- Drezner D.W. (2017). *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. N.Y: Oxford University Press. 344 p.
- Encarnacion O. (2005). The Follies of Democratic Imperialism. *World Policy Journal*. Vol. XXII. No. 1. P. 47–60.
- Friedman G. (2010). *The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century*. N.Y: Anchor Books. 253 p.
- Gadzhiev K.S. Demokraticeskoe i imperskoe nachala vo vneshnepoliticheskoy strategii SSHA [Democratic and Imperial Foundations of the US Foreign Policy Strategy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 31–41.
- Garnett Sh. (1997). Russia's Illusory Ambitions. *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 2. P. 61–76.

- Haass R.N. (1997). *The Reluctant Sheriff. The United States after the Cold War*. N.Y.: Council on Foreign Relations. 148 p.
- Halberstam D. (1979). *Powers That Be*. N.Y.: A Dell Book. 1079 p.
- Hitt W.D. (1996). *A Global Ethic: the Leadership Challenge*. Columbia (OH): Battelle Press. 182 p.
- Huntington S.P. (1999). The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*. Vol. 78. No. 2. P. 35–49.
- Ikenberry J.G. (1999). America's Liberal Hegemony. *Current History*. Vol. 98. No. 624. P. 23–34.
- Jervis R., Bialer S. (eds) (1991). *Soviet-American Relations After the Cold War*. Durham-London: Duke University Press. 363 p.
- Jones B. (2014). *Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint*. Washington, D.C.: The Brookings Institution Press. 275 p.
- Kagan R. (1998). The Benevolent Empire. *Foreign Policy*. No. 111. P. 24–35.
- Khalilzad Z., Lesser I.O. (eds) (1998). *Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S. Strategy*. Santa Monica (Cal.): RAND. 336 p.
- Khanna P. (2009). *The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. N.Y.: Random House. 496 p.
- Layne Ch. (2006). *The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present*. Ithaca: Cornell University Press. 304 p.
- Levin M.R. (2019). *Unfreedom of the Press*. N.Y.: Threshold Editions. 258 p.
- Lieber R. (2016). *Retreat and Its Consequences: American Foreign Policy and the Problem of World Order*. N.Y.: Cambridge University Press. 142 p.
- Lieven A. (2012). *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. 2nd ed. London: Oxford University Press. 308 p.
- Mandelbaum M. (2005). *The Case for Goliath. How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. N.Y.: PublicAffairs. 274 p.
- Mandelbaum M. (2010). *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. N.Y.: PublicAffairs. 213 p.
- Mandelbaum M. (2014). *The Road to Global Prosperity*. N.Y.: Simon & Schuster. 245 p.
- Mann J. (2012). *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. N.Y.: Penguin Books. 392 p.
- Maynes Ch.W. (1998). The Perils of (and for) an Imperial America. *Foreign Policy*. No. 111. P. 36–48.
- Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press. 313 p.
- Mintz M., Cohen J.S. (1977). *Power, Inc. Public and Private Rulers and How to Make Them Accountable*. N.Y.: A Bantam Book. 831 p.
- Moyo D. (2011). *How the West Was Lost. Fifty Years of Economic Folly and the Stark Choices Ahead*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 226 p.
- Parrott B. (ed.) (1995). *State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia*. Armonk (N.Y.) – London (England): M.E. Sharpe. 319 p.
- Paul T.V. (ed.) (2016). *Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future*. Cambridge: Cambridge University Press. 335 p.
- Ra'anani U., Martin K. (eds) (1995). *Russia. A Return to Imperialism?* N.Y.: S. Martin's Press. 304 p.
- Reich S., Lebow N.R. (2014). *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.
- Rieff D. (2000). The Crusaders. Moral Principles, Strategic Interests, and Military Force. *World Policy Journal*. Vol. XV. No. 2. P. 39–47.
- Rivers W.L. (1967). *The Opinion Makers. The Washington Press Corps*. Boston: Beacon Press. 207 p.
- Schiller H. (1980). *Manipulatori Soznaniyem* [Manipulators of Consciousness]. Moscow: Mysl. 326 p.
- Schlesinger A. M., Jr. (1974). *The Imperial Presidency*. N.Y.: Popular Library. 541 p.
- Shakleina T.A. (2002). *Rossiia i SSHA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SSHA. 1992–2002* [Russia and the US in the New World Order. Discussion in the Political and Academic Communities of Russia and the US. 1992–2002]. Moscow: ISK RAN. 445 p.
- Shakleina T.A. (2008). "Poryadok posle Gruzii" ili "poryadok pri Obame" ["Order after Georgia" or "Order under Obama"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3. P. 4–14.
- Shakleina T.A. (2019). "Dilemma Ameriki" v formirovanii sovremennogo mirovogo poryadka. Rezultaty deystvii SSHA i formirovanie "evrazijskogo tsentra" ["American Dilemma" in the Formation of Current World Order. Results of the US Actions and Emergence of the "Eurasian Center"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 4. P. 36–48.
- Shakleina T.A. (2021). Novyj etap v formirovanii mirovogo poryadka [New Stage in the Formation of the World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 3. P. 6–21.
- Shakleina T.A. (2022). *Rossiia i SSHA v Sovremennykh Mezhdunarodnykh Otnosheniyakh* [Russia and the

US in the Current International Relations]. Moscow: Aspekt Press. 448 p.

- Shakleina T.A. (ed.) (2005). *Problemy Liderstva vo Vneshnepoliticheskoy Deyatel'nosti SSHA. Itogi Pervogo Sroka Administratsii Busha* [Challenged of Leadership in the US Foreign Policy Activity. Results of the First Term of the Bush Administration]. Moscow: ISK RAN. 141 p.
- Singer D.J. (1990). *Models, Methods, and Progress in World Politics. A Peace Research Odyssey*. Boulder: Westview Press. 314 p.
- Snow D.M. (1991). *The Shape of the Future: The Post-Cold War World*. Armonk (N.Y.): M.E. Sharpe. 235 p.
- Vinogradov A.V. (2021). Kitajskij proekt dlya Bol'shoj Evrazii [Chinese Project for the Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 2. P. 6–20.
- Voskressenskii A.D. (ed.) (2019). *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy* [Development Model of the Modern China: Assessments, Discussions and Forecasts]. Moscow: Strategicheskie izyskaniya. 735 p.
- Wohlforth W.C. (1999). The Stability of a Unipolar World. *International Security*. Vol. 24. No. 1. P. 5–41.
- Wright Q. (1935). *The Causes of War and the Conditions of Peace*. L.: Longmans. 148 p.
- Yergin D., Gustafson Th. (1995). *Rossia dvadtsat let spustiya. Chetire stsenariya* [Russia Twenty Years After. Four Scenarios]. Moscow: Mezhdunarodniye otnoshenia. 286 p.

США–АФГАНИСТАН: КРАХ АСИММЕТРИЧНОГО АЛЬЯНСА

ГЕОРГИЙ МАЧИТИДЗЕ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В настоящей статье осмысляются причины краха асимметричного альянса между США и Исламской Республикой Афганистан (ИРА), который просуществовал на протяжении 20 лет. Приоритетное внимание уделено ролевым характеристикам обеих стран в рамках союзнических отношений в качестве старшего и младшего партнёров. Разбираются не всегда совпадающие цели обоих игроков. Продемонстрированы уровень влияния местного правительства на афганскую стратегию США и издержки Вашингтона на управление альянсом, а также попытки афганской стороны манипулировать старшим партнёром при высокой степени зависимости от него. Обозначена правовая база союзнических отношений США и ИРА. Автор констатирует изначальное отсутствие у США чёткой стратегии с описанием всеобъемлющих целей, последовательности шагов, необходимых для достижения этих целей, а также ресурсов, выделенных для выполнения этих действий. Быстрое изменение военно-политической обстановки в Афганистане способствовало частой смене стратегий США. В статье показано, что в результате Вашингтон фактически был вынужден, наряду с обеспечением безопасности, заняться государственным строительством в Афганистане, что не входило в его планы. Незнание американскими чиновниками социально-культурных и политических условий в ИРА стало важным фактором неудач на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Сложность реализации стратегии государственного строительства заключалась в наличии слишком широкого спектра целей и большого количества вовлечённых в Афганистане субъектов. Осложняющими факторами стали: нереалистичность сроков восстановления ИРА, бесконечное вливание средств в афганские институты для решения проблемы отсутствия безопасности и коррумпированность афганского правительства. Сделаны выводы о том, что фундамент двустороннего асимметричного альянса был подорван американо-талибскими договорённостями, а решение Вашингтона о выводе американских войск из ИРА привело к его краху.

Ключевые слова:

США; Исламская Республика Афганистан; асимметричный альянс; стратегия; государственное строительство.

Статья посвящена анализу особенностей взаимодействия США и Исламской Республики Афганистан (ИРА) в рамках асимметричного альянса, сложившегося между ними в течение двух десятилетий

до вывода американских войск из страны в августе 2021 г. Важность данной тематики с научно-практической точки зрения состоит в том, что асимметричные альянсы могут быть предпочтительны прежним

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2022

Дата принятия к публикации: 30.09.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: mggkagul@gmail.com

колониальным отношениям в качестве инструмента, с помощью которого можно устанавливать некоторый уровень контроля над другими государствами путём использования слабости младших партнёров. В рамках асимметричного альянса старший партнёр может взять на себя ответственность за безопасность младшего партнёра, получая взамен влияние на процессы принятия внутри- и внешнеполитических решений.

Автор ставит перед собой задачу доказать, что крах асимметричного альянса между США и ИРА стал результатом отсутствия чёткой стратегии, соответствующей объективной афганской реальности, незнания местных социально-культурных и политических условий, а также несоответствия избранных целей намеченным путям их реализации и выделяемым средствам. Кроме того, на ситуацию оказало влияние отсутствие адекватной координации действий между различными ведомствами США и адекватных экспертных оценок развития ситуации, а также повсеместная коррупция, причём не только с афганской, но и с американской стороны.

Рассматриваемые в статье вопросы затрагивались в той или иной степени в работах российских исследователей. В частности, отечественные исследователи И. Истомин и А. Байков дали логичное и убедительное определение асимметричным альянсам, которые, по их мнению, представляют собой «специфическую форму военно-политических отношений, характеризующуюся принципиальным неравенством совокупных потенциалов страны-лидера и остальных членов» [Истомин, Байков 2019].

Несомненный интерес также представляет исследование российского политолога И. Сафранчука относительно того, при каких обстоятельствах «президент США Б. Обама сделал выбор в 2009 году в пользу контрповстанческой стратегии, как происходила переоценка реализации выбранной стратегии в 2009 и 2010 годах и как укреплялись сомнения в американском руководстве относительно её эффективности» [Сафранчук 2017].

Нельзя также не упомянуть и американского исследователя Майкла Бекли, который, рассуждая об асимметричных союзнических отношениях, определяет международные союзы как соглашения между государствами, описывающие параметры их военно-политического взаимодействия в случае вооружённого конфликта, а также практики и процедуры сотрудничества на основе этих договорённостей [Beckley 2015]. Другой американский учёный, Брэнтли Уомак, оценивает асимметричные отношения как те, в которых из-за разницы в возможностях меньшая сторона значительно больше подвержена взаимодействию, чем большая сторона, и при этом большая сторона не может в одностороннем порядке диктовать условия взаимоотношений [Womack 2016].

Отметим и обширное исследование «Стратегии союзничества в современном мире», подготовленное коллективом российских специалистов, в котором достаточно подробно описываются различные типы объединений государств. В частности, детально разбираются сходства и различия «сообществ безопасности», «стратегических партнёрств», коалиций и союзнических отношений как формальных, документально подтверждённых, так и неформальных [Стратегии союзничества 2021]. Американо-афганский альянс, происходивший на основе юридического закрепления обязательств США, в отличие от коалиции как менее формализованного варианта военно-политического взаимодействия, имел ряд отличительных особенностей. Его уникальность состояла в том, что союз возник между богатейшей страной мира и одной из самых бедных стран мира. Если в основном подобные союзы ориентированы на угрозы извне, то в Афганистане совместные усилия были направлены на борьбу с внутренним врагом. Иными словами, американо-афганское союзничество предполагало кооперацию на основе противопоставления не внешним, а внутренним угрозам для достижения «стабильного мира» внутри афганского общества. Обозначение союза как объединения двух и более государств, связавших себя обещаниями взаим-

ной военной помощи, вряд ли вписывается в афганский случай. В военном отношении наблюдалась 100-процентная зависимость Афганистана от США, что не предполагало какой-либо взаимности. Ещё одной особенностью данного альянса выступали переговоры между США и талибами, закончившиеся подписанием соглашения, то есть внутренним врагом, фактически «за спиной» у официального Кабула. Достигнутые договорённости явились фактическим нарушением формализованных обязательств Вашингтона. Тем более что с 2012 г. Афганистан имел статус основного союзника США вне НАТО¹.

Дальнейший анализ структурирован в четырёх разделах. В первой части демонстрируются не полностью совпадающие в рамках асимметричного альянса цели США и ИРА. Высокая степень готовности Кабула координировать политику с Вашингтоном и нежелание уменьшать зависимость от США сочетались со стремлением получения максимальных выгод от установившихся отношений. Во втором разделе дана оценка правовой основы сложившегося альянса. В третьей части рассматриваются постоянно меняющиеся стратегии США в Афганистане. Нестабильность союзника в итоге вынудила американцев, наряду с обеспечением безопасности, серьёзно заняться государственным строительством в ИРА, к которому Вашингтон не был готов. После объявления президентом Дж. Байденом даты вывода американских войск из страны, несмотря на ухудшение военно-политической обстановки в стране, крах альянса США–Афганистан был предreshён.

1

Характеристика Соединённых Штатов и Афганистана в качестве старшего и младшего партнёров в асимметричном альянсе полностью соответствует действительности, так как разрыв в демографических, экономических и военных потенциалах обеих стран достигал нескольких поряд-

ков. Причём при создании альянса не все цели, которые преследовали Вашингтон и Кабул, совпадали. Кабульский режим рассчитывал на укрепление собственной безопасности в борьбе с талибами, установление стабильности в контексте восприятия руководителями ИРА альянса с США в качестве средства повышения собственной легитимности. Вашингтон же был заинтересован в ликвидации террористической угрозы с территории ИРА, обеспечении стабильного баланса региональной безопасности и расширении военно-политического влияния в регионе.

Поведение в альянсе младшего партнёра, каким являлся Афганистан, представляет интерес, поскольку оно влияло как на стратегию США, так и на управленческие расходы американцев. Вашингтон втянулся в долгосрочную войну в Афганистане, с одной стороны, под влиянием стратегических ошибок, а с другой — из-за проблемного поведения младшего союзника. Кабул не стеснялся манипулировать старшим партнёром с помощью различных стратегий для максимизации выгод от отношений в сфере безопасности. Затянувшееся военное присутствие США в Афганистане породило у афганской политической элиты иждивенческие настроения и контрпродуктивное чувство, что можно на длительный срок задержать американские войска в стране. Такой подход основывался на не совсем верном представлении Кабула о том, что Афганистан — это центр геостратегической конкуренции США с Россией и Китаем.

Внимания заслуживает высокая готовность Кабула координировать свою политику с Вашингтоном, стать полностью зависимым от США в вопросах обеспечения безопасности. Отчётливо наблюдалось нежелание бывшего афганского руководства на протяжении всего оккупационного периода уменьшить свою зависимость, которая неизбежно определялась структурными факторами, поскольку у Афганистана сохранялось пространство для манёвра при

¹ США исключают Афганистан из числа основных союзников вне НАТО. 07.07.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/149841.html> (accessed: 18.07.2022).

надлежащем использовании имеющихся ресурсов для обеспечения национальной безопасности. Важно также понять, что побуждало таких неравноценных партнёров, как США и ИРА, выбирать ту или иную линию поведения, что влияло на управление альянсом и делало действия старшего партнёра более затратными и рискованными. Следует признать, что США и ИРА, руководство которых в целом разделяло одну и ту же идеологию, но исповедовало различные религиозно-культурные ценности, оказались способными поддерживать достаточно длительные союзнические отношения.

При этом Вашингтон не преминул воспользоваться своими обязательствами в области безопасности для того, чтобы навязать себя Афганистану как более слабому партнёру для получения таких выгод, как создание военных баз на территории страны. Нельзя не упомянуть и об экспедиционном характере стратегии «глубинной обороны» США, которая предусматривала размещение американских сил и средств на территориях, расположенных ближе к противнику². Предполагалось тем самым выигрывать конфликты, а в афганском случае ликвидировать террористическую угрозу на дальних подступах, не затрагивая непосредственно континентальную часть США. В этом смысле афганский вариант политики Соединённых Штатов полностью укладывался в сохранение Вашингтоном послевоенной системы альянсов с подавляющим военным доминированием в сочетании с частым применением силы для реализации внешнеполитических интересов. Экспедиционный характер военной стратегии США, включая ключевые плацдармы и пункты материально-технического обеспечения, до сих пор остаётся критически важным для проведения американских операций по борьбе с терроризмом и наращиванию потенциала на театрах военных действий по всему миру.

Важно учитывать, что асимметричный союз между США и ИРА де-факто был

заключён во время существования однополярного мира с однозначным доминированием Соединённых Штатов на международной арене. Альянс предназначался и для поддержки очередным младшим партнёром лидерства США в мире. Правда, можно с уверенностью констатировать, что данный асимметричный альянс, предоставивший определённые возможности контролировать поведение ИРА, так и не стал полезным механизмом внешнеполитической стратегии Вашингтона.

2

Правовая база под союзнические афгано-американские отношения была подведена в 2002–2003 годах, когда посольство США в Кабуле и Министерство иностранных дел Афганистана обменялись дипломатическими нотами. В совокупности эти ноты составили соглашение, которое приравнивало военный и гражданский персонал Пентагона к административному и техническому персоналу посольства США. В нотах также рассматривались вопросы свободы передвижения, лицензий, ношения униформы, использования транспортных средств, освобождения от налогов, а также импорта и экспорта. Была подтверждена и уголовная юрисдикция США в отношении американского персонала. Позднее, в мае 2005 года, президент Х. Карзай и президент Дж. Буш подписали совместную декларацию, в которой обе страны обязались поддерживать стратегическое партнёрство с целью укрепления американо-афганских связей для обеспечения долгосрочной безопасности, демократии и процветания Афганистана. В области безопасности планировались обучение афганских национальных сил безопасности, проведение реформы сектора безопасности, антитеррористические операции, программы по борьбе с наркотиками, обмен разведданными, охрана границ и укрепление связей с НАТО. Вооружённые силы США получили доступ к военным объектам на терри-

² Expeditionary Advanced Base Operations. Marine Corps Gazette. April 2022. URL: <https://mcmarines.org/wp-content/uploads/Maneuverist-19.pdf> (accessed: 13.07.2022).

тории ИРА и относительную свободу действий для проведения военных операций на основе консультаций и заранее согласованных процедур³.

В 2006 г. было подписано новое соглашение, в соответствии с которым контртеррористические мероприятия в рамках операции «Несокрушимая свобода» должны были проводиться американцами в тесной координации с правительством Афганистана и Международными силами содействия безопасности (МССБ)⁴. В августе 2008 г. президент Х. Карзай призвал к пересмотру присутствия всех иностранных сил в Афганистане и заключению официального соглашения о статусе сил, а в январе 2009 г. Кабул предложил более жёсткие условия присутствия сил НАТО в Афганистане⁵.

В мае 2012 г. президент Б. Обама и президент Х. Карзай подписали «Соглашение о долгосрочном стратегическом партнёрстве» между США и ИРА, в котором подтвердили приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству Афганистана. Соглашение было частью американского плана передать в 2013 г. ответственность за боевые действия против талибов афганским национальным силам безопасности (АНСБ). В сентябре 2014 г. США и Афганистан подписали соглашение о сотрудничестве в области безопасности, которое позволило американским войскам остаться в Афганистане, а силам НАТО продолжить свою деятельность в рамках новой миссии «Решительная поддержка». Достигнутые договорённости и заключён-

ные соглашения между США и ИРА предоставили Вашингтону возможность установить тесные отношения с Кабулом в военно-стратегической области, создавать военные базы на территории Афганистана, а также поддерживать на протяжении длительного времени боевой уровень американского военного присутствия в стране.

З

Как представляется, решение крупной державы вступить в асимметричный союз с каким-либо государством предполагает наличие у неё определённой стратегии. Следовательно, афганская военная кампания США должна была, по идее, изначально основываться на более или менее чёткой стратегии с описанием всеобъемлющих целей, последовательности шагов, необходимых для их достижения, а также ресурсов, выделенных для выполнения этих действий. Тем не менее на протяжении двадцати лет американские чиновники постоянно жаловались на отсутствие стратегии⁶. В 2001–2002 годах в администрации президента Дж. Буша преобладало мнение, что с ликвидацией режима «Талибана»⁷ и разрушением организационной инфраструктуры «Аль-Каиды»⁸ афганский конфликт практически должен быть завершён. Действуя совместно с афганскими оппозиционными силами, США быстро устранили режим талибов и сосредоточились на уничтожении «Аль-Каиды», исполнителя терактов 11 сентября. Опираясь на Северный альянс⁹, Вашингтон после разгрома талибов и выдавливания «Аль-Каиды» из Афга-

³ Joint Declaration of the United States-Afghanistan Strategic Partnership. 23.05.2005. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/05/20050523-2.html> (accessed: 14.07.2022).

⁴ Международные силы содействия безопасности (МССБ) — миссия по поддержанию мира в Афганистане (2001–2014), которая была создана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН (1386). В 2003 г. НАТО приняла командование войсковым контингентом МССБ.

⁵ Afghanistan seeks more control of NATO troops. L.A. Times Archives. 21.01.2009. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-jan-21-fg-afghan21-story.html> (accessed: 15.07.2022).

⁶ Stewart R., Knaus G. «Can Intervention Work?». 02.09.2011. Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/entertainment/books/can-intervention-work-by-rory-stewart-and-gerald-knaus/2011/07/26/gIQA2Px9wJ_story.html [accessed: 16.07.2022].

⁷ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁹ Северный альянс — объединение отрядов ряда полевых командиров северного Афганистана, сформировавшееся в 1996 г. для борьбы с талибами.

нистана в начале 2000-х годов решал задачу поддержания безопасности в стране, которая не казалась амбициозной. Правда, следует иметь в виду, что на восстановление сил безопасности ИРА изначально было выделено мало ресурсов. Недостаток времени вынуждал США приступить к формированию небольших, устойчивых к афганским условиям вооружённых сил и полиции¹⁰. Причём у Вашингтона не было ни времени, ни желания расширять военное присутствие за пределами Кабула, а американские войска планировалось вывести из Афганистана к 2004 г.

Тем не менее быстрый рост повстанческой активности «Талибана» привёл к смене стратегии США, которые были вынуждены переориентироваться с «Аль-Каиды» на талибов, опирающихся на поддержку в основном сельского, а также некоторой части городского населения. Возникли опасения, что при помощи талибов «Аль-Каида» быстро восстановит свои позиции в Афганистане, поэтому Вашингтону пришлось пересмотреть свою стратегию по мере развития афганского конфликта. Цель заключалась в том, чтобы оказать содействие слабому афганскому правительству в решении вопросов обеспечения безопасности, надлежащего управления и экономического развития, создав устойчивые условия против возвращения «Аль-Каиды». Иными словами, в рамках асимметричного альянса Вашингтон фактически был вынужден, наряду с обеспечением безопасности, серьёзно заняться государственным строительством в Афганистане, хотя было неочевидно, что реконструкция этой разрушенной страны и есть цель возникшего союза.

Для решения подобной задачи необходимо было глубокое понимание местных обычаев и традиций, национальных институтов. Кроме того, требовалось осмысление инструментов, имеющихся у государственных структур США, которые способ-

ны были бы провести необходимые преобразования в Афганистане. Незнание американскими чиновниками преобладающих социальных, культурных и политических условий в ИРА привело к неудачам на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Отсюда и скатывание к проблеме несоответствия избранных целей намеченным путям их реализации и выделяемым средствам. В целом можно сказать, что асимметричный альянс США с Афганистаном, который предназначался больше для решения проблем внутренней безопасности, вышел далеко за рамки этой цели и стал в дальнейшем касаться многих сфер общественно-политической и экономической жизни ИРА.

Речь шла о содействии ИРА в борьбе с террористическими угрозами; защите властей от нападений со стороны талибов; прекращении гражданской войны в стране; сохранении региональной стабильности и военного присутствия США в регионе, а также Афганистана в политической орбите США; распространении в ИРА демократии и либерализма на базе западных ценностей; использовании ситуации в Афганистане для проникновения в Центральную Азию и оказании влияния на политику центральноазиатских государств. Интересы Соединённых Штатов также предусматривали, чтобы в Афганистане не доминировала другая держава (предположительно, Иран, Китай или Россия). Относительная независимость Афганистана от региональных государств была крайне важна для США, чтобы иметь возможность реализовывать весь спектр своих задач в стране и регионе. Достижение этих стратегических целей могло бы сулить немалую выгоду Вашингтону от союза с официальным Кабулом.

В то же время в Белом доме исходили из того, что военную стратегию трудно отделить от более широкого курса в отношении Афганистана, поскольку безопасность

¹⁰ Reconstructing the Afghan National Defense and Security Forces: Lessons from the U.S. Experience in Afghanistan. SIGAR-17-62-LL. September 2017. URL: <https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/sigar-17-62-ll.pdf> [accessed: 17.07.2022].

необходима для прогресса в других областях, тем более что вооружённые силы играли важную роль и в операциях, не связанных с обеспечением безопасности. Тем не менее сложность реализации упомянутой стратегии заключалась в наличии слишком широкого спектра целей и большого количества вовлечённых в Афганистане субъектов. Кроме того, вряд ли американцы могли рассчитывать на успех в условиях, когда у временного президента Хамида Карзая фактически не было реальной власти, ни армии, ни полиции, ни гражданской службы, ни функционирующего общества¹¹. Данная стратегия потерпела неудачу ещё и потому, что территорию Афганистана невозможно было контролировать силами малочисленной коалиции.

В 2009 г. США попробовали изменить стратегию, сосредоточившись на защите гражданского населения от талибов, ликвидации полевых командиров движения «Талибан» и его инфраструктуры, оказании содействия в формировании работоспособного правительства для обеспечения населения соответствующими услугами. Все эти элементы стали частью так называемой «противоповстанческой» стратегии, реализация которой предполагала не только победу над противостоящими группировками, но и улучшение жизни афганцев. В связи с тем что стратегия предусматривала усиление контроля над населёнными пунктами, необходимо было увеличить численность войск на местах. В феврале 2009 г. президент Б. Обама направил 17 тыс. военнослужащих США для поддержки 36 тыс. американских и 32 тыс. натовских войск, которые уже находились в Афганистане, а в 2010 г. в ИРА было направлено ещё 30 тыс. военнослужащих США¹².

Вместе с тем заложенные в стратегии противоповстанческой борьбы идеи оказались трудновыполнимыми и потерпели крах. Тем более что это происходило на фоне осложнившихся отношений между Вашингтоном и Кабулом в рамках асимметричного альянса. Президент Х. Карзай, недовольный давлением со стороны Соединённых Штатов по поводу коррумпированности афганского правительства, стал искать возможность для примирения с талибами, если американцы не прекратят вмешиваться в афганские дела. Налицо была попытка демонстрации большей автономности Кабула, несмотря на существенную зависимость от военной и финансово-экономической помощи, которую постоянно оказывали США.

Асимметричный альянс дал трещину, но не развалился. Более того, в 2011 г. Вашингтон приступил к негласным контактам с представителями движения «Талибан» и объявил не только о постепенном сокращении, но и выводе всех боевых частей контингента США, находящихся в ИРА, к 2014 году¹³. Стратегическая ошибка администрации Б. Обамы состояла в том, что он пытался установить искусственные сроки окончания войны до её завершения.

Вместе с тем в 2012 г. союзнические отношения между двумя партнёрами вновь были подвергнуты серьёзным испытаниям в связи со стремлением официального Кабула к большей независимости. Конфликт был разрешён после подписания двух соглашений: о переводе всех арестованных талибов из американской тюрьмы в афганскую и о проведении ночных рейдов, которые являлись основным компонентом борьбы спецназа США против талибов, исключительно силами АНСБ.

¹¹ Clayton T. The Washington Post's "Afghanistan Papers" and U.S. Policy: Main Points and Possible Questions for Congress. Congressional Research Service. 28.01.2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R46197.pdf> [accessed: 18.07.2022].

¹² Witte. U.S. troop surge and end of U.S. combat mission. Britannica. 2010. URL: <https://www.britannica.com/event/Afghanistan-War/U-S-troop-surge-and-end-of-U-S-combat-mission> [accessed: 18.07.2022].

¹³ Remarks by the President on the Way Forward in Afghanistan. White House, Office of the Press Secretary. 22.06.2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/06/22/remarks-president-way-forward-Afghanistan> [accessed: 19.07.2022].

Новый удар по двустороннему альянсу был нанесён в 2013 г. президентом Х. Карзаем, который к этому времени был скептически настроен относительно роли США в Афганистане, отказавшись подписывать двустороннее соглашение о сотрудничестве в области безопасности, без которого невозможно было сохранить военное присутствие США в ИРА¹⁴. Х. Карзай придерживался того мнения, что США должны были доказать свои добрые намерения, запретив военнослужащим заходить в дома афганцев (что противоречило исламским традициям), а также обеспечивая прозрачность голосования на выборах и способствуя мирным переговорам с талибами¹⁵.

Можно констатировать, что в данном случае религиозно-культурные различия между старшим и младшим партнёрами сыграли дестабилизирующую роль в рамках асимметричного альянса. Лишь с приходом к власти в Афганистане нового президента Ашрафа Гани, который идеологически был ближе к старшему партнёру и для которого религиозно-культурные различия между ИРА и США не имели столь важного значения, афгано-американское соглашение о сотрудничестве в области безопасности было сразу же подписано в сентябре 2014 года. К этому следует добавить, что сам Ашраф Гани и его ближайшее окружение зачастую действовали не в интересах своей страны и местного населения, особенно когда это касалось непугунских этнических групп.

К негативным факторам, осложняющим отношения в рамках союза, необходимо отнести противоречивость стратегических установок в политике США, когда, например, одновременно требовалась ликвидация местных полевых командиров в целях

стимулирования государственного строительства и в то же время сохранение их для борьбы с талибами [Pesceny, Bosin 2011]. Кроме того, обращала на себя внимание нереалистичность сроков восстановления ИРА, а также бесконечное вливание средств в афганские институты для решения проблемы отсутствия безопасности. В зону боевых действий поступило гораздо больше помощи и оборонных контрактов, чем мог поглотить обедневший Афганистан. Коррупция фактически стимулировалась представителями различных структур США, которые за лояльность и информацию выплачивали деньги и заключали контракты с полевыми командирами, губернаторами, парламентариями и религиозными деятелями. Часть этих средств оседала в карманах талибов, преступных синдикатов и коррумпированных местных чиновников¹⁶. Причём коррупция в Афганистане носила настолько глубокий характер, что поставила под угрозу всю американскую стратегию, которая зависела от укрепления легитимности афганского правительства. Можно утверждать, что коррупция превратилась де-факто в систему государственного управления в ИРА. На этом фоне цели стратегии США в ИРА продолжали расширяться, включив в себя борьбу с коррумпированными афганскими чиновниками, которые подрывали усилия США на каждом шагу.

Непродуманной оказалась и попытка США создать в Афганистане подобие либеральной демократии на основе западных демократических ценностей в условиях, когда большинство сельских жителей отвергали идею сильного центрального правительства, вмешивающегося в их дела, а талибы вели повстанческую борь-

¹⁴ *Panda A.* Afghan Chief Executive: US-Afghanistan Bilateral Security Agreement Here to Stay. The Diplomat. 27.09.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/afghan-chief-executive-us-afghanistan-bilateral-security-agreement-here-to-stay/> (accessed: 20.07.2022).

¹⁵ *Graham-Harrison E.* Hamid Karzai refuses to sign US-Afghan security pact. 24.11.2013. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/nov/24/hamid-karzai-refuses-to-sign-us-afghan-security-deal> (accessed: 21.07.2022).

¹⁶ *Whitlock C.* Consumed by Corruption. 09.12.2019. Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/investigations/afghanistan-papers/afghanistan-war-corruption-government/?tid=top_nav [accessed: 22.07.2022].

бу под лозунгом борьбы ислама с ересью (читай: с демократией). Представители движения «Талибан» всегда настаивали на создании «чистой исламской системы» и не демонстрировали никаких признаков согласия с существующим в ИРА конституционным строем [Kane 2015]. Талибы заявляли о признании прав женщин, но в рамках строгих исламских законов, а также категорически выступали против проведения выборов. Сохранять альянс на базе лишь идеологического сходства с руководством ИРА и отдельными представителями прозападно настроенных афганских правящих кругов становилось всё сложнее.

Другим важным аспектом процесса укрепления союзнических отношений являлось военное строительство, которое США осуществляли в ИРА на протяжении 20 лет. К осени 2020 г. афганские национальные силы обороны и безопасности (АНСОБ) составляли около 280 тыс. человек, на формирование которых за весь период США израсходовали 80 млрд долларов США [Biddle 2020]. Тем не менее большое число проблем в АНСОБ нивелировали американские усилия. Уровень неграмотности среди военнослужащих составлял 87%, 10% приходилось ежегодно на дезертирство, неявка на повторный призыв равнялась 20% в год, три четверти солдат употребляли наркотики. Четверть личного состава АНСОБ заменялась ежегодно. Высокий уровень насилия и отсутствие безопасности вынудили Пентагон сократить сроки обучения афганских новобранцев. Недостаточная подготовка оказывала сдерживающее воздействие на солдат на поле боя. США обучали афганских военнослужащих применению передовых систем вооружений, которые они не могли понять и тем более обслуживать. Предпринимались также попытки укрепления альянса за счёт создания нефор-

мальных военизированных отрядов под названием Афганская местная полиция (АМП) для обеспечения безопасности в стране. Тем не менее их составляли слабо подготовленные новобранцы, замешанные к тому же в различных преступлениях и нарушении прав человека.

Афганистан, будучи младшим и более слабым партнёром в асимметричных отношениях, несомненно, получал ряд преимуществ. *Во-первых*, США способствовали поддержанию безопасности в стране на более или менее приемлемом уровне. *Во-вторых*, ИРА удалось сохранить территориальную целостность государства. *В-третьих*, в Кабул на постоянной основе поступали дотации от США и их союзников, которые значительно превосходили ежегодные доходы афганского государства. *В-четвёртых*, ИРА получила возможность воссоздать и перевооружить армию и полицию. Потребности Афганистана, как правило, удовлетворялись Соединёнными Штатами, которые в течение 20 лет направили в ИРА на ротационной основе 775 тыс. военнослужащих и потратили 145 млрд долларов США на восстановление Афганистана, его сил безопасности, гражданских государственных институтов, экономики и гражданского общества¹⁷. В этой связи у официального Кабула было достаточно стимулов, чтобы сохранять альянс. Более того, афганские власти охотно занимали зависимую позицию, осознавая, что недостаточный оборонный потенциал страны воспринимался США в качестве оправдания военного присутствия на территории ИРА.

Во многих случаях система асимметричных альянсов в сфере безопасности даёт немалые стратегические преимущества США как в военном, так и в экономическом отношении, позволяя Вашингтону продвигать интересы со значительно меньшими затратами, чем это было бы возмож-

¹⁷ Lamothe D. "How 775,000 U.S. troops fought in one war: Afghanistan military deployments by the numbers." 11.09.2019. Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2019/09/11/how-us-troops-fought-one-war-afghanistan-military-deployments-by-numbers/> [accessed: 24.07.2022].

но в случае отсутствия подобных союзов. Между тем в случае с Афганистаном эта система дала сбой. После 2012 г. в Вашингтоне уверовали в то, что деятельность «Аль-Каиды» в ИРА в основном парализована, что повлекло за собой сокращение выделяемых на афганскую миссию средств. С 2012 по 2016 г. на 63% сократилась военная помощь и на 72% — гражданская помощь со стороны США¹⁸.

К 2017 г. администрация Д. Трампа несколько увеличила численность американских войск и значительно усилила бомбардировки, чтобы заставить талибов сесть за стол переговоров и достичь политического урегулирования¹⁹. Американская стратегия давления не произвела впечатления на талибов, которые продолжали отвоёвывать у афганского правительства всё новые территории. В результате в 2018 г. администрацией Д. Трампа было принято решение начать с движением «Талибан» официальные переговоры о прекращении афганского конфликта. Данный шаг был охарактеризован кабульскими властями как предательство, лишившее их легитимности [Мачитидзе 2020].

В 2020 г. к неудовольствию правительства Ашрафа Гани, было подписано американо-талибское соглашение в Дохе (Катар). Соглашение не подразумевало и не гарантировало, что какие-либо внутриафганские договорённости будут достигнуты до того, как США выведут свои войска из Афганистана. Отсутствовала какая-либо надежда и на установление постоянного или длительного прекращения огня до подписания соглашения между противоборствующими сторонами. Учитывая неучастие афганских властей в переговорах между США и «Талибаном» на начальном этапе, сложилось впечатление, что Вашингтон в рамках сложного политическо-

го урегулирования афганского конфликта отдаёт предпочтение, в первую очередь, выводу войск.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, подход официального Кабула стал заключаться в том, чтобы сотрудничать с США в удовлетворении их запросов, но при этом стремится максимально сдерживать переговорный процесс с талибами. Президент Ашраф Гани и его ближайшее окружение, а также немалая часть афганского общества опасались, что мирный процесс в том виде, в котором он осуществлялся, не только поставит правительство страны в трудное положение, но и разрушит конституционный порядок и, по существу, вернёт талибов к власти. Тем самым фактически был подорван фундамент альянса между США и ИРА.

В течение многих лет на поле боя складывалась по существу тупиковая ситуация, а США продолжали расходовать огромные средства на содержание своего контингента войск, одновременно обеспечивая жизнедеятельность афганского правительства и афганских сил безопасности. Достигнутое с талибами соглашение позволяло Соединённым Штатам выбраться из затянувшейся, дорогостоящей и невыгодной войны²⁰. Тем не менее правительство Ашрафа Гани всё ещё надеялось, что неудачные мирные переговоры с талибами приведут к сохранению в каком-то виде военного присутствия США. Между тем участь альянса Соединённых Штатов и ИРА практически была предрешена после объявления президентом Дж. Байденом в апреле 2021 г. предварительной даты вывода американских войск до начала внутриафганских переговоров, независимо от успехов талибов и перспектив мира. Это решение со стороны администрации США стало явным признанием того, что стратегия в рамках асим-

¹⁸ Quarterly Report to the United States Congress. SIGAR. 31.09.2021. URL: <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2021-01-30qr.pdf> [accessed: 24.07.2022].

¹⁹ Enhancing Security and Stability in Afghanistan. U.S. Department of Defense. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Jul/01/2002348001/-1/-1/1/> [accessed: 23.07.2022].

²⁰ *Felbab-Brown V.* What's in store after the US-Taliban deal. 2020. Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/04/whats-in-store-after-the-us-taliban-deal/> [accessed: 25.07.2022].

метричного альянса на протяжении двух десятилетий не принесла желаемых результатов и имела мало шансов на успех²¹. Как представляется, постоянная смена стратегий и противоречивость стратегических установок в афганской политике США, а также нереалистичность быстрого внедрения западных демократических институтов в общественно-политическую жизнь Афганистана и сроков восстановления разорённой страны на фоне огромных расходов и тупиковой ситуации на поле боя не могли не привести к краху этого асимметричного альянса.

* * *

Международная практика свидетельствует, что при заключении асимметричных альянсов старшие партнёры должны предвидеть спектр поведенческих альтернатив их контрагентов в процессе союзничества. Более того, политические решения, касающиеся применения того или иного механизма безопасности, должны приниматься в каждом конкретном случае, исходя из возможностей обоих партнёров, а также учитывая риски, связанные с их образом действий.

США изначально не выработали чёткую стратегию действий в Афганистане с учётом возможных рисков и последствий как с точки зрения формирования новых афганских властных структур и их поведения, так и в плане определения конкретных целей и выделения оптимальных материальных ресурсов. Государственная машина США, изолировав и превратив талибов во врагов, не способна была сделать шаг назад и не имела возможности критически пересмотреть свою политику²². В результате Вашингтону так и не удалось ликвиди-

ровать террористический интернационал на территории Афганистана, создать боеспособные афганские силы безопасности, помочь правительству ИРА стать легитимным и дееспособным, чтобы завоевать доверие большинства афганцев.

Соединённые Штаты полагали, что их военное присутствие в Афганистане способствовало формированию плюралистического политического устройства страны с лояльным США правительством во главе. Эта задача была выполнена лишь частично и касалась преимущественно городского населения. Некоторый прогресс был достигнут в области образования и здравоохранения, но перспективы его сохранения оказались весьма сомнительными. Отсутствие безопасности и порождаемая ею неопределённость сделали невозможным нормальное ведение бизнеса в стране. Внедрение западных моделей в афганские экономические институты, навязывание формального верховенства закона, непонимание природы социально-культурных барьеров, ограничивающих возможности женщин и девочек, препятствовали реализации различных проектов.

Расширив первоначальную миссию в рамках альянса, США попытались решать задачи, основанные на неверных предположениях о стране, которую они не понимали. Проблему отсутствия безопасности американские чиновники пытались решать за счёт бесконечных денежных вливаний в различные афганские структуры. Несогласованность поддержания уровня безопасности со способами и средствами, которые использовала администрация США, представляла собой наиболее распространённую причину провала усилий по государственному строительству²³.

²¹ *Pager T.* "Biden to tell Americans 'We cannot continue the cycle' in Afghanistan." *Washington Post*. 14.04.2021. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/biden-afghanistan-pullout-speech/2021/04/14/a4fd907c-9d2a-11eb-9d05-ae06f4529ece_story.html [accessed: 26.07.2022].

²² *Whitlock C.* *Stranded Without a Strategy*. 09.12.2019. *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/investigations/afghanistan-papers/afghanistan-war-strategy/?tid=top_nav [accessed: 27.07.2022].

²³ *Dobbins J., Jones S., Crane K., DeGrasse B.C.* "The Beginner's Guide to Nation-Building." 12.02.2007. RAND Corporation. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/RAND_MG557.pdf [accessed: 28.07.2022].

В результате США оказались втянутыми в невыигрышный конфликт, из которого не было лёгкого выхода. Официальный Кабул всегда воспринимал США в качестве старшего партнёра, нацеленного на силовую борьбу с талибами и террористическими группировками в Афганистане. Несмотря на то что правительство Афганистана обладало большими военно-техническими возможностями, чем талибы, из Кабула постоянно раздавались требования об увеличении военной помощи со стороны США.

Невозможность Соединённых Штатов предотвратить эвентуальный коллапс мирного процесса, остановить насилие в Афганистане, модернизировать традиционное афганское общество без учёта местной культурной специфики и опираясь на погрязшее в коррупции марионеточное правительство, а также размежевание между различными афганскими элитами — всё это разочаровало международное сообщество. Стремительный и хаотичный вывод американских войск из Афганистана, особенно в то время, когда страна ещё не стабилизировалась, негативно сказался на тех небольших социально-политических завоеваниях, которые были достигнуты за предыдущие двадцать лет.

США как сверхдержава не смогла утвердить свою гегемонию в Афганистане. Вместе с тем выход Соединённых Штатов из альянса с Афганистаном вряд ли можно считать отходом от экспансионистской политики Вашингтона, хотя и может подорвать его другие внешнеполитические цели. Некоторые американские эксперты

полагают, что стратегия США по глобальному лидерству приносит им значительные политические и экономические дивиденды и что отказ от асимметричных альянсов поставит Соединённые Штаты в невыгодное положение в международных институтах и мировой торговле. По их мнению, военные базы США в странах-союзниках должны быть в максимально возможной степени сохранены для использования как в региональной, так и в глобальной военной сети Вашингтона [Lind 2016]. Такой же точки зрения придерживаются учёные Стивен Биддл из Колумбийского университета и Майкл Бекли из Университета Тафтса, не согласные с теми, кто утверждает, что выполнение Вашингтоном обязательств в рамках асимметричного альянса втягивает США в конфликты на стратегически маргинальной территории. Важность позиции вышеупомянутых учёных для американского истеблишмента заключается в том, что после окончания Второй мировой войны Вашингтон всегда рассматривал участие в союзах с разными государствами в качестве эффективного способа достижения внешнеполитических целей США²⁴.

Вместе с тем вопрос о том, способствуют ли эти союзы достижению целей национальной безопасности США с приемлемым уровнем затрат и риска, сохраняется. Альянс с Афганистаном дал на этот вопрос отрицательный ответ. В этой связи Вашингтону предстоит оценить состояние других асимметричных союзов с точки зрения геостратегических императивов Вашингтона.

Список литературы

- Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48.
 Мачитидзе Г.Г. Стратегия в Афганистане: артефакт президента Д.Трампа // Россия и современный мир. 2020. №1. С. 119–138.
 Сафранчук И.А. Роль военной силы в политике Обамы [Опыт принятия решений на афганском направлении] // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 89–98.

²⁴ Blinken A. Reaffirming and Reimagining America's Alliances. 24.03.2021. Speech, Secretary of State. Brussels, Belgium. URL: <https://www.state.gov/reaffirming-and-reimagining-americas-alliances/> [accessed: 04.12.2022].

- Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции / Под ред. И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сушенцова. М.: МГИМО-Университет, 2021. 374 с.
- Beckley M.* The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Biddle S.* Evaluating the U.S. Military Contribution in Afghanistan. 20.11.2020. Council on Foreign Relations. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/biddle-hasc-testimony-re-afghanistan-november-2020.pdf (accessed: 23.07.2022).
- Kane S.* Talking with the Taliban Should the Afghan Constitution Be a Point of Negotiation? United States Institute of Peace. Special Report 356. 2015. 16 p.
- Lind J.* Keep, Toss, or Fix? Assessing US Alliances in East Asia. The Tobin Project. 2016. 46 p. URL: <https://www.tobinproject.org/sites/tobinproject.org/files/assets/Lind%20-%20Keep,%20Toss,%20or%20Fix.pdf> [accessed: 25.07.2022].
- Peceny M., Bosin Y.* Winning with warlords in Afghanistan // *Small Wars and Insurgencies*. 2011. Vol. 22. Issue 4. P. 603–618.
- Womack B.* *Asymmetry and International Relationships*. Cambridge University Press. 2016. 244 p.

US–AFGHANISTAN: THE COLLAPSE OF AN ASYMMETRICAL ALLIANCE

GEORGY MACHITIDZE

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

This article reflects on the reasons for the collapse of the asymmetrical alliance between the US and the Islamic Republic of Afghanistan (IRA), which had existed for 20 years. Particular attention is paid to the roles of both countries within the alliance as senior and junior partners. The goals of the two players are not always the same, which are sometimes contradictory. The level of Afghan influence on American strategy and the cost to the U.S. of managing the alliance are demonstrated, as well as attempts by the Afghan side to manipulate the senior partner with a high degree of dependence on it. The legal basis for the US-IRA alliance is outlined. The author notes the initial lack of a clear U.S. strategy outlining overarching goals, the sequence of steps required to achieve these goals, and the resources allocated to carry out these actions. The rapidly changing political and military environment in Afghanistan has contributed to frequent changes in US strategies. The paper shows that, as a result, Washington was actually forced, along with security, to engage seriously in nation-building in Afghanistan, which was not part of its plans. The ignorance of US officials about the socio-cultural and political conditions in the IRA was an important factor contributing to failures at the strategic, operational and tactical levels. The complexity of implementing a state-building strategy was also due to the overly broad range of objectives and the large number of actors involved in Afghanistan. Complicating factors were the unrealistic timeline for reconstruction of the IRA, the endless infusion of funds into Afghan institutions to address insecurity and the corruption of the Afghan government. It is concluded that the foundation of the bilateral asymmetric alliance has been undermined by the US-Taliban arrangements, and Washington's decision to withdraw US troops from the IRA has led to its collapse.

Keywords:

US; Islamic Republic of Afghanistan; asymmetric alliance; strategy; state-building.

References

- Beckley M. (2015). The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts. *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Biddle S. (2020). *Evaluating the U.S. Military Contribution in Afghanistan*. Council on Foreign Relations. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/biddle-hasc-testimony-re-afghanistan-november-2020.pdf (accessed: 23.07.2022).
- Istomin I.A., Bajkov A.A. (2019). Dinamika mezhdunarodnyh al'yansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [The dynamics of international alliances in a nonequilibrium world system]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 63. № 1. P. 34–48.
- Istomin I., Silaev N., Sushentsov A. (eds) (2021). *Strategii sojuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticheskij instrumentarij mezhdunarodno-politicheskoi konkurentsii* [Strategies of Alignment in the Modern World: Military and Diplomatic Toolbox in International Political Rivalries]. Moscow: MGIMO-Universitet. 374 p.
- Kane S. (2015). *Talking with the Taliban Should the Afghan Constitution Be a Point of Negotiation?* United States Institute of Peace. Special Report 356. 16 p.
- Lind J. (2016). *Keep, Toss, or Fix? Assessing US Alliances in East Asia. The Tobin Project*. 46 p. URL: <https://www.tobinproject.org/sites/tobinproject.org/files/assets/Lind%20-%20Keep,%20Toss,%20or%20Fix.pdf> (accessed: 25.07.2022).
- Machitidze G.G. (2020). Strategiya v Afganistane: artefakt prezidenta D.Trampa [Strategy in Afghanistan: Artefact of Donald Trump's Presidency]. *Rossiya i sovremennyyj mir*. No. 1. P. 119–138.
- Peceny M., Bosin Y. (2011). Winning with warlords in Afghanistan. *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 22. No. 4. P. 603–618.
- Safranchuk I.A. (2017). Rol' voennoj sily v politike Obamy: Opyt prinyatiya reshenij na afganskom napravlenii [Role of Military Power in Obama's Policy: The Record of Decision Making on Afghanistan]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 2. P. 89–98.
- Womack B. (2016). *Asymmetry and International Relationships*. Cambridge University Press. 244 p.

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИПЛОМАТИЯ САММИТОВ *ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

ФЕДОРЧЕНКО АНДРЕЙ
КРЫЛОВ АЛЕКСАНДР
МОРОЗОВ ВЛАДИМИР
ШЕБАЛИНА ЕКАТЕРИНА
ЛОШКАРЁВ ИВАН
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются перспективы дипломатии саммитов в отношениях России и стран Африканского региона. Дипломатию саммитов в контексте данной статьи можно рассматривать как составную часть многовекторной сетевой дипломатии, представляющую собой действенное дополнение, а иногда и альтернативу традиционной дипломатии, несмотря на то что в саммитах также принимают участие официальные лица. Авторы отмечают, что в исследованиях по дипломатии саммитов недостаточное внимание уделяется содержательным аспектам отношений их участников. Так, саммиты подразумевают рассмотрение широкого круга задач, в том числе внутривосточного характера. При этом в качестве инструмента внешней политики результативность дипломатии саммитов зависит не только от структурных характеристик отношений, но и от динамики взаимодействия между участниками. Страны Африканского региона располагают богатыми запасами полезных ископаемых, обширными территориями, которые могут быть потенциально пригодными для ведения высокопродуктивного сельского хозяйства; лесными массивами, включающими в себя ценнейшие породы деревьев, а также огромным населением, которое может стать основой для одного из крупнейших мировых рынков потребления товаров и услуг. Именно страны Африки занимают первые места по перспективам роста ВВП и быстрорастущей экономике в целом. Транснациональные корпорации давно ведут борьбу за контроль над ресурсами, доступ к дешевой рабочей силе и денежными средствами населения, наращивая свое присутствие на континенте. В этой связи Африка стала объектом особого внимания ведущих международных игроков, в том числе России. Таким образом, в настоящее время констатируется определённый возврат реального интереса России к Африке. В первой части статьи авторы анализируют экономические возможности России и её основные интересы в отношениях со странами Африканского региона. Во второй части рассматриваются вопросы развития Африки и переговорная повестка африканских государств. В третьей части речь идёт о новых точках роста и перспективных отраслях взаимодействия между Россией и Африкой.

Ключевые слова:

русская внешняя политика; Африка; дипломатия саммитов; производственная кооперация; сотрудничество в сфере инноваций.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2022

Дата принятия к публикации: 17.08.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

С 2000-х годов ведущие государства мира активизировали работу на африканском направлении, что, в частности, выражается в проведении регулярных встреч на высшем и высоком уровнях. Их стали организовывать не только бывшие метрополии (прежде всего Франция¹), но и Китай, Турция и Индия². Собственные стратегии действий на Африканском континенте принимают даже небольшие государства, такие как Мальта³. Эта работа сопровождается расширением сети дипломатических представительств: с начала 2010-х годов в странах Африки появилось более 320 новых посольств. Наиболее значительный прирост обеспечили Турция (26 новых посольств) и Индия (было объявлено об открытии 18 загранпредставительств)⁴.

Интенсификация контактов обусловлена растущей значимостью Африки. С 2013 г. она остаётся наиболее быстроразвивающимся регионом мира с ежегодным показателем прироста ВВП 5,6%⁵. При таких темпах ожидается, что к 2050 г. совокупный ВВП 54 стран Африки достигнет 29 трлн долларов США, и континент сможет достичь показателей Китая⁶. Отметим и высокий ресурсный потенциал. В недрах Африканского континента сосредоточено 10% мировых запасов нефти, 50% золота и 83% платины, 53% алмазов, 57% кобальта, 42% хрома и более 50% фосфатов и магния [Custers, Matthysen 2009: 20–21]. Площадь

реликтовых лесов в Африке составляет 20%, а 60% территории континента – невозделанные пахотные земли.

Важнейшим инструментом согласования позиций ведущих держав с африканскими странами и корректировки текущих внешнеполитических целей в последние десятилетия стали саммиты в формате «Африка+»⁷. Дипломатия саммитов – далеко не новое явление в международных отношениях, но с XX столетия её значимость возросла. Во внутренней политике проведение саммитов приобрело большое значение как инструмент укрепления легитимности лидеров и получения ими имиджевых бонусов. Во внешней политике дипломатия саммитов позволила разрушить многие протокольные границы и обеспечить неформальный и непосредственный обмен мнениями между лицами, принимающими решения. Постоянная коммуникация в таком формате имеет и обучающее, социализирующее значение, поскольку лидеры государств готовятся к мероприятиям, учатся понимать нюансы позиций своих партнёров и оппонентов, обращают внимание на вопросы, которым в силу временных и внутриполитических ограничений обычно уделяется недостаточное внимание [Dunn 1996: 32–35].

Й. Галтунг в раннем исследовании дипломатии саммитов подчёркивал, что расширение круга участников или приглаше-

¹ Франция–Африка: к новой модели отношений? 2021. 21 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-afrika-k-novoy-modeli-otnosheniy/> (дата обращения: 09.11.2022).

² China and Africa: Strengthening Friendship, Solidarity and Cooperation for a New Era of Common Development. 2022. August 19. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202208/t20220819_10745617.html (дата обращения: 09.11.2022).

³ Malta and Africa: A Strategy for Partnership 2020–2025. Ministry for Foreign Affairs and Trade Promotion – Official site. 2020. 08 January. URL: https://meae.gov.mt/en/Public_Consultations/MFTP/Pages/Consultations/MaltaandAfricaAStrategyforPartnership20202025.aspx (дата обращения: 08.10.2022).

⁴ The new scramble for Africa. The Economist. 2019. 07 March. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/03/07/the-new-scramble-for-africa> (дата обращения: 08.10.2022).

⁵ The World Bank in Africa. Overview. The World Bank official site. 2021. 02 July. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/overview> (дата обращения: 08.10.2022).

⁶ Coleman C. This region will be worth \$5.6 trillion within 5 years - but only if it accelerates its policy reforms. World Economic Forum. 2020. 11 February. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/02/africa-global-growth-economics-worldwide-gdp/> (дата обращения: 08.10.2022).

⁷ Декларация первого саммита Россия–Африка. 2019. October, 24. <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/> (дата обращения: 08.11.2022).

ние заведомых антагонистов может вести к деградации самого формата [Galtung 1964]. Между тем работа В. Томпсона и Дж. Модельски показала, что действенность саммитов зависит, скорее, от запроса на решение проблем и от структурных изменений в международных отношениях [Thompson, Modelski 1977]. Новым качеством саммитов с 1970-х годов стала регулярность: вместо проведения по мере накопления вопросов для обсуждения встречи на высшем и высоком уровнях нередко проходят через установленные временные промежутки. Тем самым саммиты стали промежуточной формой поддержания межгосударственных контактов — между *ad hoc* встречами и работой международных институтов [Mourlon-Druol 2012].

Исследования по дипломатии саммитов сходятся в том, что такого рода встречи позволяют координировать усилия государств в решении общих проблем и корректировать внешнюю политику с учётом лучшего понимания ограничений в позиции партнёров и оппонентов [Adelman 1986; Freeman 2008; Mace et. al 2015]. Напротив, Д. Дракман и П. Валлерстайн отмечают, что саммиты не помогают разрешать конфликты и не играют однозначно позитивную роль. Поскольку после 1991 г. проблемы международной и региональной безопасности стали чаще обсуждаться на саммитах, то даже в вопросе выживания государств они не превосходят другие инструменты дипломатии [Druckman, Wallensteen 2016].

В научной литературе по дипломатии саммитов пока не получил достаточного освещения важный фактор, который влияет на результативность и действенность этого формата. Речь идёт о *содержании* отношений участников — о том, по поводу чего предстоит договариваться и что может обусловить взаимный интерес. К индикаторам содержания отношений в дипломатии саммитов можно отнести охват или широту затрагиваемых проблем, тематиче-

ские приоритеты (соотношение экономических или военно-политических вопросов), потенциал для включения новых пунктов в обсуждение. Именно они позволяют оценить, насколько результативны могут быть саммиты с точки зрения стартовых условий содержания диалога партнёров. Например, при наличии трёх и более блоков вопросов вероятны ситуации размена позиций по проблемам и увязывание в более сложный комплекс малосвязанных вопросов. Если же меню для обсуждения отличается небольшим числом пунктов, то и варианты размена сокращаются. Кроме того, при большом перекосе в сторону военно-политических проблем диалог будет идти сложнее, а результаты можно получить, скорее, в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Напротив, вопросы экономического сотрудничества⁸ — прежде всего, торговлю отдельными группами товаров и инвестиции — легче довести до результата в краткосрочной перспективе. Наконец, поиск точек соприкосновения в дискуссии на саммитах может привести к появлению новых пунктов в обсуждении, что может усилить как процессы торга и размена позиций, так и изменение тематической структуры обсуждения. Кроме того, на символическом уровне появление новых тем для обсуждения демонстрирует гибкость формата саммитов и чувствительность лидеров к новым вызовам и/или общественным запросам.

В отношении российско-африканских отношений высказываются полярные точки зрения. В частности, ещё до запуска саммитов Россия—Африка значительная группа исследователей низко оценивала значимость взаимодействия между двумя странами, исходя из того, что приоритеты Москвы связаны с другими регионами мира [Olivier, Suchkov 2015]. В частности, выделяемые государством ресурсы на африканскую политику не позволяли устранить базовую для переговоров проблему информированности о партнёрах — как на уровне

⁸ Такие вопросы не касаются режима взаимной торговли, который определяется международными и наднациональными стандартами.

массовой аудитории, так и узких специалистов [Боришполец 2019], а российский бизнес даже в условиях внешних шоков не торопился интенсифицировать отношения со странами Африканского континента [Кузнецов 2018].

В то же время некоторые авторы отмечают постепенное изменение подходов Москвы к Африке. *Во-первых*, на тематическом уровне происходит разворот от военно-технического сотрудничества как основной или преобладающей отрасли взаимодействия [Yordanov 2021]. *Во-вторых*, возрастает значимость Африки в контексте внутреннего развития России и перехода к новому технологическому укладу. Для устойчивого развития Российской Федерации необходимы как редкие ресурсы, так и значительный рынок сбыта и инвестиций, который может обеспечить Африканский континент [Абрамова, Фитуни 2017]. Наконец, контакты с континентом всё больше рассматриваются как элемент диверсификации внешней политики России, как поиск международной легитимности в незападном мире [Arkhangelskaya, Dodd 2016; Besenyő 2019].

Ввиду противоречивых суждений относительно российско-африканского взаимодействия амбивалентными оказались и оценки результатов саммита 2019 г. в Сочи. На одном полюсе суждений — алармизм по поводу подрыва Россией демократического развития Африки [Akinola, Ogunnubi 2021]. Другой полюс — акцент на краткосрочности последствий саммита из-за недостаточной разработанности секторальных предпочтений [Константинова 2021]. Однако такие оценки без рассмотрения содержательной стороны российско-африканских отношений остаются неполными.

В настоящей статье авторы предпринимают попытку определить, каково содер-

жание российско-африканских отношений с точки зрения охвата сфер взаимодействия, тематических приоритетов и новых точек роста. Сначала анализируются российские приоритеты, затем ключевые запросы африканских государств, после чего — возможные перспективные направления совместной работы. Это позволит оценить содержательный потенциал дипломатии саммитов между Россией и государствами Африки, а также сформулировать рекомендации ко II саммиту, который планируется провести в Санкт-Петербурге летом 2023 года.

Экономические параметры присутствия России на Африканском континенте

В 1990-х годах Россия «сделала подарок» конкурентам на Африканском континенте: были закрыты многие посольства, консульства, культурные и научные центры, утрачена связь с полумиллионным сообществом африканских выпускников вузов СССР. К концу десятилетия торговый оборот с Африкой упал в 6 раз по сравнению с позднесоветским уровнем ВЭД (рассчитано авторами на основании Базы данных экспорта и импорта России /ВЭД⁹). Лишь в начале 2000-х годов был пересмотрен подход к отношениям со странами Африки, но на восстановление контактов потребовалось много времени.

Несмотря на то что товарооборот России со странами Африки, по данным Федеральной таможенной службы РФ, увеличился в 2013 — 2018 годах с 9,9 до 20,2 млрд долларов США (составляя лишь 3% от совокупного российского внешнеторгового оборота в 2018-м), этот показатель можно считать небольшим по сравнению с другими внерегиональными игроками¹⁰. Российско-африканский товарооборот почти в 17 раз меньше товарооборота Африки с ЕС (337 млрд долларов США в 2018),

⁹ База данных экспорта и импорта России (ВЭД). <https://ru-stat.com/database/> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁰ Данные за 2018 г. представляются достаточно репрезентативными, так как в последующие годы мировая пандемия искажала предыдущие тенденции в мировой торговле, к тому же специализированные организации ООН публикуют статистическую информацию с опозданием.

в 10 раз ниже оборота Африки с Китаем (204 млрд долларов США) и в 3 раза меньше оборота с США (61 млрд долларов США). Даже ОАЭ имеют больший товарооборот со странами континента¹¹.

При этом среди африканских регионов, куда направляются экспортные поставки из России, лидируют страны Северной Африки (Египет, Алжир, Тунис, Марокко /81,8% всего экспорта России в Африку/). Они же занимают 41,6% от общего импорта из Африки, ещё 26,8% приходится на ЮАР [Россия и страны Африки 2019: 17, 21]. Товарооборот России с другими странами континента незначителен. Существующая структура экспортно-импортных операций нуждается в реформировании и в первую очередь диверсификации внешнеполитических и внешнеторговых контактов.

Страны Африки показывают заинтересованность в привлечении зарубежного капитала в максимально возможном объёме и на наиболее свободных условиях и делают всё возможное для этого. Китай, Франция и США занимают первые строчки в списке крупнейших инвесторов в Африке по объёму инвестированного капитала. Общий объём инвестиционного китайского капитала в Африке составляет 72,2 млрд долларов США, созданные предприятия на средства 259 китайских инвестиционных проектов обеспечивают работу 137 тыс. рабочих [Россия и страны Африки 2019: 9]. Инвестиции России в Африке составляют лишь 2 млрд долларов США, при этом 80% из них направлены на разведку и добычу полезных ископаемых [Фогель 2018: 221].

Изменение экономических характеристик присутствия России на континенте напрямую связано с повышением информированности органов власти, государственных корпораций и бизнеса. Вместе с тем при реализации российских экономических инициатив по-прежнему игно-

рируется специфика культурно-исторических, цивилизационных, ментальных характеристик континента, что приводит к ошибкам во взаимодействии с африканскими деловыми партнёрами [Кортунов и др. 2020: 38].

Таким образом, проведённый анализ позволяет говорить об активизации деятельности зарубежных государств на Африканском континенте. Интенсификация их присутствия обусловлена растущей значимостью Африки на международной арене. Одним из инструментов для отражения результатов взаимодействия и формирования треков дальнейшего сотрудничества являются саммиты. При этом в случае российско-африканского взаимодействия до сих пор не было выработано единой оценки относительно эффективности дипломатии саммитов. Положительная динамика присутствует в экономическом взаимодействии России и африканских стран, в числе которых основными реципиентами экспорта из России являются государства Северной Африки. Вместе с тем для получения объёмной картины необходимо проанализировать политический аспект взаимоотношений России и стран исследуемого региона.

Африканская политическая повестка: вопросы развития

Партнёры России в Африке исходят из того, что сотрудничество должно способствовать решению насущных проблем развития¹². На Африканском континенте немало внутренних проблем, ставших прямым следствием длительной колониальной зависимости, ключевой из которых выступают территориальные споры. Современные границы достались многим африканским странам от бывших колонизаторов. Западные государства, участвовавшие в переделе захваченных территорий, не уде-

¹¹ Eurasianet (США): ждёт ли Россию успех в Африке? // Рамблер финансы. 2019. 12 ноября. URL: https://finance.rambler.ru/markets/43151042/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.11.2022).

¹² Декларация первого саммита Россия–Африка. 2019. October, 24. URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/> (дата обращения: 08.11.2022).

ляли внимание проблемам оказавшихся разделёнными многочисленных народов, племён и семей. Ныне разного рода территориальные споры в Африке касаются примерно 20% всей территории континента. 40% всей протяжённости государственных границ не демаркированы, 44% — проведены по параллелям и меридианам, 30% — по дугообразным и кривым линиям, только 26% — по естественным рубежам, отчасти совпадающим с «этническими» [Максаковский 2009: 491]. Между тем в Африке проживает более 3 тыс. различных этнических групп, говорящих более чем на 2 тыс. языках. Это стало одной из причин регулярных межэтнических и межконфессиональных конфликтов [Емельяненко 2020].

Согласно «Глобальному индексу мироплюбия», или индексу безопасности проживания в странах и регионах мира (*Global Peace Index*), который ежегодно рассчитывается экспертами Института мира вместе с Центром мира и изучения конфликтов Сиднейского университета, в наиболее опасной зоне полного или почти полного отсутствия безопасности находятся 17 из 54 африканских стран¹³. Следствием этого становится выход Африки на лидирующие позиции по количеству беженцев и перемещённых лиц, количество которых в регионе постоянно увеличивается¹⁴.

Визитными карточками большинства африканских стран выступают острая демографическая проблема и голод. В XXI в. темпы роста населения в Африке были самыми высокими по сравнению со всеми

регионами мира. С 2000 и до конца 2020 г. численность жителей континента увеличилась с 811 млн до 1,341 млрд человек — 16,72% от общей численности населения мира. По этому показателю Африка занимает второе место среди регионов мира после Азии. Африканский регион традиционно занимает лидирующую позицию в мире по показателю фертильности, который в 2020 г. был равен 4,4 рождений на одну женщину. Общая плотность населения составляет 45 человек на 1 кв. м. В городах проживает 43,8% населения, а средний возраст всех жителей континента составляет всего 19,7 года¹⁵. Положение усугубляется тем, что подавляющее большинство государств региона относится к странам с низким уровнем дохода — менее 2 долларов США в день, что в 58 раз ниже среднего дохода на душу населения в развитых странах и является самым низким показателем в мире.

Голод усугубляется кризисом в сфере здравоохранения, так как совокупные годовые расходы в данной области составляют в расчёте на душу населения 51,6 доллара США (для сравнения: 1858,3 доллара в США и 1828,1 доллара в Европе)¹⁶. В расчёте на 10 тыс. человек населения в регионе приходится 0,1 врача, 10 медсестёр и 1,1 места в стационарных медицинских учреждениях (в США и Европе соответственно 24/82/34 и 32/80/29)¹⁷. По данным ВОЗ, 50% детей всего мира в возрасте до пяти лет, умирающие от пневмонии, диареи, кори, ВИЧ, туберкулёза и малярии, проживают в странах Африки. Около 1,5 млн взрослых африканцев умирают

¹³ Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World, Sydney: Institute for Economics & Peace. June 2020. p. 9. URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁴ Africa, le migrazioni nel continente. Report di Africa Center e World migration report 2022. 2021. Dicembre 27. URL: <https://www.cartadiroma.org/news/africa-le-migrazioni-nel-continente-report-di-africa-center-e-world-migration-report-2022/> (дата обращения: 01.12.2022).

¹⁵ Population of Africa. Web resource of Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/africa-population/> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁶ Atlas of African Health Statistics 2018: universal health coverage and the Sustainable Development Goals in the WHO African Region. WHO Regional Office for Africa, Brazzaville, Congo. 2018. P. 99. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311460/9789290234135-eng.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁷ Global Health Observatory (GHO). Geneva: World Health Organization. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/topics/topic-details/GHO/health-workforce> (дата обращения: 05.11.2022).

ежегодно от тех же болезней. Из 2 млрд жителей планеты, не имеющих доступ ко всем компонентам, входящим в структуру WASH (чистая вода, санобработка, гигиена), 706 млн человек — африканцы¹⁸.

Таким образом, основной посыл российских устремлений к сотрудничеству с африканскими странами — способствовать разрешению основных проблем региона, среди которых территориальные конфликты, безопасность, демографическая проблема и голод, проблемы здравоохранения. Исходя из этого проектируются траектории российско-африканского взаимодействия.

Перспективные направления российско-африканских отношений

Политика России в Африке имеет много перспективных направлений, она опирается на исторические связи и наличие у Москвы ресурсов и технологий, востребованных на континенте. При этом при анализе следует исходить из сложившегося соотношения сил, интересов и потенциалов развития.

В первую очередь, ряд африканских государств жизненно заинтересованы в поставках продовольствия из России, что может частично решить вопрос экономической безопасности континента. Численность страдающих от голода людей в Африке за период 1990/92–2014/15 годов возросла на 25%, достигнув 220 млн человек¹⁹. Представленная в докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН информация позволяет утверждать, что основные очаги отсутствия продовольственной безопасности располагаются на

Африканском континенте. Для Африки показатель распространённости недоедания (РН) составляет 19,1% от численности населения: достаточного питания не получали более 250 млн человек, на 17,6% больше, чем в 2014 году, что более чем в 2 раза превышает среднемировой показатель РН, составляющий 8,9%. От голода и недоедания умирают около 400 тыс. человек в год — в основном дети в возрасте до 5 лет.

Дополнительным фактором риска выступают экологические проблемы, вызванные негативным антропогенным воздействием на природную среду, такие как снижение плодородия почв, ускорение процессов эрозии, наступление пустынь, неконтролируемая вырубка лесов, дефицит воды и ухудшение её качества, а также загрязнение атмосферы промышленными выбросами²⁰. В ситуации повышенного риска африканские страны стремятся нарастить экспорт сельхозпродукции.

Российский экспорт продукции агропромышленного комплекса (АПК) в 2020 г. стал рекордным в современной истории, сообщили РБК в федеральном центре «Агроэкспорт» Минсельхоза России²¹. По его подсчётам, в 2020 г. Россия поставила в другие страны 79 млн т сельхозпродукции и продовольствия на 30,7 млрд долларов США, что на 20% больше как в денежном, так и в натуральном выражении по сравнению с показателями 2019 г. Таким образом, был побит рекорд 2018 года, когда за рубеж было поставлено 78,5 млн т продукции АПК на 25,8 млрд долларов США²². Перспективными могут считаться поставки в Африку российского продовольствия, в первую очередь зерна, растительного и

¹⁸ Progress on household drinking water, sanitation and hygiene 2000–2017: Special focus on inequalities. New York: United Nations Children's Fund (UNICEF) and World Health Organization. 2019. URL: <https://reliefweb.int/report/world/progress-household-drinking-water-sanitation-and-hygiene-2000-2017-special-focus> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁹ FAO. 2021. World Food and Agriculture — Statistical Yearbook 2021. Rome. <https://doi.org/10.4060/cb4477en>

²⁰ Ibid.

²¹ Россия в 2020 г. показала рекорд по поставкам продовольствия за рубеж // РБК. 9 марта 2021. <https://www.rbc.ru/business/09/03/2021/604217269a79471196c1131b> (дата обращения: 05.11.2022).

²² Там же.

сливочного масла (данное направление напрямую не связано с трансфером российских технологий, но, как было отмечено выше, проблема голода — одна из острых на континенте).

Североафриканский рынок целесообразно дополнить сбытом в странах Африки южнее Сахары, но российским производителям предстоит серьёзная работа по повышению конкурентоспособности продукции. Главными поставщиками зерна в страны континента сейчас являются такие страны, как США, Канада, Австралия, производители которых опираются на свой многолетний опыт поставок на Африканский континент, создают пулы, обеспечивая для себя выгодные условия сбыта²³. В конкурентной борьбе имеет смысл опираться на гибкую ценовую политику, которая первоначально может включать и поставки по демпинговым ценам. В таком случае Африка имеет шансы стать рынком будущего для российского зерна и сельскохозяйственной техники. Эта область перспективна, учитывая стремление африканских стран искоренить проблему голода и более продуктивно использовать многие из больших площадей неосвоенных земель, которые существуют на континенте.

Проблема голода дополняется нехваткой питьевой воды. Прогнозируется, что к 2025 г. нехватка питьевой воды в Африке достигнет критического уровня²⁴. Качество природной воды таково, что она непригодна или малопригодна к употреблению. Эта проблема характерна для всех крупных рек региона. Душевое потребление воды жителями Африки составляет от 5 до 20 литров и является самым низким в мире²⁵. Воды

Нила — самой крупной реки Африки — настолько загрязнены, что на всём египетском отрезке русла этой реки, включая многомиллионный Каир, ощущается нехватка питьевой воды. Критическая ситуация сложилась в бассейне реки Нигер, который является основным водным ресурсом для более чем 130 млн человек из девяти стран континента. Инфраструктура Нигера не справляется с растущим спросом на водные, энергетические и почвенные ресурсы. В ООН опасаются, что в этом регионе около 7 млн человек оказались заложниками крупнейшего гуманитарного кризиса в Африке²⁶.

Россия находится среди стран-лидеров по запасам пресной воды в мире: на её территории расположено порядка 120 тыс. водохранилищ, а также самое большое в мире озеро — Байкал²⁷. Исходя из этого вероятно, что в ближайшие годы Россия продолжит увеличивать экспорт природных вод. Развитию поставок служит проект национальной экспортной стратегии России на период до 2030 года, подготовленный Минэкономразвития России в конце 2013 г. Согласно ему, Россия не только продолжит увеличивать объёмы поставок питьевой воды в крупнейшие страны-потребители, но и начнёт поставлять пресную воду в рамках международных экологических проектов в районы, испытывающие нехватку питьевой воды. К примеру, в 2014 г. отечественные предприятия увеличили объём экспорта питьевой воды в страны Африки в 7,1 раза по сравнению с 2013 годом, а общий объём экспорта воды из России достиг в 2020 г. отметки в более чем 3 млрд литров²⁸. Однако стоит иметь

²³ FAOSTAT. Crops and livestock products. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 25.11.2022).

²⁴ UNICEF. Water Security for All. March 2021. <https://www.unicef.org/media/95241/file/water-security-for-all.pdf>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2009 г. № 1235-р. URL: <http://government.ru/docs/10049/> (дата обращения: 06.12.2022).

²⁸ Проект Национальной экспортной стратегии России на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. 24.12.2013. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=3312#XpUqjPT07MTMFhyK> (дата обращения: 06.12.2022).

в виду, что отсутствуют данные о том, что проект документа был утверждён.

Широкие возможности предлагает сотрудничество в области *производственной кооперации и инноваций*²⁹. Россия способна на взаимовыгодной основе помочь африканцам в *преодолении научно-технологического отставания*. Недостаточно развитые национальные научно-технические комплексы континента станут препятствием на пути осуществления хозяйственного рывка в эпоху перехода всё большей части мировой экономики к осуществлению четвёртой промышленной революции. Эти комплексы испытывают дефицит финансирования, хотя наиболее сильные в экономическом отношении страны испытывают эту проблему в меньшей степени. Удельный вес суммарных африканских расходов на НИОКР в общемировых составлял в 2018 г. 1,01%, а по странам Африки южнее Сахары – 0,42%³⁰. В 2006 г. государства-члены Африканского Союза наметили ориентир – довести долю расходов на эти цели в континентальном ВВП до 1%. Тем не менее этот показатель не был достигнут, и только 9 государств удержались на уровне в 0,5%³¹. Несмотря на то что в России данный показатель тоже не так велик (1,1–1,2%)³², научно-технический комплекс в России уже создан и теперь расширяются его внешние связи. К тому же, учитывая различие в показателях российского и общеафриканского

ВВП, 1% в России почти вдвое «тяжелее», чем во всей Африке.

При разработке планов научно-технического и хозяйственного сотрудничества необходимо вкладывать средства в ориентированные на африканский спрос проекты, но необходимо рассматривать в качестве партнёров не только наиболее мощные страны континента, но и малые государства, проявившие повышенный динамизм в развитии своих научно-технических комплексов, такие как островной Маврикий, Кабо-Верде, а также Руанда. Полезным шагом послужило бы налаживание деловых и научных связей с африканскими международными ассоциациями в сфере НИОКР и высшем техническом образовании, а также развитие научно-технической кооперации в Африке с такими странами, как Китай, Индия, Бразилия, Израиль и др. Совместные усилия позволят сформировать потенциал опережающего развития, преодолеть проблемы замкнутости российской науки³³. Россия уже добилась на этом направлении некоторых успехов, при этом важнейшим событием стала презентация российскими учёными на международной конференции в июле 2019 г. в Демократической Республике Конго новейшей вакцины против вируса Эбола³⁴.

Помимо вышеперечисленных направлений сотрудничества, авторам представляется, что Россия могла бы предложить

²⁹ Товарный экспорт необходимо наращивать, что будет определяться динамикой покупательной способности африканского населения. Необходимо выделить конкурентные преимущества России в двух областях – поставки продовольствия и продукции оборонно-промышленного комплекса. И в первой, и во второй эластичность африканского спроса по отношению к динамике цен и странового ВВП и впредь будет минимальна.

³⁰ Kigotho W. Countries spend less than 1% of GDP on research. University World News. Africa Edition. 17 June 2021. P. 1.

³¹ African Union. Assembly of the African Union Eighth Ordinary Session 29 – 30 January 2007. Assembly/AU/Dec.134 – 164 (VIII) Assembly/AU/Dec.1 6 (VIII). DECISIONS AND DECLARATIONS.

³² Затраты на науку в России в 2020 году. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЗЭ) НИУ ВШЭ. 9 сентября 2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/504082564.html> (дата обращения: 06.12.2022).

³³ Торкунов А.В. На что стоит делать ставку в сфере образования? // Российская газета. 2006. URL: <https://rg.ru/2006/06/02/torkunov.html> (дата обращения: 05.11.2022).

³⁴ На международной конференции в Конго высоко оценили российскую вакцину против лихорадки Эбола. Министерство здравоохранения Российской Федерации. 02.07.2019. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/07/02/11887-na-mezhdunarodnoy-konferentsii-v-kongo-vysoko-otsenili-rossiyskuyu-vaktsinu-protiv-lihoradki-ebola> (дата обращения: 05.11.2022).

странам Африки совместную реализацию проектов в следующих областях, являющихся дефицитными для африканских стран и выгодных для России:

- сотрудничество в сфере ВПК (военно-промышленный комплекс) с частичным переносом ремонтных и пуско-наладочных работ на территорию Африки;

- возобновляемая энергетика, в первую очередь на основе использования энергии солнца, а также гидроэнергетика;

- нефтегазовая сфера, в том числе технологии использования попутного газа;

- инфраструктура и логистика; строительство железных и автомобильных дорог, которые должны соединить побережье Красного моря с Западной Африкой;

- IT, связь и коммуникации: совмещение африканских платформ с российскими, онлайн-ритейл, использование спутникового широкополосного доступа к Интернету;

- безопасность и кибербезопасность;

- цифровая экономика; интенсификация цифровой трансформации, произошедшая ввиду пандемии коронавируса, открывает дополнительные возможности в интеграции инновационных пространств России и Африки;

- экология: передача африканским странам технологий очистки воды, опреснения морской воды, строительства водоканалов, накопленного на постсоветском пространстве опыта борьбы с опустыниванием;

- туризм и совместное использование африканских рекреационных ресурсов.

Таким образом, спектр перспективных сфер сотрудничества, в развитии которых были бы заинтересованы как Россия, так и Африка, представляется довольно широким. В первую очередь речь идёт о направлениях, связанных с агропромышленным комплексом, а также безопасностью, здравоохранением, научно-технической сферой. Помимо этого, перспективными могут быть и проекты в области военно-про-

мышленного взаимодействия, энергетики, контакты в IT-сфере, экологии и т.д. При этом видится, что Россия обладает конкурентными преимуществами в сотрудничестве с африканскими странами.

Конкурентные преимущества России и политическая конъюнктура

Россия не располагает такими экономическими и финансовыми возможностями, как КНР, поэтому не может предоставлять региону дешёвые кредиты или значительные суммы экономической помощи, которые могли бы соперничать с западными траншами. Тем не менее экономическое и политическое сотрудничество поддерживается благодаря двум ключевым факторам. Первым выступает предоставление дешёвых услуг по обеспечению безопасности и стабилизации в странах региона. Например, российские частные военные компании (ЧВК) принимали участие в гражданских войнах в Ливии и Мозамбике (на стороне правительства), а в настоящее время охраняют президента Центральноафриканской Республики, где они помогли отразить нападение повстанцев на столицу в 2021 году³⁵. Российские ЧВК служат рекламой для российского и модернизированного советского вооружения, которое остаётся вне конкуренции в Африке из-за соотношения цена/качество, к тому же российское оружие может поставляться в страны континента по упрощённой схеме по сравнению с поставками других стран в Африку.

Второй фактор – продовольствие. Российская Федерация – один из крупнейших в мире поставщиков пшеницы, и из-за дешевизны продукции большую часть российского экспорта пшеницы покупают африканские страны. В 2020 г. африканские страны импортировали сельскохозяйственную продукцию на сумму 4 млрд долларов США из России и 2,9 млрд долларов США из Украины, в то время как на мировых рынках фиксировался рост цен на данную

³⁵ В ЕС заявили о контроле ЧВК Вагнера над безопасностью в ЦАР // РБК. 13.01.2022 URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2022/61e030f29a79472ceb6f4430> (дата обращения: 05.11.2022).

продукцию³⁶. Ситуация на Украине в 2022 г. ударила по рынку пшеницы, включая потенциальный временный запрет в России на экспорт, срыв посевного сезона на Украине, надвигающийся кризис удобрений. Это может оказать негативное влияние на других ключевых поставщиков пшеницы в Африку, таких как Франция и Бразилия.

В то же время перебои с поставками будут по-разному влиять на африканские страны. Например, в Нигерии эту проблему можно решить относительно безболезненно: пшеница — товар с гибким спросом в стране, занимающий долю рынка, сопоставимую с другими культурами, такими как кукуруза и маниок³⁷. Между тем в других областях ситуация с перебоями поставок не только угрожает спросу, но и бросает вызов ряду бизнес-проектов, таких как масштабные инвестиции в инфраструктуру для хранения пшеницы и других культур. Ещё одна проблема связана с нехваткой логистических коридоров из-за санкций и ограничений. Россия не в состоянии осуществлять массовые поставки зерна и удобрений через Каспийское море и Иран.

Представляется логичным предположить, что энергетический рынок Африки будет претерпевать изменения. С одной стороны, Европа, избегающая российской нефти и газа, оставляет африканским странам, таким как Алжир, Ливия и Нигерия, возможность заполнить пробел в экспорте углеводородов, что может изменить структуру поставок на следующие десятилетия. С другой — эта возможность пока носит умозрительный характер, поскольку данные страны не располагают необходимым уровнем финансирования и развития инфраструктуры для того, чтобы обеспечивать страны Европы своими энергоресурсами. Более того, Ливия находится в состо-

янии гражданской войны, поэтому невозможно рассчитывать на обеспечение поставок с её стороны в ближайшее время.

Ещё одна проблема — рост цен на нефть и нефтепродукты, которые в основном импортируются африканскими странами. Возникший кризис сильнее всего повлияет на страны Западной Африки, которые в большей степени зависят от импорта дизельного топлива и остаточного мазута.

В разворачивающемся противостоянии между ведущими игроками мировой политики Африка постарается остаться в стороне, попытается сохранить нейтральный статус и единогласие. С одной стороны, страны Африки не желают разрывать налаженные связи со странами Запада, которые оказывают экономическую и гуманитарную помощь. С другой стороны, мир стоит на пороге продовольственного кризиса, поэтому Африканский континент заинтересован в налаживании отношений с Россией для обеспечения будущих поставок продовольствия.

В свою очередь, на фоне западных санкций против Москвы в отношении импорта высоких технологий³⁸ Россия продолжит искать рынки сбыта продовольствия в странах, которые могли бы обеспечить полезными ископаемыми, например редкоземельными металлами, российские производства электронных компонентов. Вполне вероятно, что сокращение связей России с крупными поставщиками ресурсов может подтолкнуть её к налаживанию сотрудничества с такими странами, как Мали, Центральнаяафриканская Республика и Демократическая Республика Конго, которые являются крупнейшими в мире производителями кобальта, минерала, необходимого для производства электронных компонентов и транспортных средств.

³⁶ Ханов М. Внимание на Африку. Об экономических перспективах РФ на южном континенте // ТАСС. 17.08.2021. URL: <https://tass.ru/opinions/12143295> (дата обращения: 05.11.2022).

³⁷ Nigeria — Wheat — Market Analysis, Forecast, Size, Trends and Insights Update: COVID-19 Impact. Indexbox. 02.09.2022 URL: <https://www.indexbox.io/store/nigeria-wheat-market-report-analysis-and-forecast-to-2020/> (дата обращения: 05.11.2022).

³⁸ Об экономических санкциях против России. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_archive/Mon_13/2022/TT2022_A.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

* * *

Почти все страны Африки проводят структурные изменения, которые нацелены на укрепление институциональных структур, поддерживающих политическую стабильность и открытость политических режимов, а также упрощающих ведение бизнеса, привлекающих прямые инвестиции и распространяющих новые технологии. Африка стала объектом внимания традиционных международных игроков. Россия возвращается в Африку в тот момент, когда за неё уже развернулась борьба. При этом Африканский континент является одним из направлений, на котором Россией осуществляется прорыв международных ограничений.

В целом содержание российско-африканских отношений характеризуют следующие черты. Охват затрагиваемых проблем достаточно широк и включает в себя вопросы удовлетворения физических потребностей (в еде и воде). В перспективе Россия «может включиться в обеспечение почти всей пирамиды Маслоу»³⁹ — то есть организовать доступ к ресурсам, начиная от физиологических потребностей до возможностей самореализации через информационные технологии и расширение числа рабочих мест и номенклатуры отраслей экономики [Abulof 2017]. Задел на продовольственном треке сопровождается наработками в сфере безопасности. Однако вовлечение России в целый ряд отраслей пока остается, скорее, предметом возможных переговоров (экология, информационные технологии, инфраструктура и логистика): запрос африканских государств на проекты в этих отраслях существует, но пока нет встречного движения со стороны российского государства и бизнеса.

Тематические приоритеты России лежат в сфере экономических проектов и развития экспорта в Африку. Военно-техническое сотрудничество останется одной из важнейших сфер взаимодействия, но уже не единственной. Представляется, что отраслевая

диверсификация позволит углубить и расширить российско-африканский диалог.

Сотрудничество России и стран Африки сдерживается неблагоприятной внешней конъюнктурой, в том числе конкуренцией со стороны других государств. В то же время перспективы дипломатии саммитов для российской внешней политики скорее благоприятные. *Во-первых*, сформирован пул вопросов для политических разменов и увязывания решения различных проблем во взаимоотношениях Африки и России. Сегодня Россия может предложить странам Африки не только сотрудничество в нефтегазовой сфере, но и совместную реализацию проектов в сферах возобновляемой энергетики и экологии, инфраструктуры и логистики, инновационных технологий, ИТ, связи и коммуникаций, безопасности, туризма, образования и во множестве других отраслей.

Во-вторых, у России есть конкурентные преимущества. Потенциал сотрудничества большой, но он заключается не в наращивании товарооборота, а в развитии производственной кооперации и инноваций. Россия способна на взаимовыгодной основе помочь африканцам в преодолении научно-технологического отставания. Вместе с тем не стоит забывать, что для реализации данных программ необходима система их государственной и частной поддержки, в том числе и в информационном поле.

В контексте II саммита Россия—Африка для российской дипломатии важно сформировать индивидуальное меню предложений для каждого африканского государства-партнёра, проработать с отечественным бизнесом схемы развёртывания инфраструктурных и логистических проектов на субрегиональном уровне. При этом не стоит забывать о главной особенности дипломатии саммитов — это инструмент, используемый в информационных и имиджевых целях, то есть результативность и отдача не должны отставать от стратегических разработок и планов.

³⁹ Abulof U. Introduction: Why We Need Maslow in the Twenty-First Century. 2017. Soc 54, 508–509. <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0198-6>

Список литературы

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. №. 9. С. 24–35.
- Боришполец К.П. Стратегические интересы России в Африке // *Международная аналитика*. 2019. №. 1–2. С. 7–15.
- Емельяненко Е.Г. Постколониальная Африка: проблемы и перспективы // *Мировая политика*. 2020. № 2. С. 86–101.
- Константинова О.В. Торговля России с Африкой: современное положение дел // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. №. 3. С. 227–242.
- Кортунов А.В., Цайзер Н.Г., Харитонов Е.В., Кочофа Г.А., Ежов Д.П., Чкония Л.Е. Африка – Россия+: достижения, проблемы, перспективы: Совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ). Доклад № 53/2020. М.: НП РСМД, 2020. 60 с.
- Кузнецов А.В. Торговля России с Африкой: новые явления в условиях «войны санкций» // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. №. 4. С. 6–19.
- Максаковский В.П. Географическая картина мира: Пособие для вузов. Кн. II: Региональная характеристика мира. М.: Дрофа, 2009. 480 с.
- Россия и страны Африки: долгосрочное торговое партнёрство. М.: Аналитический дайджест, 2019, с. 17, 21.
- Фогель Д.В. Инвестиционная деятельность российских компаний на рынке стран Африки в условиях улучшения институциональной среды // *Экономические отношения*. 2018. Т. 8. № 2. С. 217–232.
- Abulof U. Introduction: Why We Need Maslow in the Twenty-First Century // *Society*. 2017. Vol. 54. P. 508–509. <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0198-6>
- Adelman K.L. Summity: the historical perspective. *Presidential Studies Quarterly*. 1986. Vol. 16. No. 3. P. 435–441.
- Akinola A.E., Ogunnubi O. Russo-African Relations and electoral democracy: Assessing the implications of Russia's renewed interest for Africa // *African Security Review*. 2021. Vol. 30. No. 3. P. 386–402.
- Arkhangelskaya A., Dodd N. Guns and poseurs: Russia returns to Africa // *Emerging Powers in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham, 2016. P. 159–175.
- Besenyó J. The Africa Policy of Russia // *Terrorism and political violence*. 2019. Vol. 31. No. 1. P. 132–153.
- Custers R., Matthysen K. Africa's natural resources in a global context. Antwerpian: International Peace Information Service (IPIS), 2009. 88 p.
- Diplomacy at the highest level: the evolution of international summitry / ed. by D.H. Dunn. Basingstoke: McMillan Press, 1996. 279 p.
- Druckman D., Wallensteen P. Summit meetings: good or bad for peace? // *Global Summitry*. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 71–92.
- Galtung J. Summit meetings and international relations // *Journal of Peace Research*. 1964. Vol. 1. No. 1. P. 36–54.
- Mace G., Thérien J. P., Tussie D., & Dabène O. Introduction: Summitry and governance in comparative perspective // *Summits & Regional Governance*. London: Routledge, 2015. P. 1–10.
- Mourlon-Druol E. “Managing from the Top”: Globalisation and the Rise of Regular Summitry, mid-1970s–early 1980s // *Diplomacy & Statecraft*. 2012. Vol. 23. No. 4. P. 679–703.
- Olivier G., Suchkov D. Russia is Back in Africa // *Strategic Review for Southern Africa*. 2015. Vol. 37. No. 2. P. 146–167.
- Thompson W.R., Modelski G. Global conflict intensity and great power summitry behavior // *Journal of Conflict Resolution*. 1977. Vol. 21. No. 2. P. 339–376.
- Yordanov R.A. Russia's return to Africa: Much ado but about what? // *Africa and the Global System of Capital Accumulation* / ed. by E.O. Ortsejafor, A.D. Cooper. London: Routledge, 2021. P. 101–114.

RUSSIAN–AFRICAN COOPERATION AND SUMMIT DIPLOMACY *CHALLENGES AND OPPORTUNITIES*

ANDREY FEDORCHENKO

ALEXANDER KRYLOV

VLADIMIR MOROZOV

EKATERINA SHEBALINA

IVAN LOSHKAREV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the perspectives of summit diplomacy in relations between Russia and the countries of the African region. Summit diplomacy in the context of this article can be considered as an integral part of multi-vector network diplomacy, which is an effective addition, and sometimes an alternative to traditional diplomacy, despite the fact that officials also take part in the summits. The authors note that in studies on the diplomacy of summits, insufficient attention is paid to the substantive aspects of the relations between their participants. Thus, the summits imply consideration of a wide range of tasks, including those of a domestic political nature. At the same time, as an instrument of foreign policy, the effectiveness of summit diplomacy depends not only on the structural characteristics of relations, but also on the dynamics of interaction between the participants. The countries of the African region have rich mineral deposits, vast areas that could potentially be suitable for highly productive agriculture; forests, including the most valuable species of trees, as well as a huge population, which can become the basis for one of the world's largest markets for goods and services. It is African countries that occupy the first places in terms of GDP growth prospects and the rapidly growing economy as a whole. Transnational corporations have long been fighting for control over resources, access to cheap labor and the population's money, increasing their presence on the continent. In this regard, Africa has become the object of special attention of leading international players, including Russia. Thus, at present, a certain return of Russia's real interest in Africa is being ascertained. In the first part of the article, the authors analyze the economic opportunities of Russia and its main interests in relations with the countries of the African region. The second part deals with the development of Africa and the negotiating agenda of African states. The third part deals with new points of growth and promising areas of interaction between Russia and Africa.

Keywords:

Russian foreign policy; Africa; summit diplomacy; industrial cooperation; cooperation in the field of innovation.

References

- (2019). *Rossiya i strany Afriki: dolgosrochnoye torgovoye partnerstvo* [Russia and African countries: a long-term trade partnership]. Moscow: Analytical Digest. 33 p.
- Abulof U. (2017). Introduction: Why We Need Maslow in the Twenty-First Century. *Society*. Vol. 54. P. 508–509. <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0198-6>
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2017). Potentsial afrikanskogo kontinenta v strategii razvitiya rossiyskoy ekonomiki. [The potential of the African continent in the development strategy of the Russian economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 61. No. 9. P. 24–35.
- Adelman K.L. (1986). Summity: the historical perspective. *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 16. No. 3. P. 435–441.
- Akinola A. E., Ogunnubi O. (2021). Russo-African Relations and electoral democracy: Assessing the implications of Russia's renewed interest for Africa. *African Security Review*. Vol. 30. No. 3. P. 386–402.

- Arkhangelskaya A., Dodd N. (2016). Guns and poseurs: Russia returns to Africa. In: *Emerging Powers in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 159–175.
- Besenyó J. 2019. The Africa Policy of Russia. *Terrorism and political violence*. Vol. 31. №. 1. P. 132–153.
- Borishpolets K.P. (2019). Strategicheskiye interesy Rossii v Afrike. [Strategic interests of Russia in Africa]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 1–2. P. 7–15.
- Custers R., Matthysen K. 2009. *Africa's natural resources in a global context*. Antwerpen: International Peace Information Service (IPIS). 88 p.
- Dunn D.H. (ed.) (1996). *Diplomacy at the highest level: the evolution of international summitry*. Basingstoke: McMillan Press. 279 p.
- Druckman D., Wallensteen P. (2016). Summit meetings: good or bad for peace? *Global Summitry*. Vol. 2. No. 2. P. 71–92.
- Emelianenko E.G. (2020). Postkolonial'naya Afrika: roblem i perspektivy. [Postcolonial Africa: problems and prospects]. *Mirovaya politika*. No. 2. P. 86–101.
- Fogel D.V. (2018). Investitsionnaya deyate"nos" rossiyskikh kompaniy na rynke stran Afriki v usloviyakh uluchsheniya institutsionnoy sredy. [Investment activity of Russian companies in the market of African countries in the context of improving the institutional environment]. *Ekonomicheskiye otnosheniya*. Vol. 8. No. 2. P. 217–232.
- Freeman R. (2008). Learning by meeting. *Critical Policy Studies*. No. 2. P. 1–24.
- Galtung J. (1964). Summit meetings and international relations. *Journal of Peace Research*. Vol. 1. No. 1. P. 36–54.
- Konstantinova O.V. (2021). Torgovlya Rossii s Afrikoy: sovremennoye polozheniye del. [Trade between Russia and Africa: the current state of affairs]. *Kontury glaba"nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol 14. No. 3. P. 227–242.
- Kortunov A.V., Tsayzer N.G., Kharitonova Ye.V., Kochofa G.A., Yezhov D.P., Chkoniya L.Ye. (2020). *Afrika – Rossiya+: dostizheniya, roblemy, perspektivy: sovmestnyy doklad Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam (RSMD) i SOYUZA «Afrikanskaya delovaya initsiativa»* [Africa – Russia+: Achievements, Problems, Prospects: Joint Report of the Russian International Affairs Council (RIAC) and the African Business Initiative UNION (ABI)]. Report No 53/2020. Moscow: NP RIAC. 60 p.
- Kuznetsov A.V. (2018). Torgovlya Rossii s Afrikoy: novyye yavleniya v usloviyakh "vojny sanktsij" [Trade between Russia and Africa: new phenomena in the conditions of the "war of sanction"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 6–19.
- Mace G., Thérien J. P., Tussie D., & Dabène O. (2015). Introduction: Summitry and governance in comparative perspective. In *Summits & Regional Governance*. Routledge. P. 1–10.
- Maksakovskiy V.P. (2009). *Geograficheskaya kartina mira* [Geographical picture of the world]. Manual for universities Book. II: Regional Characteristics of the World. Moscow: Drofa. 245 p.
- Mourlon-Druol E. (2012). "Managing from the Top": Globalisation and the Rise of Regular Summitry, mid-1970s–early 1980s. *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 23. No. 4. P. 679–703.
- Olivier G., Suchkov D. (2015). Russia is back in Africa. *Strategic Review for Southern Africa*. Vol. 37. No. 2. P. 146–167.
- Thompson W. R., Modelski G. (1977). Global conflict intensity and great power summitry behavior. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 21. No. 2. P. 339–376.
- Yordanov R. A. (2021). Russia's return to Africa: Much ado but about what? In: Oritsejafor E.O., Cooper A.D. (Eds.) *Africa and the Global System of Capital Accumulation*. Routledge. P. 101–114.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ГОНКОНГА

НИКОЛАЙ ВЕРЕМЕЕВ

Meridian Capital (HK) Limited, Гонконг, КНР

Резюме

Цель настоящей работы состоит в изучении политики Соединённых Штатов Америки к пост-колониальному Гонконгу как эволюции от либеральной парадигмы к реализму. В работе рассмотрены основные периоды американской политики к Гонконгу, определены менявшие её факторы, показана реакция на события в Гонконге Белого дома, Государственного департамента и Конгресса. В 1992 г. Конгресс принял закон о политике США в отношении Гонконга, предоставив Гонконгу особый (отличный от Китая) статус в торгово-экономических отношениях и закрепивший в отношении Гонконга либеральный стратегический курс, нацеленный на продвижение и укоренение западной модели демократии в этом специальном административном районе КНР. В первые 17 лет постколониального существования Государственный департамент не вызывал особого внимания к мегаполису, избегал критики правительств автономии и КНР за медленную демократизацию Гонконга, хотя ряд видных членов Конгресса делали резкие заявления по этому поводу. Драматичный период гонконгской политики США начался во второй половине 2018 г. на фоне резкого ухудшения американо-китайских отношений во время президентства Трампа, чья администрация, не питавшая иллюзий относительно либеральной стратегии, перешла к активному использованию «гонконгской карты» в противоборстве с Китаем. Вспыхнувшие в мегаполисе в 2019 г. крупномасштабные антиправительственные протесты бросили серьёзный вызов суверенитету КНР над Гонконгом, были публично поддержаны и фактически провоцировались высокопоставленными членами правительства Трампа и именитыми конгрессменами. Принятый Китаем 30.06.2020 закон «О национальной безопасности» положил конец применению США либеральной стратегии к Гонконгу, повлёк за собой частичное свёртывание Вашингтоном особого статуса Гонконга, тем самым знаменуя полный и окончательный переход гонконгской политики США к реализму, в рамках которого Гонконг используется как инструмент в первую очередь экономического сдерживания Китая. Вашингтон нацелен на постепенное сокращение экономического присутствия в Гонконге при одновременных попытках дестабилизировать политическую ситуацию в SAR.

Ключевые слова:

Гонконг; США; КНР; реализм; либерализм; большая стратегия; статус; вмешательство во внутренние дела.

В 1997 г. Гонконг был возвращён Китайской Народной Республике его бывшей метрополией — Великобританией. США присутствовали в Гонконге традиционно, а во времена «холодной войны» активно ис-

пользовали данную территорию в своих интересах. После 1997 г. Вашингтону приходилось действовать в совсем иной среде, на суверенной территории отнюдь не дружественной державы. По мнению исследо-

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2021

Дата принятия к публикации: 02.12.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nv_veremeev@mail.ru

вателя Шэньчжэньского университета Цай Дайюня, передача Гонконга КНР изменила баланс сил в пользу КНР [Cai 2001: 58]. Учитывая особый международный и конституционный статус мегаполиса, Гонконгу была предоставлена широкая автономия. Вашингтон рассматривает Гонконг как территорию, имеющую статус квазисуверенной политической единицы. В отношении данного района Китая Соединённые Штаты проводят политику, отличную от политики к континентальному Китаю, что оказывает существенное влияние на состояние американо-китайских отношений. Как отмечал китайский исследователь Ли Хуань, для США «Гонконг не только является уникальной политической единицей и отдельной таможенной территорией, но и имеет большой вес в игре великих держав» [Li 2016: 24]. Ли справедливо характеризовал суть американо-гонконгских отношений, которые «по существу являют собой китайско-американско-гонконгские отношения, образующие неравносторонний треугольник отношений, состоящих из [ключевых] американо-китайских отношений и [подчинённых им] китайско-гонконгских и американо-гонконгских отношений» [Li 2016: 31]. Хотя американо-гонконгские отношения подчинены и опосредованы американо-китайскими отношениями, они обособлены и имеют собственную динамику, что определяет особую американскую политику к Гонконгу. Сетуй на недооценку научным сообществом вовлечённости США в дела Гонконга, гонконгский исследователь Саймон Сюй указывал, что уникальность американо-гонконгских отношений, обусловленных асимметричностью взаимодействия сверхдержавы и несuverенной территории, требует исследовательского внимания [Xu 2016: 155].

Что лежит в основе гонконгской политики США? Каков её теоретический базис? Как эта политика изменялась за прошедшие четверть века и что послужило причиной таких изменений? На эти главные вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье.

Либерализм и реализм в гонконгской политике США

Американская политика по отношению к Гонконгу характеризуется противоборством двух антагонистических подходов к международным отношениям — либерализма и реализма. С начала 1990-х годов до 2018 г. Вашингтон придерживался в своей гонконгской политике парадигмы «либеральной большой стратегии» (*liberal grand strategy*), неотъемлемой частью которой является продвижение демократии. Одним из ярких протагонистов данной концепции выступает американский теоретик международных отношений Джон Айкенберри.

Как отмечал Айкенберри, за продвижением демократии стоит сугубо прагматичный расчёт (а не идеализм), отражающий американские интересы в сфере безопасности и экономики: «Соединённым Штатам легче преследовать свои интересы, минимизировать угрозы безопасности и культивировать стабильный миропорядок, если другие государства, особенно основные великие державы, являются демократиями...», которые к тому же включены в международные институты [Ikenberry 2000: 103; 2019: 5, 41, 62]. Американский специалист указывал на сильную взаимозависимость между экономическим благосостоянием и демократическим устройством и утверждал, что стабильной мир возможен только между демократиями [Ikenberry 2000: 113–115; 2011: 64, 252, 339–339; 2019: 18, 202; 2020: 312]. По признанию Айкенберри, в феноменально успешном либеральном/демократическом/капиталистическом миропорядке существует иерархия, во главе которой США формируют отвечающую их долгосрочным интересам предсказуемую среду межгосударственных отношений. При этом гегемония США в некоторой степени уравнивается в большей мере добровольно принятыми (не навязанными) международными нормами и институтами, придающими такому порядку легитимность и стабильность, уподобляя его слабому внутригосударственному конституционному порядку,

который наиболее полно проявляется в западных демократиях [Ikenberry, Mastanduno 2003; Ikenberry 2011; 2019].

Распространение американского либерального порядка сопровождается превознесением принципа защиты прав человека и ослаблением суверенитета государств, что позволяет гегемону получать доступ к политической и экономической системам других государств, ориентировать их на США и вмешиваться во внутренние дела слабых и переживающих кризис государств [Ikenberry 2011; 2019]. Важную роль играют вплетённые в либеральный миропорядок элиты второстепенных государств, извлекающие из этого прямую, часто экономическую, выгоду [Ikenberry 2011: 74].

Интересная характеристика либерального порядка заключается в том, что к нему легко присоединиться, но изменить (перевернуть) его сложно, в том числе Китаю [Ikenberry 2011; 2019]. Попытки США отказаться от роли гегемона приводят к дестабилизации мировой системы и ослаблению её либеральных и демократических основ, что продемонстрировало президентство Д. Трампа [Ikenberry 2019]. Хотя либеральный миропорядок может меняться в сторону уменьшения власти Америки в рамках существующих международных институтов, это не должно приводить к утрате Соединёнными Штатами статуса первого среди равных [Ikenberry 2011: 309, 335; 2020: 237].

Айкенберри отмечал, что политика Вашингтона в период правления Уильяма Клинтона преследовала цель интеграции Китая в открытую торговую систему, что, как предполагалось, привело бы к установлению в КНР политического плюрализма и принципа верховенства закона, обеспечив «социализацию» Пекина в либеральный международный порядок и снижение угроз интересам США [Ikenberry 2000; 2019; Ikenberry, Mastanduno 2003]. В начале 2000-х годов Айкенберри и Майкл Мاستандуно признали, что ввиду существенного отличия внутривнутриполитического устройства КНР от американского не следует ожидать полной интеграции последней

в американский порядок, создавшийся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отмечая неспособность Китая стать, наподобие США, гегемоном в регионе (наличие авторитарного режима, дескать, препятствует построению Китаем направляемых им международных институтов), упомянутые исследователи поддержали распространение незавершённого американского гегемонистического проекта в регионе посредством его институализации. Они выступали за предоставление Китаю места в данных институтах в обмен на признание и уважение американских стратегических интересов, в том числе доминирующего положения США в обеспечении безопасности в регионе [Ikenberry, Mastanduno 2003; Ikenberry 2011; 2019]. Присоединение Пекина к либеральному миропорядку позволило бы США осуществлять влияние на развитие Китая, а в самой КНР могла бы произойти смена режима [Ikenberry 2011; 2020]. Этот сценарий не реализовался из-за эрозии либеральной системы. В этой связи Айкенберри роптал на стратегическую ошибку Вашингтона, допустившего присоединение Китая к либеральному клубу без каких-либо условий, позволившего Пекину выбирать те аспекты либерального миропорядка, которые ему выгодны (открытую торговую систему), игнорируя другие – приверженность правам человека и принципу верховенства закона [Ikenberry 2022; 2020].

По мнению корифея школы неореализма (антипода либерализма) Джона Миршаймера, попытка США после окончания «холодной войны» построить с необузданным рвением крестоносца либеральный миропорядок по своему образу и подобию (в котором Соединённые Штаты играли бы роль единственного мирового центра), сопровождавшаяся воинственностью (предрасположенность к неограниченному применению военной силы), удивительной нетерпимостью к так называемым нелиберальным государствам и неуважением к их суверенитету, а также игнорированием своих собственных правил (когда это выгодно), была обречена на провал. Насаждение

либеральных ценностей на глобальном уровне ограничивается преобладанием среди всевозможных измов идеологии национализма, жидущегося на яростном отстаивании права на самоопределение государств, которые не терпят вмешательства в свои внутренние дела. Неизбежный провал стратегии американской либеральной гегемонии (продвижения демократии), по мнению Миршаймера, вынудит Вашингтон перейти к более сдержанной, реалистичной внешней политике и признать, что национализм ограничивает возможности великой державы прямо вмешиваться в политику других государств посредством утверждения (социального инжиниринга) западной модели демократии и западных ценностей. Переориентация на реализм (пусть даже с элементами либерализма) во внешней политике США неминуема при наличии в мировой системе других великих держав-«недемократий» (России и Китая), которые представляют потенциальную угрозу распространителю либеральной идеологии и продвижению либерализма. Построение либеральной гегемонии теоретически возможно только в однополярном мире [Mearsheimer 2014; 2018; 2019].

Реализм вытеснил либерализм после прихода к власти в США в 2017 г. Дональда Трампа, который признал сокрушительную неудачу либерализма и попытался отрицать основные элементы стратегии либеральной гегемонии [Mearsheimer 2018]. В формулировке Миршаймера (наступательный) реализм предполагает постоянную борьбу великой державы за гегемонию в регионе, где расположена данная великая держава, и одновременно стремление препятствовать великой державе другого региона достичь в нём подобной гегемонии [Mearsheimer 2014]. Противоборство великих держав ведётся посредством накопления военной и экономической силы, причём либеральные институты и нормы не способны сдерживать это противостояние. Сохраняя гегемонию в Западном полушарии, США, обеспокоенные ростом экономического и военного потенциала Китая, стремятся предотвратить достижение им

гегемонии в Восточной Азии, прежде всего посредством политики военного и экономического сдерживания КНР, сравнимой со стратегией сдерживания СССР [Mearsheimer 2018; 2019]. Миршаймер считает, что ослабления Китая можно достичь политикой отбрасывания (rollback), предполагающей устранение дружественных КНР режимов и создание очагов напряжённости в самом Китае путём поддержки сепаратистов в Тибете и Синьцзяне (а также в Гонконге, хотя Миршаймер прямо не называет его).

Ни Айкенберри, ни Миршаймер не упоминают в своих работах Гонконг, однако их теоретические установки полезны для объяснения американской политики в отношении этой территории. Ключевое значение имеет автономность Гонконга. Этот мегаполис воспринял/унаследовал многие британские колониальные атрибуты: либерализм без демократии; рыночная экономическая модель; эффективно работающий принцип верховенства закона; открытость внешнему миру; и прочные, нарабатанные десятилетиями связи и привязанность местных экономических и политических элит (как про-, так и антикитайских) элит к странам Запада, в первую очередь к США. Гонконг более, чем иная территория КНР (выносим за скобки Тайвань), был завязан на либеральный миропорядок, оставаясь его органической частью. Учитывая указанные качества Гонконга, он интересен США с точки зрения продвижения либерального проекта. Вместе с тем, для того чтобы в Китае Гонконг воспринимался в качестве образца для перехода к демократии, здесь следовало завершить начатый в последние годы британского колониального правления процесс демократизации. Установление и закрепление в Гонконге западной модели демократии (вкупе с существующими традиционными экономическими и «элитарными» связями со странами Запада) прочно привязало бы территорию к американскому либеральному миропорядку, одновременно препятствуя интеграции мегаполиса в политическое пространство КНР. Гонконгские пан-

демократы¹ (неотъемлемая часть политического истеблишмента автономии, к которому до второй половины 2020 г. Пекин относился терпимо), как подмечал доцент Гонконгского университета Даниел Вукович, наивно верили в *либеральную конвергенцию* Гонконга и КНР — установление демократического строя в первом и позже, под влиянием антипекинского движения, — в последней, авторитарная система которой взорвётся изнутри и страна повернётся к состоянию «нормальности», то есть либеральной демократии [Vukovich 2019: 172].

Хотя ожидания пандемократов выглядели наивными, основывались они на «либеральном» фундаменте, заложенном ушедшими из колонии британцами (при сильном культурно-образовательно-идеологическом американском влиянии), что способствовало продвижению либеральной стратегии в постколониальном Гонконге, на первых порах относительно свободном от политического давления Пекина. Долгое время постколониальный Гонконг имел больше общего с западными демократиями, нежели с Китаем. Сюй выделил четыре предпосылки успешного применения либеральной стратегии к Гонконгу: (а) общность идеологий и политических структур США и Гонконга; (б) диспаритет мощи США и Гонконга, в результате которого слабый Гонконг будет восприимчив к привносимым США либеральным принципам; (в) экономическая взаимозависимость; и (г) высокая плотность взаимодействия США и Гонконга, создающая атмосферу взаимного доверия [Xu 2016: 159–160, 176–177].

Казалось, в первые годы после передачи Китаю Гонконг имел большие шансы демократизации на фоне активной деятельности местной продемократической оппозиции (имеющей давние налаженные отношения с американским политическим истеблишментом), сохранения и развития либеральных прав и свобод,

защищаемых сильной, независимой и обладающей непрекращаемым авторитетом судебной системой, и Вашингтон (при некотором скептицизме ведущих конгрессменов) связывал с этим надежды даже после усиления и ужесточения контроля центрального правительства над автономией с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина в 2012 г. Эти чаяния не оправдались — политический катаклизм в Гонконге в 2019 г. и ответная жёсткая реакция Пекина вынудили Вашингтон перестроить отношения с Гонконгом на основе постулатов реализма.

Несмотря на важность Гонконга для США, по политике Вашингтона в отношении этой территории мало специальных публикаций американских исследователей, а ещё меньше китайских. Все имеющиеся работы написаны до изменений в Гонконге, произошедших после многомесячных масштабных протестов и беспорядков 2019–2020 годов, кардинально изменивших характер внешней политики США к этой китайской автономии. Автор настоящей работы постарается восполнить существующий пробел и оценить последствия концептуального перехода американской политики к Гонконгу от либерализма, вызванного триумфом и самооболащиванием внешнеполитического истеблишмента США после «холодной войны», к реализму вследствие крушения надежд на превращение Гонконга в либеральный и демократический антипод авторитарного Китая, и признанию единства Гонконга от КНР, к которому применяется политика сдерживания.

Подготовка к передаче Гонконга под суверенитет КНР

Если до Второй мировой войны Гонконг представлял для Соединённых Штатов интерес преимущественно как свободный порт, один из центров торговли с Китаем, то в период «холодной войны» он превратился в удобную площадку для сбора ин-

¹ Термин «пандемократы» обозначает очень слабую и шаткую коалицию продемократических сил Гонконга.

формации о Китайской Народной Республике. Экономическая ценность Гонконга для США возросла с открытием Китая внешнему миру и проведением масштабных экономических реформ, запущенных в 1978 г. 19 декабря 1984 г. была подписана британо-китайская Совместная декларация по вопросу о статусе Гонконга (далее — Совместная декларация)², закрепившая дату перехода Гонконга под суверенитет КНР (1 июля 1997 года). В документе была обрисована разительно отличная от КНР форма социального, политического и экономического устройства территории: Гонконгу предоставлялся статус широкой автономии³, за исключением вопросов внешней политики и обороны, на основе принципа «Одна страна, две системы» (ОСДС). Этот уникальный статус закреплён в принятом 4 апреля 1990 г. Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) Основном законе о Специальном административном районе (САР) КНР Гонконг⁴ (далее — Основной закон).

На фоне этих процессов США начали задумываться о дальнейшей политике в отношении Гонконга. Большую роль в фор-

мулировании таковой сыграли кровавые события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года, вызвавшие среди многих американских официальных лиц и политиков сомнения в приверженности правительства КНР обязательствам по Совместной декларации. Начались горячие дискуссии относительно американского курса в отношении Гонконга. Инициативу в формулировании такой политики взял на себя Конгресс [Bush 2016: 249–251; 2020: 352].

Основополагающим документом стал предложенный сенатором-республиканцем Митчелом Макконнеллом (Mitchell McConnell)⁵ Закон о политике США в отношении Гонконга⁶ (далее — Закон 1992). Официальный Пекин заявил протест, рассматривая документ как вмешательство в свои внутренние дела⁷. В первоначальной редакции Закон 1992 декларировал поддержку Конгрессом и президентом США полного выполнения условий Совместной декларации. В основу статей 101–105 Закона, посвящённых двусторонним американо-гонконгским отношениям и американо-гонконгскому взаимодействию в рамках многосторонних международных организаций и соглашений, были положе-

² Joint Declaration on the question of Hong Kong, 1399 U.N.T.C. 23391.

³ Гонконг является открытым портом, имеет собственную валюту, налоговую, экономическую и социальную политику, выдаёт свои паспорта.

⁴ The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Seventh National People's Congress on 4 April 1990 Promulgated by Order No. 26 of the President of the People's Republic of China on 4 April 1990 Effective as of 1 July 1997). Принятие Основного закона было одним из обязательств КНР по Совместной декларации. В соответствии с Совместной декларацией и Основным законом автономия Гонконга сохраняется до 2047 года (хотя может быть впоследствии продлена).

⁵ Некоторые американские исследователи полагают, что идею Закона 1992 подал Макконнеллу (или даже подготовил для Макконнелла первый проект закона) один из корифеев демократического движения Гонконга — сооснователь и первый председатель Демократической партии Гонконга Ли Чжумин, именуемый некоторыми конгрессменами «гонконгским Ельциным» [Tucker 1994: 220; Bush 2016: 250]. В настоящей статье китайские имена передаются в соответствии с нормами общекитайского литературного произношения (путунхуа), в основе которого лежит северный (пекинский) диалект. В скобках даётся написание имён гонконгских политиков, принятое в англоязычной литературе (соответствующее произношению данных имён на кантонском диалекте китайского языка, распространённого в южнокитайской провинции Гуандун и Гонконге), и русская транскрипция этих имён — например, Ли Чжумин (Мартин Ли Чу-мин, Martin Lee Chu-ming).

⁶ United States-Hong Kong Policy Act of 1992, 22 U.S.C. § 5701–5732. Закон был подписан президентом США Дж. Бушем-старшим 5 октября 1992 г.

⁷ См.: Meiguo dui gang huiyu renquan da bang bujin weishan erqie tulao (U.S. wielding the human rights baton against Hong Kong is not only hypocritical but also futile). Zijing zazhishe (Bauhinia Magazine), September 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://bau.com.hk/article/2020-09/04/content_926251316539387904.html (дата обращения: 26.05.2022).

ны принципы Совместной декларации⁸, подчёркивающие автономию территории в неполитических дву- и многосторонних отношениях: (1) установление и расширение двусторонних соглашений в торговой, экономической, финансовой, авиационной, судоходной и культурной областях; (2) сохранение генерального консульства и представительств полуофициальных организаций США в Гонконге; (3) сохранение полуофициальных торговых, экономических и туристических миссий Гонконга в США; (4) признание властями США паспортов, выдаваемых иммиграционными властями Гонконга; (5) поддержка участия Гонконга в международных организациях, конференциях и соглашениях, открытых для несuverенных субъектов; (6) выполнение Вашингтоном своих обязательств перед Гонконгом по международным договорённостям на основе взаимности, безотносительно того, является ли КНР участницей таких соглашений, и др. Анализируя Закон 1992, Ли Хуань выделил четыре главные сферы интересов США в Гонконге: (а) сохранение и расширение экономических и культурных связей; (б) дву- и многостороннее сотрудничество; (в) использование военно-морским флотом США логистического потенциала гонконгского порта; и (г) продвижение американских (демократических) политических ценностей в Гонконге [Li 2016: 24–27]. Остановимся на последнем пункте подробнее.

Статья 201 Закона 1992 предусматривала, что договоры, в том числе многосторонние, между США и Гонконгом или США и Великобританией в отношении Гонконга, заключённые до 1 июля 1997 года, а также законы США сохраняют своё действие после указанной даты. Если пре-

зидент Соединённых Штатов сочтёт, что автономия ослаблена, он уполномочен приостановить действие того или иного закона США, предоставляющего Гонконгу специальные преференции. В этом случае президент исходит из соблюдения условий, обязательств и ожиданий в отношении Гонконга, выраженных в Совместной декларации. Характерно, что в тексте не упоминался Основной закон. Под «ожиданиями», вероятно, понималось американское видение (как будет показано ниже, не имеющее под собой базы в Совместной декларации) постепенного установления в Гонконге демократического режима, основанного на западных либеральных ценностях, что способствовало бы демократическим преобразованиям в континентальном Китае так же, как экономическая модель Гонконга стала бы образцом для либеральных экономических реформ в Китае⁹. Цай Дайюнь утверждал, что главная цель Закона 1992 — вмешательство в дела Гонконга для усиления влияния на социалистический Китай, и подобное проявление американского гегемонизма вызывает противодействие китайского народа [Cai 2001: 60, 62]. Такое понимание небезосновательно: оно подкрепляется декларацией Конгресса, выраженной в ст. 2(5) Закона 1992, согласно которой поддержка демократизации заявлена фундаментальным принципом внешней политики США и этот принцип, естественно, применяется к Гонконгу. Упомянутая декларация отвечала заложенному в либеральной идеологии стремлению к экспансии, о чём писал Айкенберри [Ikenberry 2022: 230, 246, 254]. Ли выявлял отличие подходов США к поддержке демократии в Гонконге и Китае. Если за политическими процессами в Китае Соединён-

⁸ Эти принципы кратко изложены в пар. 3 Совместной декларации и развёрнуто — в Приложении I (Уточнение правительством КНР его базовой политики в отношении Гонконга) к Совместной декларации.

⁹ Р. Буш писал.: «Если бы будущая администрация отвела продвижению демократии более высокое место в повестке дня “китайской” политики США, Гонконг, вероятно, стал бы её отправным пунктом... Те, кто отдаёт приоритет демократизации Китая, сказали бы, что, как минимум, Гонконг должен служить примером для остальной страны. Более амбициозные сказали бы, что [Гонконг] мог бы стать удобной платформой деятельности через [китайско-гонконгскую административную] границу (a useful platform for activities across the border)» [Bush 2016: 269].

ные Штаты наблюдали, не имея возможности оказать на них влияние, то в Гонконге Вашингтон надеялся увидеть укоренение западной модели демократии через усиление гражданского общества и привлечение граждан, особенно молодёжи, к политическим процессам [Li 2016: 29]. С. Сюй не рассматривал продвижение демократии в Гонконге как угрозу Китаю, но отмечал, что «попытка Америки повлиять на политическую ориентацию Гонконга иногда переходила границы продвижения демократических ценностей как таковых и перерастала в попытку противостоять власти Китая» путём мобилизации сил Конгресса и связанных с правительством США неправительственных организаций для подогрева антиправительственных настроений в Гонконге [Xu 2016: 179].

Ожидания демократизации Гонконга были продуктом американских идеологических установок (и/или иллюзий), не вытекавших из Совместной декларации, Основного закона или заявлений лидеров КНР. Совместная декларация не содержала международно-правовых обязательств со стороны Китая обеспечить проведение прозападных демократических реформ в Гонконге¹⁰ — этот факт часто упускался

в заявлениях американских политиков и государственных деятелей. Об этом в своих официальных выступлениях упоминали некоторые американские исследователи, например аналитик исследовательской службы Конгресса Майкл Мартин и Р. Буш [Martin 2011; Bush 2016; Summers 2019]¹¹. Более того, фактический лидер КНР (конец 1970-х — начало 1990-х годов) Дэн Сяопин, главный вдохновитель восстановления Китаем суверенитета над Гонконгом на основе принципа ОСДС, неоднократно подчёркивал, что Гонконг не должен идти по пути прозападной демократизации: «...система управления Гонконга не должна быть полностью вестернизирована; никакая западная система не может копироваться в Гонконге целиком...» [Deng 2004: 74–75]. Более того, он утверждал, что во главе САР должны находиться патриоты — жители Гонконга, любящие и родину, Китай, и Гонконг, которые управляли бы Гонконгом без ущерба интересам КНР и Гонконга [Deng 2004: 17, 26, 75]¹².

Стремление США задавать вектор политического развития Гонконга закреплено проведением мониторинга ситуации в Гонконге, по результатам которого могут быть наложены санкции за девиацию от

¹⁰ Часть I раздела «Глава администрации. Высшие официальные лица. Законодательное собрание» Приложения I к Совместной декларации действительно говорила о том, что глава администрации САР должен избираться посредством выборов или проводимых в автономии консультаций и назначаться центральным правительством, а законодательный орган должен формироваться по итогам выборов. Однако Совместная декларация не уточняла, как проводится процесс выборов. В этой связи Китай продолжил введённую британскими колониальными властями практику формирования части парламента автономии посредством выборов законодателей представителями специальных экономико-социальных групп. Такая практика не нарушала положений Совместной декларации. Между тем ст. 45 и 68 Основного закона устанавливали в качестве конечной цели выборность главы администрации САР посредством всеобщего голосования после выдвижения кандидатов широко представленным номинационным комитетом на основе демократического процесса и всего состава Законодательного собрания посредством всеобщего голосования с оговоркой, что обе цели будут достигаться постепенно с учётом складывающейся в автономии политической ситуации.

¹¹ Prospects for Democracy in Hong Kong: Assessing China's International Commitments // Roundtable before the Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 14 July 2010. 31 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/documents/roundtables/2010/CECC%20Roundtable%20-%20Democracy%20Hong%20Kong%20Assessing%20China%27s%20International%20Commitments%20-%2007.14.10.pdf> (accessed: 07.07.2021).

¹² В Белой книге, изданной Госсоветом КНР в 2014 г. (см. ниже), было отмечено, что патриотизм и лояльность стране представляют собой минимальное этическое требование к политическому деятелю Гонконга; условие управления Гонконгом патриотами закреплено в Основном законе (глава V, часть 3). В 2021 г. концепция управления Гонконгом патриотами будет полностью формализована в ряде общенациональных и местных решений и законов, отождествляющих понятие «патриот» с теми

либерального пути развития. Сюй называл мониторинг за соблюдением прав человека и демократизацией главным элементом Закона 1992, фундаментом американской политики активного вмешательства во внутренние дела Гонконга [Ху 2016: 162]. Закон 1992 уполномочил президента США определять юридическую компетентность Гонконга выполнять свои обязательства по международным договорам, а также целесообразность признавать права и обязательства Гонконга по ним. Об этом президент должен информировать Конгресс. Статья 301 Закона 1992 налагала обязательство на государственного секретаря США предоставлять спикеру Палаты представителей и председателю комитета Сената по иностранным делам ежегодные отчёты¹³ с отражением ситуации в следующих областях: (1) важные события американо-гонконгских отношений; (2) изменения в осуществлении суверенитета Китая над Гонконгом, которые оказывают влияние на американские интересы в Гонконге и американо-гонконгские отношения; (3) характер и объём американо-гонконгских отношений в культурной, образовательной и научной областях; (4) законы США, которые были приостановлены на основании ст. 202(а) Закона 1992; (5) международные соглашения с Гонконгом или в отношении Гонконга, денонсированные США; (6) существенные проблемы в сотрудничестве между США и Гонконгом в области контроля над экспортом стратегических товаров; (7) развитие демократических институтов в Гонконге и (8) характер и объём участия Гонконга в многосторонних международных объединениях.

Сверх того, Конгресс предписал в отчёты по Китаю включать специальные

разделы по Гонконгу. В частности, ежегодные доклады о положении с правами человека в Китае посвящают Гонконгу отдельную главу. Сюй видел в издании докладов по правам человека и демократизации в Гонконге не только подтверждение приверженности США либеральной стратегии, но и акцентирование различий политических структур и ценностей Гонконга и Китая, что позволяло Вашингтону разыгрывать «гонконгскую карту» при оказании давления на Китай [Ху 2016: 164].

Исследование Ричарда Буша показало, что окончательная облегчённая версия Закона 1992 не включает в себя содержавшегося в его проекте требования к Государственному департаменту в своих отчётах оценивать степень выполнения Совместной декларации в Гонконге, поскольку «такая формулировка поставила бы правительство США в положение судьи, определяющего, выполнила ли [КНР] взятые на себя обязательства [по Совместной декларации. — *Авт.*]» [Bush 2016: 251]. Тем не менее уже в сентябре 1996 г. Конгресс, ссылаясь на недостатки в отчётах по Гонконгу, подготовленных Государственным департаментом в соответствии с Законом 1992, добавил в сводный консолидированный Закон об ассигнованиях на 1997 финансовый год¹⁴ ст. 571, обязывающую госсекретаря включать в отчёты детальную информацию по следующим вопросам: (1) Основной закон и его соответствие Совместной декларации; (2) открытость и честность выборов главы администрации САР и ответственность исполнительной власти перед парламентом; (3) независимость судов; (4) положение политических партий; и (5) Билль

лицами, которым доверяет и отбирает Пекин. См.: Белая книга о демократическом развитии Гонконга, выпущенная Госсоветом КНР 20 декабря 2021 г. (далее — «Белая книга 2021») (Пreamбула, пар. 3; глава V, часть 3; глава VI, часть 2), White paper on Hong Kong's democratic development. 20 December 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinadailyhk.com/article/252582#Full-text:-White-paper-on-Hong-Kong's-democratic-development> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³ Согласно Закону, отчёты надлежало предоставлять до 2006 года, но 1 апреля 2007 г. Государственный департамент представил Конгрессу ещё один отчёт. Выпуск отчётов был возобновлён в 2015 г.

¹⁴ Omnibus Consolidated Appropriations Act, 1997, H.R. 4278 (104th).

о правах¹⁵. Новые требования к отчётам наделили Государственный департамент функциями арбитра, определяющего выполнение Китаем своих обязательств по Совместной декларации. Тем самым, не будучи стороной Совместной декларации, США присвоили право определять, насколько КНР исполняет условия данного международно-правового документа. Полагаясь на своё влияние и значение для экономики и финансовой системы Гонконга, они фактически провозгласили себя квази-гарантом Совместной декларации.

Предшествующее описание свидетельствует, что Закон 1992, заложивший принципы американской политики к Гонконгу в преддверии его передачи Китаю, на основе постулатов либеральной гегемонии задал курс на демократизацию автономии с помощью набиравшего силу местного демократического движения, лидеры которого были тесно связаны с американским политическим истеблишментом. Приумножение экономических связей с Соединёнными Штатами, на которое нацеливал Закон 1992, также отвечало аксиоме либеральной стратегии об экономическом взаимодействии как факторе, способствующем развитию демократии. Реализация положений Совместной декларации и Основного закона (в том искажённом смысле, который вкладывали в эти документы США), а также приверженность Гонконга поддерживаемым Вашингтоном международным институтам и договорам, закрепляющим универсальные либеральные ценности и нормы (позиционируемые в качестве международных стандартов прав человека и демократии), должны были закрепить включённость автономии в ведомый Соединёнными Штатами либеральный миропорядок. Приверженность Гонконга либеральному миропорядку

должна была вознаграждаться поступательным развитием экономических связей с США гонконгской экономической элиты (которая оставалась главной опорой Пекина в САР после возвращения Гонконга), а также расширением доступа пропекинской политической элиты к благам западного мира (возможность эмиграции и получения образования для себя и близких родственников в странах Запада). Между тем либеральные ценности были категорически чужды новому сюзеру Гонконга как умаляющие национальные китайские/ханьские идентичность и ценности и, сверх того, угрожающие эрозией суверенитета Китая над территориями. Возвращение Гонконга китайское руководство увязывало с преодолением последствий столетнего унижения, когда слабый Китай был жертвой западного империализма. Как замечал Айкенберри, «государства могут обладать полным вестфальским юридическим суверенитетом ... или подчиниться соглашениям и институтам, что предполагает ограничение своего суверенитета» [Ikenberry 2020: 43].

Политика США в отношении Гонконга в период с июля 1997 по октябрь 2014 г.

Несмотря на апокалиптические ожидания на Западе и отчасти в Гонконге, возвращение в состав Китая прошло плавно. Первые шесть лет пребывания территории в статусе специального административного района Пекин придерживался политики максимального невмешательства в дела САР. Несмотря на заявления об управлении патриотами, в Гонконге не была внедрена система патриотического воспитания молодёжи. Соединённые Штаты давали в целом позитивную оценку автономности Гонконга, что отражали первые десять ежегодных отчётов (1997–2007)¹⁶, подго-

¹⁵ Закон о гонконгском Билле о правах (Hong Kong Bill of Rights Ordinance, Cap. 383), в основу которого положен Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — Пакт), был принят колониальным Законодательным собранием Гонконга 08.06.1991. Статья 39 Основного закона гарантирует выполнение положений Пакта, которым не должны противоречить остальные законы автономии. По мнению Саймона Сюя, признание Пакта должно было гарантировать неуклонное следование Гонконга демократическому пути [Xu 2016: 167].

¹⁶ Отчёты за 1997–2007 годы доступны на сайте генерального консульства США в Гонконге. URL: <https://hk.usconsulate.gov/our-relationship/official-reports/>.

товленные государственным секретарём для Конгресса США в соответствии со ст. 301 Закона 1992. Аналогичное отношение демонстрировали заявления и выступления американских дипломатов¹⁷. Государственный департамент в отчётах Конгрессу избегал прямых высказываний по поводу соответствия Основного закона положениям Совместной декларации, ссылаясь на то, что США «не занимаются технической юридической интерпретацией соглашений, стороной которых не являются. Хотя некоторые критики в Гонконге заявляют, что ряд элементов Основного закона нарушают Совместную декларацию, ни одна из сторон соглашения не сделала такого вывода. В таком случае неуместно и преждевременно Соединённым Штатам делать однозначные юридические заключения касательно смысла оспариваемых положений и возлагать вину за нару-

шение обязательств на одну из сторон ... любые выводы США касательно соответствия Основного закона Совместной декларации не должны опережать исполнения Основного закона, а также заявлений и действий самих сторон»¹⁸. Особую похвалу в отчётах Государственного департамента, а также в секретных телеграммах госсекретарю генерального консульства США в Гонконге, опубликованных на сайте WikiLeaks¹⁹, вызвала независимая судебная система (во многом копирующая английскую систему правосудия), соблюдение гражданских прав и свобод, сотрудничество с США в правоохранительной сфере (между двумя сторонами были подписаны договоры о правовом сотрудничестве, выдаче подозреваемых и передаче заключённых) и контроль над экспортом стратегических технологий и материалов²⁰. Официальные представители Китая отме-

¹⁷ *Schriver R.* Democracy in Hong Kong. Testimony before the Senate Foreign Relations Committee, Subcommittee on East Asia-Pacific Affairs, Washington, 4 March 2004. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2004/30155.htm> (accessed: 20.04.2021); Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations of the United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 2005. URL: <https://www.congress.gov/event/108th-congress/senate-event/LC13902/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Hong+Kong%22%2C%22Hong+Kong%22%5D%7D&s=6&r=47> (accessed: 06.05.2021).

¹⁸ United States-Hong Kong Policy Act Report, 31 March 1997. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/970331_us-hk_pol_act_rpt.html (accessed: 20.04.2021). В отчётах 1998, 1999 и 2000 годов Государственный департамент, воздерживаясь от собственных выводов, ссылался на полугодовые отчёты о ситуации в Гонконге британского министра иностранных дел парламенту Великобритании, где в целом позитивно оценивалось выполнение Совместной декларации и принципа ОСДС. В отчётах 2001–2007 годов проблема соответствия Основного закона Совместной декларации не поднималась. Зато учреждённая Конгрессом США Комиссия по обзору американско-китайских отношений в области экономики и безопасности с 2014 г. констатировала нарушения Китаем положений Основного закона (см. ниже).

¹⁹ См., например: Upon this Rock: Hong Kong Rule of Law Remains Solid (Part I). Cable ID no. 10HONGKONG333_a. 26 February 2010. (Электронный ресепс). URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10HONGKONG333_a.html; Upon this Rock: Hong Kong Rule of Law Remains Solid (Part II). Cable ID no. 10HONGKONG334_a. 26 February 2010. (Электронный ресепс). URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10HONGKONG334_a.html (дата обращения: 08.08.2021).

²⁰ В отчёте Государственного департамента за 2000 г. была высказана озабоченность возможным использованием Гонконга для передачи чувствительных (двойных) технологий Китаю, особенно посредством транспортных средств гонконгского гарнизона Народно-освободительной армии Китая (далее — НОАК), которые не подлежат таможенному досмотру гонконгских властей (United States-Hong Kong Policy Act Report, 1 April 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/000401_us-hk_pol_act_rpt.html (accessed: 21.04.2021)). Позже в отчётах учреждённой Конгрессом США Комиссии по обзору американско-китайских отношений в области экономики и безопасности за 2009 и 2012 годы вновь поднимался вопрос об использовании Гонконга как базы для незаконной передачи Китаю чувствительных технологий (2009 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 28 October 2009. 369 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2009-Report-to-Congress.pdf (accessed: 07.07.2021); 2012 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and

чали, что отчёты Государственного департамента положительны и что необходимости в их составлении нет²¹.

Вместе с тем в заявлениях и отчётах американского внешнеполитического ведомства выражалась озабоченность низкими темпами демократизации политической системы САР²², хотя процедура выборов в Законодательное собрание 1998, 2000 и 2004 годов признавалась транспарентной, справедливой и честной. Американские власти беспокоило отсутствие всеобщих выборов главы администрации САР и состава Законодательного собрания²³ — введение такого голосования ожидалось в 2007 году, но решениями Постоянного комитета ВСНП КНР от 29 апреля 2004 г. и 29 декабря 2007 г. было отодвинуто до 2017 г. в отношении главы администрации САР, а сроки выборов состава Законодательного собрания посредством прямого всенародного голосования не были чётко установлены. Упомянутые решения закрепили роль ПК ВСНП при внесении изменений в порядок выборов главы администрации и парламента автономии.

Новая линия Пекина была в немалой степени обусловлена многотысячными протестами против предложенного правительства Гонконга законопроекта о нацио-

нальной безопасности в порядке выполнения предписаний ст. 23 Основного закона, которые всецело поддерживали пандемократические партии Гонконга, а также Конгресс и американские НПО [Ху 2016: 179]. Протестующие требовали проведения демократических реформ оппозицией, которая была враждебно настроена к коммунистическому строю Китая, видела Гонконг демократическим образованием, формально включённым в состав КНР, в дела которого центральная власть не должна вмешиваться; оппозиция допускала только номинальный суверенитет Китая над Гонконгом (что соответствовало американскому пониманию статуса Гонконга, отражённому в Законе 1992). Даниел Вукович утверждал, что «призывы традиционных пандемократов к автономии ... представляют собой очевидный, не слишком скрываемый код независимости, поскольку полная автономия означала бы де-факто независимость» [Vukovich 2020: 12]. Оппозиция, естественно, не пользовалась доверием Пекина, который заклеил её как «непатриотичную». Вашингтон осудил упомянутые решения ПК ВСНП²⁴, а в отчётах Комиссии по обзору американско-китайских отношений в области экономики и безопасности (U.S.-China Economic and Security

Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 9 November 2012. 497 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2012-Report-to-Congress.pdf (accessed: 07.07.2021)).

²¹ См. пар. 1, 2 и 4 PRC MFA Commissioner Discusses Democratic Reform Policy Act Report. Cable ID no. 07HONGKONG1854_a. 13 July 2007. (Электронный ресурс). URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07HONGKONG1854_a.html (дата обращения: 09.08.2021).

²² Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations of the United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 2003. URL: <https://www.congress.gov/event/107th-congress/senate-event/LC17081/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Hong+Kong%22%2C%22Hong+Kong%22%5D%7D&s=6&r=53> (accessed: 06.05.2021).

²³ Посвящённые Гонконгу разделы ежегодных докладов Государственного департамента о положении с правами человека в Китае за указанный период, в целом позитивно оценивавшие состояние прав человека, одной из актуальных проблем называли ограничения гражданам сменять своё правительство посредством свободных и справедливых выборов (хотя сам процесс выборов половины Законодательного собрания в целом характеризовался как честный), а также урезанные законодотворческие права и функции контроля над исполнительной властью гонконгского парламента. Среди других проблем доклады выделяли ограничения свободы прессы (самоцензура) и случаи арестов. См. доклады за 1998–2014 годы: The Annual Country Reports on Human Rights Practices. (Электронный ресурс). URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/index.htm> (дата обращения: 28.07.2021).

²⁴ В отчёте госсекретаря Конгрессу решение ПК ВСНП от 29.04.2004 было названо серьёзным испытанием для политической автономии Гонконга (United States-Hong Kong Policy Act Report, 1 April 2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rpt/44543.htm> (accessed: 20.04.2021)).

Review Commission, далее – Комиссия по обзору)²⁵ за 2004 и 2005 годы содержались призывы к Конгрессу провести консультации с правительством США, чтобы оценить, подрывается ли этими решениями автономия Гонконга в нарушение Совместной декларации, Основного закона и принципа ОСДС. Если же подобные нарушения имели место, предлагалось рекомендовать президенту использовать свою прерогативу по приостановке действия тех или иных американских законов, предоставляющих Гонконгу преференции/особые права в соответствии со ст. 201(а) Закона 1992²⁶. В последующих отчётах рассматриваемого периода рекомендации

Комиссии стали менее категоричными, в них содержались призывы к диалогу с гонконгскими и китайскими политиками. Со своей стороны, Совместная комиссия Конгресса и исполнительной власти по Китаю (Congressional-Executive Commission on China, далее – Совместная комиссия)²⁷ критиковала вышеуказанные решения ПК ВСНП как не соответствующие принципу ОСДС²⁸.

В рассматриваемый период Конгресс, Комиссия по обзору и Совместная комиссия сохраняли критический настрой в отношении политических процессов в САР и политики Китая в Гонконге, подчас раздувая ощущение угрозы от действий Пекина²⁹,

²⁵ Комиссия – это консультативный орган Конгресса. 12 её членов назначают спикер Палаты представителей и лидеры Республиканской и Демократической партий обеих палат Конгресса. Делегации Комиссии регулярно посещали Гонконг для сбора и оценки информации, проводили встречи с официальными лицами САР, местными политиками и экспертами.

²⁶ 2004 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 10 June 2004. 290 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2004-Report-to-Congress.pdf (accessed: 07.07.2021); 2005 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 9 November 2005. 263 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2005-Report-to-Congress.pdf (accessed: 07.07.2021).

²⁷ Совместная комиссия создана Конгрессом в 2000 г. для мониторинга прав человека и развития идеи верховенства права в Китае; она представляет Конгрессу и президенту ежегодные отчёты, в которых один из разделов посвящён Гонконгу. Комиссия состоит из 9 депутатов Палаты представителей, 9 сенаторов и 5 представителей Администрации (Государственного департамента, министерств торговли и труда). В течение 30 дней после получения отчёта комитет Палаты представителей по иностранным делам должен провести слушания по отчёту.

²⁸ 2004 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 2 October 2004. 78 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2004%20CECC%20Annual%20Report.PDF> (accessed: 29.05.2021); 2008 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 31 October 2008. 289 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2008%20CECC%20Annual%20Report.PDF> (accessed: 05.06.2021).

²⁹ Комиссия по обзору критиковала усиление присутствия в Гонконге НОАК как потенциальную угрозу демократическому движению в случае массовых протестов (2014 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. 599 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 07.07.2021); 2016 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 16 November 2016. 553 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2016%20Annual%20Report%20to%20Congress.pdf (accessed: 07.07.2021); 2017 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 15 November 2017. 643 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-09/2017_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021).). В действительности гонконгский гарнизон НОАК не привлекался к подавлению протестов 2014 и 2019 годов. В отчёте Совместной комиссии за 2004 г. проход военных кораблей КНР через залив Виктории в Гонконге весной 2004 г. преподносился как попытка запугать сторонников демократии (2004 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 2 October 2004. 78 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2004%20CECC%20Annual%20Report.PDF> (accessed: 29.05.2021)). Бурю возмущений и обвинений в нарушении Основного закона и закона Гонконга о гарнизоне НОАК

и в своих рекомендациях занимали позицию более жёсткую, чем Государственный департамент, избегавший резких высказываний по поводу инициированных Китаем политических изменений³⁰.

Американская администрация сохраняла спокойствие³¹, ожидая проведения в Гонконге демократических реформ и надеясь укоренить САР в либеральном миропорядке. Такие ожидания подкреплялись рядом шагов Пекина в сторону либерализации политической системы Гонконга. В частности, произошёл постепенный отказ от назначений специальным выборным комитетом депутатов в Законодательное собрание и выборности половины его членов прямым всенародным голосованием по географическим

округам; вторая половина парламента выбиралась по функциональным избирательным округам (то есть узким кругом представителей различных профессиональных или специальных групп интересов — например, в сферах образования, туризма, медицины и др.). Последним из этих шагов стало достижение в июне 2010 г. центральным правительством соглашения с Демократической партией Гонконга о реформе Законодательного собрания, направленной на ограниченную демократизацию этого института. Данный компромисс был положительно оценён в США и вселил надежду на дальнейшие подобные договорённости в некоторых, но далеко не во всех³², американских исследователей, политиков и дипломатов,

со стороны гонконгских демократов, чью позицию поддерживает официальный Вашингтон, вызывают любые действия военнослужащих, к примеру, их участие в расчистке завалов после тайфуна в октябре 2018 года (United States-Hong Kong Policy Act Report, 21 March 2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/2019-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 28.05.2021)).

Редким исключением служат отчёты Совместной комиссии за 2002 г. и Комиссии по обзору за 2006 год, где говорилось, что политические и экономические гарантии Гонконгу, указанные в Совместной декларации, в целом сохраняются, за некоторыми исключениями (ущемление прессы и медленный процесс демократизации) (2006 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 30 October 2006. 265 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/USCC%20Annual%20Report%202006.pdf (accessed: 07.07.2021); 2004 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 2 October 2004. 78 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2004%20CCEC%20Annual%20Report.PDF> (accessed: 29.05.2021)).

³⁰ Государственный департамент практически не делал заявлений по Гонконгу. Во время посещения Гонконга в конце июля 2011 г. тогдашний государственный секретарь Хиллари Клинтон отметила, что на основе принципа ОСДС Гонконг «сохраняет статус моста между Востоком и Западом, будучи местом, где идеи воплощаются в дела, где компании честно конкурируют, где экономические возможности ощутимы и реальны для миллионов людей» («Remarks on Principles for Prosperity in the Asia-Pacific», 25 July 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/169012.htm>. (дата обращения: 28.07.2021)).

И.о. генерального консула США в Гонконге Кристофер Марут рекомендовал государственному секретарю поддержать любую реформу, результатом которой будет достижение международно признанного стандарта всеобщих выборов, когда каждый гражданин получит равные права выбирать и быть избранным, и которую поддержат большинство гонконгцев. См.: U.S. Policy Towards Democratic Reform in Hong Kong. Cable ID no. 09HONGKONG2339 а. 23 December 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09HONGKONG2339_a.html (дата обращения: 08.08.2021).

³¹ Даже отказ гонконгских властей (вероятно, действовавших по инструкциям центра) выдать в соответствии с американо-гонконгским договором об экстрадиции Эдварда Сноудена, пытавшегося в 2013 г. найти убежище в САР, не имел серьёзных последствий для Гонконга, вопреки угрозам Вашингтона.

³² Скептическая оценка данной электоральной реформы дана в отчётах Комиссии по обзору за 2010 и 2011 годы (2010 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 29 October 2010. 316 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2010-Report-to-Congress.pdf (accessed: 21.04.2021); 2011 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 9 November 2011. 406 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/annual_report_full_11.pdf (accessed: 07.07.2021)).

включая тогдашнего посла США в КНР Джона Хантсмана³³ [Martin 2011: i].

В целом политика Вашингтона не претерпела существенных изменений с июля 1997 по октябрь 2014 г. Р. Буш называл американо-гонконгские отношения того периода рутинной, не привлекавшей особого внимания СМИ и Конгресса [Bush 2016: 252], что верно только отчасти. Как было показано выше, влиятельные конгрессмены, входившие в Совместную комиссию, внимательно следили за событиями в Гонконге и давали им, как правило, нелицеприятные оценки. Невзирая на усиливавшийся контроль Пекина над автономией, в американской администрации теплилась надежда на постепенную демократизацию политической системы Гонконга в рамках общей либеральной стратегии, чему способствовала относительная стабильность американо-китайских связей. США выстраивали политику по отношению к Гонконгу как к отличной от Китая политико-экономической единице. Считалось, что привязка Гонконга к американской экономике и финансовой системе удерживает осторожное руководство КНР во главе с председателем Ху Цзиньтао от преследований местной оппозиции, имевшей широкую поддержку в обществе, которое дорожило либеральными правами и свободами и поддерживало демократические изменения³⁴. В самом деле, в то время

для экономики Китая Гонконг сохранял большое (постепенно снижавшееся) значение, обеспечивая доступ к иностранному капиталу. На любые жёсткие действия Пекина в ущерб автономии САР из Вашингтона могли последовать ответные меры, способные нанести тяжёлый удар не только по экономике Гонконга — а значит, по местной бизнес-элите, на которую опирался Пекин, но также, слабее, по экономике Китая.

Политика США во время и после «Революции зонтиков», октябрь 2014–2018 г.

Серьёзные последствия для американского курса имели протесты в Гонконге, происходившие осенью 2014 года, известные как «революция зонтиков». Им предшествовали:

а) опубликование 10 июня 2014 г. Госсоветом КНР Белой книги по практической реализации принципа ОСДС (Белая книга 2014)³⁵, где подчёркивалось, что в рамках принципа ОСДС компонент «одной страны» имеет приоритет над компонентом «две системы»; утверждалась всесторонняя юрисдикция центрального правительства над Гонконгом как неотъемлемой частью КНР, находящейся под непосредственным контролем центрального правительства; фиксировалось право последнего осуществлять надзор над реализацией правитель-

³³ Ellen Bork. Beijing's Heavy Hand In Hong Kong, Forbes, 9 August 2010. (Электронный ресурс). URL: <https://www.forbes.com/2010/08/09/hong-kong-china-democracy-markets-economy-electoral-reform.html?sh=4dde57746fc3> (дата обращения: 22.05.2022); Prospects for Democracy in Hong Kong: Assessing China's International Commitments // Roundtable before the Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 14 July 2010. 31 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/documents/roundtables/2010/CECC%20Roundtable%20-%20Democracy%20Hong%20Kong%20Assessing%20China%27s%20International%20Commitments%20-%202014.10.pdf> (accessed: 07.07.2021).

³⁴ По данным опросов общественного мнения, большинство гонконгцев поддерживали скорое введение всеобщих выборов главы администрации САР и всего состава Законодательного собрания. См.: New survey on political reform. *Public Opinion Programme of the University of Hong Kong. Press Release*, 10 June 2007. (Электронный ресурс). URL: <https://www.hkpop.hku.hk/english/release/release470.html>; Twelfth Public opinion survey on political reform. *Public Opinion Programme of the University of Hong Kong*. (Электронный ресурс). URL: https://www.hkpop.hku.hk/english/features/political_reform/prop/index12.html (дата обращения: 01.06.2021).

³⁵ White Paper: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region. *Information Office of the State Council of the People's Republic of China*. 10 June 2014, Beijing. (Электронный ресурс). URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986578.htm (дата обращения: 18.06.2022).

ством Гонконга прав автономии³⁶ и предотвращать вмешательство иностранных сил в дела САР, которые представляют собой внутренние дела КНР;

б) принятие решения ПК ВСНП от 31 августа 2014 г. об электоральной реформе по проведению всеобщих выборов главы администрации САР в 2017 г. при условии, что кандидатов будет отбирать специальный комитет, состоящий из лояльных Пекину лиц (что предотвратит выдвижение неприемлемых для центрального руководства кандидатов), а также возможность проведения всеобщих выборов в состав Законодательного собрания после всеобщих выборов главы администрации.

Решение ПК ВСНП вызвало возмущение продемократических сил Гонконга и стало толчком к проведению мирных акций протеста: были захвачены улицы в трёх деловых и коммерческих районах мегаполиса. События вокруг электоральной реформы укрепили интерес США к продвижению демократии в Гонконге, в том числе посредством финансирования Конгрессом американских НПО [Li 2016: 27–29]. Соединённые Штаты поддержали главное требование протестующих: скорейшего введения всеобщей выборности главы администрации САР, при том что кандидаты на этот пост выдвигались бы общественными инициативными группами без утверждения официальными комитетами, и депутатов законодательного органа. Американские политики и дипломаты посещали места проведения протестов, беседовали с их участниками (в основном молодыми людьми — учащимися средних школ и студентами) и представителями продемократических групп. Такие действия вызвали возмущение Пекина, который, как и пропекинские политики Гонконга, обвинил Вашингтон в активном вмешательстве в протесты, их инспирировании и финансировании с целью осуществить «цветную революцию». Твёрдых до-

казательств указанных обвинений представлено не было.

Несмотря на то что «революция зонтиков» не увенчалась победой, она оказала существенное влияние на политическую ситуацию и настроения в Гонконге, чем в дальнейшем воспользовался Вашингтон.

Во-первых, протесты раскололи гонконгское общество на непримиримые лагеря: «синий» (пропекинский) и «жёлтый» (антипекинский).

Во-вторых, значительная доля молодёжи уверовала, что: (а) путём мирных протестов добиться демократических перемен невозможно, а потому применение насилия допустимо — первым следствием такого понимания стали беспорядки во время празднования лунного нового года в феврале 2016 года, инициированные сепаратистами, якобы защищавшими от санитарных властей и полиции Гонконга лоточников; (б) пока Гонконг остаётся частью Китая, последний не допустит установления какой-либо формы западной демократии. В этой связи часть молодёжи выступала с требованием самоопределения Гонконга посредством всенародного референдума, на котором предлагалось высказаться за один из вариантов: сохранение текущего статуса после 2047 года; отказ от автономии и превращение Гонконга в «обычный» город КНР; полная независимость Гонконга. Возникло множество пусть малочисленных, но активных и популярных в молодёжной среде локалистских и сепаратистских движений и групп.

В-третьих, традиционные, умеренные продемократические силы начали терять влияние и популярность в пользу локалистов и сепаратистов, наметилась радикализация умеренных демократов, которые стали отказываться от диалога с центральным правительством. Многие локалисты, сепаратисты и умеренные пандемократы видели в США, а также в Великобритании и других странах Запада естественных союз-

³⁶ Белая книга подтверждает приверженность центрального правительства обязательству ввести всеобщие выборы главы администрации и всего состава Законодательного собрания, которые должны служить интересам развития, безопасности и суверенитета КНР (гл. V, ч. 4, пар. 3).

ников в борьбе за демократические и либеральные ценности³⁷, способных не только сдерживать посягательства властей КНР на автономию Гонконга, права и свободы его жителей, но и оказывать на Пекин давление, побуждая к скорейшему проведению демократических реформ и созданию политической системы, основанной на западных ценностях. Со своей стороны, власти США характеризовали ненасильственное отстаивание идей самоопределения и независимости Гонконга как выражение свободы слова и мнений³⁸ и на этом основании выказывали поддержку оппозиции. Её лидеры посещали США для встречи с политиками и высокопоставленными государственными деятелями, включая вице-президента Байдена, встреча с которым состоялась в преддверии Решения ПК ВСНП от 31 августа 2014 г. В самом Гонконге имели место встречи с представите-

лями американских официальных и полуофициальных делегаций и с сотрудниками генерального консульства Соединённых Штатов³⁹, что свидетельствует об устойчивых связях гонконгской оппозиции с американскими политическими кругами. Обширные связи антипекинской оппозиции с американскими партнёрами вызывали недовольство Пекина, которое усматривало в их культивировании вмешательство США во внутренние дела страны, очернение КНР, лоббирование жёсткого подхода Вашингтона к Китаю. В редких случаях такие связи приносили Пекину пользу⁴⁰.

В Белой книге 2014 г. говорилось о многочисленных заблуждениях касательно принципа развития политической структуры Гонконга по пути западной демократии, обусловленных игнорированием пандемократами существа государственного устройства КНР как унитарного государства, где

³⁷ В отчётах Комиссии по обзору и отчётах Государственного департамента Конгрессу отмечалось, что жители Гонконга и Соединённых Штатов разделяют многие ценности, в том числе гражданские свободы и уважение к принципу верховенства права (United States-Hong Kong Policy Act Report, 1 April 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/000401_us-hk_pol_act_rpt.html (accessed: 21.04.2021); United States-Hong Kong Policy Act Report, 1 April 2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rpt/44543.htm> (accessed: 20.04.2021); 2014 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. 599 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 07.07.2021); United States-Hong Kong Policy Act Report, 29 May 2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/reports/2015/240585.htm> (accessed: 03.05.2021)).

³⁸ Примером тому служит осуждение Государственным департаментом запрета властями САР 24 сентября 2018 г. откровенно сепаратистской, но крайне малочисленной Национальной партии Гонконга (Hong Kong National Party), усматривая в данном запрете поправку коренных ценностей свободы слова и ассоциаций. См.: Su Xinqi. China tells foreign critics to respect ban on party. *South China Morning Post*, 25 September 2018. В отчёте 2016 г. Комиссия по обзору усмотрела в избрании пяти кандидатов от возникших после протестов 2014 г. локалистских и сепаратистских партий свидетельство прогресса в демократизации и вовлечения в политику молодежи, придерживающейся более радикальных взглядов, чем традиционные пандемократы (2016 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 16 November 2016. 553 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2016%20Annual%20Report%20to%20Congress.pdf (accessed: 07.07.2021)). При этом Комиссия по обзору отметила, что такое развитие беспокоит Пекин (2017 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 15 November 2017. 643 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-09/2017_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021)).

³⁹ Китай и пропекинские силы в САР с недоверием отнеслись к назначению на пост генерального консула США в Гонконге Стивена Янга и Клиффорда Харта, чья предыдущая деятельность была связана с Тайванем или со странами, где произошли «цветные» революции [Ху 2016: 181–183].

⁴⁰ Влиятельный гонконгский демократ Ли Чжунмин в письме от 14 ноября 1999 г. тогдашнему президенту США Уильяму Клинтону и во время личной встречи с Клинтонем 10 мая 2001 года (уже после ухода последнего с президентского поста) призывал его поддержать вступление КНР во Всемирную торговую организацию, исходя из того, что свободная торговля и экономическое развитие Китая будут способствовать его демократизации.

центральная власть обладает полной юрисдикцией над всеми административными единицами, в том числе над Гонконгом. В силу исторических обстоятельств Гонконгу даровано право сохранить капиталистическую систему, но с обязательством уважать суверенитет, безопасность и интересы Китая, а также фундаментальные принципы китайского государства (глава V, часть 1, пар. 1–2). Подчёркивалась необходимость сохранять бдительность, предотвращать и отражать попытки вмешательства во внутренние дела Китая, в реализацию принципа ОСДС, предпринимаемые как из-за рубежа, так и очень небольшим числом местных жителей, действующих заодно с иностранными силами (Заключение, пар. 2).

Особое недовольство Пекина вызывала деятельность гонконгского бизнесмена и медиамагната Ли Чжиина (Джимми Лай Чи-инга, Jimmy Lai Chee-Ying), яркого критика Китая, убеждённого антикоммуниста, обладавшего крепкими связями с верхушкой Республиканской партии США⁴¹.

Личный помощник Ли Чжиина, гражданин США и активный член Республиканской партии США Марк Саймон, одно время служивший в военно-морской разведке США, был посредником в операциях по финансированию ведущих оппозиционных партий Гонконга, включая крупнейшую истарейшуюиз них – Демократическую партию, а также Гражданскую партию, движение «Захвати Центр с любовью и миром», чьи активисты организовали «революцию зонтиков»⁴². Власти Китая небезосновательно подозревали Вашингтон в попытках через Ли Чжиина оказывать влияние на политические процессы в САР, подогревая там антикитайские/антикоммунистические настроения.

В этой связи следует упомянуть финансирование Конгрессом через Национальный фонд демократии (НФД)⁴³ и Национальный демократический институт неправительственных организаций, местных и международных, а также проектов по развитию демократии и прав человека⁴⁴.

⁴¹ Примечательны связи Ли Чжиина с Полом Вулфовицем, в 2001–2005 годах занимавшим в администрации Джорджа Буша-мл. пост заместителя министра обороны США. Ли и Вулфовиц встречались в Мьянме с руководством этой страны в 2012 и 2013 годах, а в июле 2013 г. аффилированная с Ли гонконгская компания заплатила Вулфовицу 75 тыс. долларов США за услуги, связанные с экономическими проектами в Мьянме. Контакты Вулфовица и Ли с высшими должностными лицами Мьянмы происходили в то время, когда США применяли к Мьянме жёсткие санкции, фактически запретив американским гражданам и юридическим лицам вести бизнес с данным государством.

⁴² Stuart Lau, Joyce Ng and Jeffie Lam, «Pan-democrats could face inquiry over Lai donations» // South China Morning Post, 24 July 2014; Ng Kang-chung and Jeffie Lam, «Media mogul Lai 'spent HK\$3.5 m on Occupy vote'» // South China Morning Post, 4 August 2014; Tony Cheung and Joyce Ng, «Hackers stole documents from copier, says Lai» // South China Morning Post, 29 August 2014.

⁴³ От ред.: 28 июля 2015 года «Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy) внесён в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

В отчёте НФД за 2015 г. упоминалась поддержка «гражданских инициатив в Гонконге для продвижения демократических реформ» (NED 2015 Annual Report. The National Endowment for Democracy, October 21, 2016. URL: <https://www.ned.org/publications/2015-annual-report/> (accessed: 05.05.2021)). Отчёт НФД за 2014 г. включал положительный отзыв о массовых протестах граждан Гонконга, Венесуэлы и Украины, поднявших против «властей, которые лишают их самых основных свобод (most fundamental freedoms)» (NED 2014 Annual Report. The National Endowment for Democracy, October 1, 2016. URL: <https://www.ned.org/publications/2014-annual-report/> (accessed: 05.05.2021)). Утверждение о лишении гонконгцев основных прав содержит чрезмерное преувеличение. В 2014 г. и по сей день некоторые либеральные права и свободы сохраняются и охраняются в Гонконге.

⁴⁴ Законы США об ассигнованиях на соответствующие финансовые годы устанавливает общие суммы, которые выделяются Фонду прав человека и демократии, управляемому Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Государственного департамента, и НФД на поддержку демократии, прав человека и верховенства закона в КНР, Гонконге и на Тайване: 12 млн долларов США

ли американского дипломатического ведомства высказывались за ускорение демократических реформ, от которых, по их словам, зависели процветание территории и легитимность главы администрации САР. Керри изложил такое видение реформ на встрече с членом Политбюро ЦК КПК и главой Канцелярии комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи и членом ПК Политбюро ЦК КПК, тогдашним вице-премьером Ван Яном в рамках американо-китайского стратегического и экономического диалога в июне 2015 г. Во время визита в Пекин для участия в саммите форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» 10–11 ноября 2014 г. президент Барак Обама крайне осторожно высказывался о протестах в Гонконге против electoralной реформы и категорически отрицал причастность США к этим событиям⁴⁷. Внештатный старший научный сотрудник Брукингского института Р. Буш осторожную официальную реакцию Вашингтона на реформу оценил как сбалансированную [Bush 2016: 255, 260–261; см. также: Summers 2019: 121–122]⁴⁸.

Между тем антикитайски настроенные политики (в частности, республиканец Марко Рубио и демократ Шеррод Браун в Сенате или республиканец Кристофер Смит в Палате представителей) публично призывали администрацию Обамы усилить давление на Китай из-за протестов в Гонконге⁴⁹. Софи Ричардсон, директор по вопросам Китая правозащитной организации Human Rights Watch, раскритиковала сдержанность реакции Обамы и Государственного департамента на гонконгские события, считая образцом поведение Виктории Нуланд, угощавшей протестующих на киевском майдане⁵⁰.

13 ноября 2014 г. К. Смит при поддержке пяти депутатов Палаты представителей и Ш. Браун с пятью коллегами-сенаторами внесли идентичные проекты Закона о правах человека и демократии в Гонконге, предусматривавшего возобновление ежегодных отчетов Государственного департамента о ситуации в Гонконге (в течение 10 лет начиная с 31 марта 2015 г.) и ежегодное уведомление Конгресса, достаточна ли автономия Гонконга для того, чтобы пользоваться американскими предпочтениями⁵¹.

⁴⁷ Mark Landler. Obama arrives in Beijing, complex agenda in tow. *The New York Times*, 11 November 2015.

⁴⁸ The Future of Democracy in Hong Kong // Hearing before the Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-113hhrg92631/pdf/CHRG-113hhrg92631.pdf>; Bush R. A Path to Democratic Compromise in Hong Kong. *The Wall Street Journal*, 18 August 2014; Talley I. U.S. Steps Up China Criticism amid Hong Kong Pro-Democracy Protests. *Wall Street Journal*, September 29, 2014.

⁴⁹ Ian Talley. U.S. Steps Up China Criticism amid Hong Kong Pro-Democracy Protests. *The Wall Street Journal*, 29 September 2014. Ричард Буш и Линн Уайт (Принстонский университет) призывали конгрессменов воздержаться от намерений повысить стандарты в оценке автономности Гонконга или лишить территорию особого статуса, поскольку такую риторику Китай использует в своей пропаганде, чтобы доказать, что протесты инспирированы из-за рубежа, что не способствует демократизации Гонконга [Bush 2016: 273, 274; White 2016: 11].

⁵⁰ Evaluating the Impact of the “Umbrella Movement” // Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs, the Senate Foreign Relations Committee. Washington: U.S. Government Printing Office, 3 December 2014. 27 p. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/120314_Transcript_Evaluating%20the%20Impact%20of%20the%20Umbrella%20Movement.pdf (accessed: 07.07.2021).

⁵¹ H.R.5696 — Hong Kong Human Rights and Democracy Act 113th Congress (2013–2014). URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/5696/text> (дата обращения: 22.05.2021).

S.2922 — Hong Kong Human Rights and Democracy Act 113th Congress (2013–2014). URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2922/text> (дата обращения: 22.05.2021).

Р. Буш на заседании Совместной комиссии утверждал, что такое удостоверение автономности Гонконга имплицитно предполагалось в изначальной версии Закона 1992 (The Future of Democracy in Hong Kong // Hearing before the Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-113hhrg92631/pdf/CHRG-113hhrg92631.pdf>).

Законопроект встретил критику дипломатического ведомства, возразившего против ежегодного подтверждения автономии Гонконга на том основании, что согласно Закону 1992 определение степени автономности Гонконга — это прерогатива президента⁵². Хотя дебаты и голосование в обеих палатах Конгресса по законопроектам не проводились, стал явным большой интерес к американской политике в отношении Гонконга конгрессменов, желавших действовать решительнее, чем исполнительная власть. Предложенные законопроекты, ограничивая администрации свободу манёвра, навязывали ей модель жёсткого поведения в отношении Гонконга (что принесло плоды в дальнейшем).

В первом после 2007 г. отчёте Конгрессу от 10 апреля 2015 года, а также в последующем отчёте от 1 мая 2016 г. Государственный департамент констатировал, что Гонконг сохраняет высокую степень автономии на основе принципа ОСДС, оправдывающую применение специального преференциального (отличного от остального КНР) режи-

ма⁵³. Ведомство впервые признало, что электоральная реформа соответствует букве Основного закона — и одновременно поддержало оппонентов реформы тезисом, будто она противоречит обязательствам (без уточнения, каким именно) Гонконга по Пакту⁵⁴.

Более жёсткой была оценка Комиссии по обзору, отметившей тенденцию к усилению влияния и учащению интервенций центрального правительства в дела Гонконга⁵⁵. В отчётах Комиссии факты, в негативном свете выставлявшие власти Гонконга и КНР, акцентировались, а бросавшие тень на гонконгскую оппозицию — напротив, замалчивались⁵⁶. В отчётах встречаются сомнительные обвинения в преследовании деятелей оппозиции, в действительности призванных к ответственности за совершение противоправных действий, например за организацию и участие в несанкционированных массовых протестах или преднамеренное недолжное принесение депутатской присяги⁵⁷. Электоральная реформа была охарактеризована как нарушение положения ст. 45 Основного

⁵² Congressional Action on Hong Kong Set to Roil US-China Relations. Dui Hua Human Rights Journal. 15 January 2015. URL: <https://www.duihuahrjournal.org/2015/01/congressional-action-on-hong-kong-set.html> (accessed: 22.05.2021).

⁵³ United States-Hong Kong Policy Act Report, 29 May 2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/reports/2015/240585.htm> (accessed: 03.05.2021); United States-Hong Kong Policy Act Report, 11 May 2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/reports/2016/257085.htm> (accessed: 03.05.2021). В отчётах от 7 июля 2017 г. и от 29 мая 2018 г. указано, что сохранение Гонконгом автономии в большинстве сфер оправдывает предоставление территории особых преференций (Fact Sheet: Review of Key Developments in Hong Kong, as of June 7, 2017. URL: <https://hk.usconsulate.gov/n-2017060701/> (accessed: 03.05.2021); United States-Hong Kong Policy Act Report, 10 April 2018. URL: <https://2017-2021.state.gov/2018-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 03.05.2021)).

⁵⁴ United States-Hong Kong Policy Act Report, 29 May 2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/reports/2015/240585.htm> (accessed: 03.05.2021).

⁵⁵ Ссылки на эти инциденты и их критика присутствуют в докладах Государственного департамента о положении с правами человека за 2015–2017 годы наряду с признанием, что правительство САР в целом уважает и соблюдает права и свободы человека. В докладе за 2016 г. впервые говорилось о посягательстве центрального правительства на автономию Гонконга как об одной из главных проблем в сфере защиты прав человека. См.: The Annual Country Reports on Human Rights Practices. (Электронный ресурс). URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/index.htm> и <https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/> (дата обращения: 29.07.2021).

⁵⁶ Ни в одном из отчётов Комиссии по обзору или Государственного департамента не упомянут громкий скандал с «пожертвованиями» Ли Чжиина пандемократам и его близкие связи с отдельными политиками Республиканской партии (см. выше).

⁵⁷ 2017 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 15 November 2017. 643 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-09/2017_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021).

закона о выборах главы администрации САР⁵⁸, что прямо противоречило выводам Государственного департамента⁵⁹, гарантии Совместной декларации о широкой автономии Гонконга и положения ст. 25 Пакта, гарантирующей участие граждан в государственных делах через своих периодически

избираемых на всеобщих выборах представителей⁶⁰. В отчёте за 2017 г. Комиссия по обзору впервые рекомендовала комитетам Конгресса изучить варианты ответных мер за нарушение Пекином обязательств в отношении Гонконга и его «усиливающиеся вторжение в автономию Гонконга»⁶¹.

⁵⁸ 2014 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. 599 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 07.07.2021).

⁵⁹ Вывод Государственного департамента о соответствии электоральной реформы Основному закону представляется обоснованным (United States-Hong Kong Policy Act Report, 29 May 2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/reports/2015/240585.htm> (accessed: 03.05.2021)). Часть 2 ст. 45 Основного закона обозначает конечную цель избрания посредством прямых выборов главы администрации САР при условии выдвижения кандидатов широко представленным номинационным комитетом в соответствии с демократической процедурой. Предложенный ПК ВСНП в 2014 г. план выборов главы администрации вполне соответствует данным требованиям.

В отчёте за 2015 г. Комиссия, не изменив критической оценки реформы, признала тем не менее, что положения ст. 45 Основного закона относительно метода выборов главы администрации САР сформулированы неясно (2015 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 18 November 2015. 619 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 07.07.2021)).

⁶⁰ 2014 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 20 November 2014. 599 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 07.07.2021). Применение к Гонконгу п. (b) ст. 25 Пакта, закрепляющего право «голосовать и быть избранным на подлинно периодических выборах, проводимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей», было исключено Великобританией при ратификации Пакта 20 мая 1976 года. В оговорке Великобритании говорится, что её правительство «оставляет за собой право не применять п. (b) ст. 25 постольку, поскольку это требует введения выборного главы исполнительной власти или Законодательного собрания в Гонконге». Declarations and Reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights. (Электронный ресурс). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mttdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en. (дата обращения: 25.05.2021). После возвращения Гонконга КНР Пакт применяется к территории с вышеуказанной оговоркой. Поэтому нельзя назвать уместной ссылку на данное положение Пакта в докладе Комиссии по обзору как основание для обвинений Китая в нарушении его международных обязательств. Более того, п. 13 ч. III закона о гонконгском Билле о правах предусматривает, что ст. 21 Билля о правах (эквивалент ст. 25 Пакта) не требует введения выборного главы исполнительной власти или Законодательного собрания.

Опубликованные на сайте Wikileaks телеграммы генерального консульства США в Гонконге госсекретарю свидетельствуют, что американские дипломаты были хорошо знакомы с упомянутой оговоркой к Пакту и позицией правительств КНР и САР, полагающих, что данная оговорка продолжает иметь юридическую силу (с чем согласен официальный Лондон), несмотря на юридически сомнительную позицию гонконгских пандемократов и Комитета по правам человека ООН, что с началом проведения всеобщих выборов части Законодательного собрания оговорка утратила силу и Гонконг должен выполнять условия всех положений ст. 25 Пакта. См.: Hong Kong Functional Constituencies: Political Problem, Judicial Remedy? *Cable ID* no. 09HONGKONG2234 а. 8 December 2009 (Электронный ресурс) URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09HONGKONG2234_a.html; U.S. Policy Towards Democratic Reform in Hong Kong. *Cable ID* no. 09HONGKONG2339 а. 23 December 2009 (Электронный ресурс) URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09HONGKONG2339_a.html; Hong Kong Democrats Draw Battle Lines on Universal Suffrage. *Cable ID* no. 09HONGKONG53 а. 8 January 2009 (Электронный ресурс) URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09HONGKONG53_a.html (дата обращения: 08.08.2021).

⁶¹ 2017 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 15 November 2017. 643 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-09/2017_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021).

Выдохшаяся «революция зонтиков» и неудачная попытка электоральной реформы в 2014–2015 годов на условиях Пекина сменились относительным затишьем на последующие четыре года. Несмотря на общее ухудшение американо-китайских отношений, особенно после прихода к власти в США Дональда Трампа, Вашингтон не внёс существенных изменений в свою гонконгскую политику. США обратили внимание на ослабление пандемократов, возросшую политическую активность радикальной молодёжи и усилившееся стремление центрального правительства КНР утвердить свою власть на не полностью им контролируемой территории⁶².

В Гонконге традиционно распространены антикоммунистические настроения; недоверие к Пекину сочетается с огромным влиянием Запада (прежде всего США и Великобритании) на различные аспекты жизни и политическую культуру, носителями которой выступали как оппозиция, так и пропекинские политики, бизнесмены и государственные деятели — многие из них прошли управленческую школу в британской колониальной администрации, учились в вузах Великобритании, США, Австралии и Канады и гонконгских средних школах и университетах, основанных на британских и американских (миссионерских) образовательных стандартах. Заместитель директора Национальной ассоциации изучения Гонконга и Макао профессор Лю Чжаоцзя (Лау Сюкай, Lau Siu-kai) отмечает: «...неготовность Пекина прививать патриотизм в Гонконге [в первые 20 лет после возвращения территории] по иронии судьбы предоставила антикитайским и антикоммунистическим силам открытое поле для распространения своих идей»⁶³. Уязвимость Гонконга была понятна

Пекину, где по мере нарастания напряжённости в американо-китайских отношениях усиливались опасения, что США могут использовать Гонконг в качестве одного из слабых звеньев национальной безопасности Китая для дестабилизации ситуации на границе одной из наиболее экономически развитых провинций Гуандун — отсюда обвинения Пекина в инспирировании и финансировании Вашингтоном протестов и волнений, базирующихся на требованиях демократизации. Ужесточение позиции Китая в отношении Гонконга было обусловлено: (а) снижением значимости территории как торгового и финансового центра на фоне динамичного развития в Китае других центров, способных выполнять схожие с Гонконгом функции; и (б) интеграцией экономик Гонконга и провинции Гуандун (проект «Большого залива»). В этих условиях некогда могучий рычаг американского влияния в Гонконге — экономическая привязка к США постепенно ослабевала. Вместе с тем, как метко подметил старший исследователь холдинга China Everbright Holdings Чжоу Бацзюнь, «пока Гонконг усиленно интегрировался с континентальным Китаем экономически, он всё больше и больше синхронизировался с Западом идеологически и политически»⁶⁴, что внесло свой вклад в драматические события 2019 г.

Политика США в преддверии и после массовых выступлений и беспорядков в Гонконге летом—осенью 2019 г.

На фоне ухудшения американо-китайских отношений после прихода к власти Д. Трампа и особенно после снятия в марте 2018 г. конституционных ограничений на количество сроков пребывания у власти председателя КНР Си Цзиньпина, кото-

⁶² По мнению Р. Буша, администрация Трампа в своей политике исходила из принадлежности Гонконга Китаю, что вредило интересам Гонконга [Bush 2020: 352–353].

⁶³ Lau Siu-kai. HK's Chinese citizens have duties aside from rights. *China Daily*, 13 June 2022. (Электронный ресурс). URL: <https://www.chinadailyhk.com/article/275595#HK's-Chinese-citizens-have-duties-aside-from-rights> (дата обращения: 18.06.2022).

⁶⁴ Zhou Bajun. SAR should brace for challenges by integrating with the mainland. *China Daily*, 13 June 2022. (Электронный ресурс). URL: <https://www.chinadailyhk.com/article/275596#SAR-should-brace-for-challenges-by-integrating-with-the-mainland> (дата обращения: 18.06.2022).

рый усилил контроль центра над САР, политика США в отношении Гонконга стала ужесточаться. Отчёт Государственного департамента по Гонконгу за 2017 г. признавал, что степень автономии Гонконга более чем достаточна для сохранения в американо-гонконгских отношениях преференциального режима, несмотря на отдельные действия правительства Китая, несовместимые с обязательствами центрального правительства по Основному закону⁶⁵. Тем не менее Вашингтон изыскивал любой повод для критики положения дел в Гонконге и политики Пекина в отношении автономии. В ежегодных докладах Государственного департамента о положении с правами человека в Гонконге за 2017 и 2018 годы самыми большими угрозами правам человека были названы посягательства⁶⁶ и действия центрального и местного правительств: преследование протестующих, лишение депутатских мандатов представителей оппозиции и противоречащие демократическим принципам Основного закона заявления официальных лиц Гонконга и КНР⁶⁷. Отчёт ведомства по САР за 2018 год впервые поставил под сомнение степень автономности Гонконга. Он

отмечал, что степень автономии достаточна для сохранения преференциального статуса, но она снизилась в сравнении с прошлыми годами. Основанием для подобного заключения стали: тюремные приговоры сепаратистам—организаторам беспорядков в феврале 2016 года; запрет властями Гонконга в сентябре 2018 г. сепаратистской Национальной партии Гонконга как угрожающей национальной безопасности КНР; непродление рабочей визы британскому журналисту газеты *The Financial Times*, вице-президенту Клуба иностранных корреспондентов, предоставившему, вопреки протестам Пекина и его гонконгских сторонников, трибуну лидеру Национальной партии для выступления перед членами Клуба в августе 2018 года; отказ властей Гонконга зарегистрировать локалистов и сепаратистов в качестве кандидатов на довыборы в Законодательное собрание⁶⁸. Внешнеполитическое ведомство США, Комиссия по обзору и Совместная комиссия интерпретировали эти факты как подавление свободы ассоциаций, мирных протестов и свободы слова⁶⁹. Позиция американской стороны носила откровенно провокационный характер,

⁶⁵ United States-Hong Kong Policy Act Report, 10 April 2018. URL: <https://2017-2021.state.gov/2018-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 03.05.2021).

⁶⁶ Повторяется вывод доклада о положении с правами человека за 2016 год, см. сноску 48.

⁶⁷ Country Reports on Human Rights Practices for 2017: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 20 April 2018. URL: <https://www.state.gov/reports/2017-country-reports-on-human-rights-practices/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-hong-kong/> (accessed: 30.07.2021); Country Reports on Human Rights Practices for 2018: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 13 March 2019. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-china/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-hong-kong/> (accessed: 30.07.2021).

⁶⁸ За месяц до указанного отчёта Государственного департамента генеральный консул США в Гонконге Курт Тонг (Kurt Tong) заявил, что Гонконг сохраняет высокую степень автономии, по крайней мере, в большинстве областей, оговорив, что 2018 г. стал свидетелем «первых» неприятных примеров подрыва автономии, которые совпадают со списком нарушений отчёта Государственного департамента. См.: Kurt Tong's speech to the Kellogg-HKUST Executive MBA Alumni Association: «Hong Kong's Role in the Indo-Pacific Economy», 1 February 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://hk.usconsulate.gov/sp-2019022701/> (дата обращения: 15.07.2021).

⁶⁹ 2018 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 10 October 2018. 318 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/Annual%20Report%202018.pdf> (accessed: 05.06.2021); 2019 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 18 November 2019. 323 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/CECC%202019%20Annual%20Report.pdf> (accessed: 05.06.2021); Country Reports on Human Rights Practices for 2019: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 11 March 2020. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/china/hong-kong/> (accessed: 30.07.2021);

поскольку Китай всегда занимал непримиримую позицию по отношению к любому проявлению сепаратизма, что со всей определённой подчёркивали заявления китайских руководителей, в том числе речь председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии в Гонконге, посвящённая 20-летней годовщине возвращения Китая: «...любая попытка поставить под угрозу суверенитет и безопасность Китая, бросить вызов центральному правительству и авторитету Основного закона САР, использовать Гонконг для внедрения агентов и осуществления подрывной деятельности против Китая расценивается как пересечение красной линии и абсолютно недопустима»⁷⁰.

Во второй половине 2019 г. в Гонконге прошли многотысячные протесты и массовые беспорядки, спровоцированные предложением правительством САР поправок к законам об экстрадиции и правовой помощи (которые позволили бы экстрадиро-

вать подозреваемых в любые юрисдикции, включая КНР, что насторожило многих местных жителей и даже лояльных Пекину бизнесменов). Протесты быстро переросли в движение с требованиями проведения демократических реформ, получившее поддержку США. Правительство КНР обвиняло Вашингтон (и близкого американскому республиканскому истеблишменту Ли Чжи-ина) в финансировании протестного движения и гонконгских инициативных групп, призывавших к введению санкций против Китая. Весомых доказательств такого финансирования предоставлено не было, но исключать его нельзя. Высокопоставленные члены администрации Трампа⁷¹ и именитые конгрессмены принимали делегации гонконгской оппозиции (в том числе радикальное сепаратистское крыло)⁷², публиковали полные сочувствия к протестному движению (органической частью которого было насилие) доклады и статьи⁷³, организовывали публичные слушания по ситуации в

United States-Hong Kong Policy Act Report, 21 March 2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/2019-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 28.05.2021); Cheng K. Ban on Pro-Independence Party 'Inconsistent' with Hong Kong's Core Freedoms, Says U.S. Consulate. *Hong Kong Free Press*, 24 September 2018. (Электронный ресурс). URL: <https://hongkongfp.com/2018/09/24/ban-pro-independence-party-inconsistent-hong-kongs-core-freedoms-says-us-consulate/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁷⁰ Xi's speech at meeting marking HK's 20th return anniversary, inaugural ceremony of 5th-term HKSAR gov't. *China Daily*, 1 July 2017. (Электронный ресурс). URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/hk20threturn/2017-07/01/content_29959860.htm (дата обращения: 25.05.2021).

⁷¹ Лично президент Трамп воздерживался от комментариев по поводу гонконгских событий, ограничившись заявлением, что США должны быть заодно с Гонконгом, но он сам стоит заодно с председателем Си. См.: Editorial. How the U.S. Can Help Hong Kong. *The Wall Street Journal*, 17 June 2019; Editorial. The Hong Kong Stakes for Trump. *The Wall Street Journal*, 14 August 2019; Andrew Duehren, Eva Dou. House Passes Hong Kong Rights Bill. *The Wall Street Journal*, 21 November 2019.

⁷² В течение 2019 г. представители гонконгской оппозиции, включая Ли Чжи-ина, Ли Чжумина и лидера выступавшей за самоопределение молодёжной партии «Demosisto» (партия прекратила свою деятельность 30.06.2020) Хуан Чжи-фэна (Джошуа Вонг Чи-фуна, Joshua Wong Chi-fung), провели многочисленные встречи с выступающим с жёсткими заявлениями в отношении Китая вице-президентом США М. Пенсом, спикером Палаты представителей Н. Пелоси, конгрессменами, сотрудниками Совета национальной безопасности США и представителями Комиссии по обзору, в ходе которых гонконгские делегаты призвали американские власти и бизнес оказать давление на правительство Гонконга с тем, чтобы оно отказалось от принятия поправок к законам САР об экстрадиции.

⁷³ Выпущенные 14 и 18 ноября 2019 г. отчёты Комиссии по обзору и Совместной комиссии, а также доклад Государственного департамента о положении с правами человека в Гонконге за 2019 год, охарактеризовав протесты как преимущественно мирные, изобиловали обвинениями в сложившейся ситуации в адрес правительств КНР и Гонконга (2019 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 14 November 2019. 581 p. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-11/2019%20Annual%20Report%20to%20Congress.pdf> (accessed: 07.07.2021); 2019 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, 18 November 2019. 323 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/CECC%202019%20>

Гонконге⁷⁴, посещали его для встреч с оппозиционерами⁷⁵, открыто высказывая им свои симпатии, резко критикуя гонконгское и китайское правительства за «брутальное подавление мирных протестов». Всецело полагаясь на доносимую оппозицией информацию (часто сомнительную, искажённую и даже ложную), американские политики вдохновляли протесты и небывалые, шокирующие для Гонконга беспорядки, создавая у протестующих иллюзию возможного вмешательства США для защиты их от центрального правительства. Бывший сотрудник Государственного департамента и Совета национальной безопасности Райан Хасс предостерегал американских политиков и государственных деятелей от создания подобных ожиданий своими действиями и прокламациями⁷⁶.

Инициаторами ужесточения политики США в отношении Гонконга стали воин-

ственно настроенные против КНР и КПК конгрессмены, прежде всего Марко Рубио, Роберт Менедез, Тед Круз, Том Коттон, Кристофер Смит, Джеймс Макговерн и Тед Йохо. Рубио при поддержке семи сенаторов от обеих партий и депутат Палаты представителей Смит при поддержке шести коллег-депутатов от обеих партий нижней палаты 13 сентября 2019 г. (начальный момент протестного движения, в котором уже проявился его насильственный характер) одновременно внесли в палаты Конгресса идентичные проекты закона о правах человека и демократии в Гонконге (Hong Kong Human Rights and Democracy, далее Закон 2019). Сформировавшийся в американском политическом истеблишменте антикитайский консенсус обеспечил практически единогласное⁷⁷ принятие документа обеими палатами Конгресса во второй половине ноября 2019 года; пре-

Annual%20Report.pdf (accessed: 05.06.2021); Country Reports on Human Rights Practices for 2019: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 11 March 2020. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/china/hong-kong/> (accessed: 30.07.2021), см. также: 2020 CCEC Report. Congressional-Executive Commission on China, Washington: U.S. Government Printing Office, December 2020. 364 p. URL: <https://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2020%20ANNUAL%20REPORT%20FINAL%201223.pdf> (accessed: 05.06.2021)). Сенатор-республиканец Митч Макконнелл писал о терроризируемых КПК жителях Гонконга, выступающих за сохранение свободы и автономии и требующих справедливого суда над сотрудниками силовых органов, которые-де арестовывают, пытают и убивают протестующих. См.: *McConnell M. We Stand With Hong Kong. The Wall Street Journal*, 20 August 2019.

⁷⁴ Перед членами Совместной комиссии (включающей ярых антикитайских конгрессменов) выступили самоназначенные посланцы гонконгских протестующих, обрушив на китайское и гонконгское правительства лавину обвинений. Выступавшие говорили о невероятной жестокости гонконгской полиции (обвинения часто базировались на слухах и ничем не подтверждённой информации, хотя нельзя отрицать и того, что в ряде случаев сотрудники полиции действовали отнюдь не безупречно), необоснованных арестах участвующих в «мирных» протестах «детей», угрозе правам и свободам человека. Утверждалось, что, по существу, Гонконг потерял автономию и превратился в полицейское государство, а посему Соединённым Штатам необходимо усилить давление на Китай. Слушания транслировались в прямом эфире на платформе YouTube. См.: *Hearing on Hong Kong's Summer of Discontent and U.S. Policy Responses. Congressional-Executive Commission on China*, 17 September 2019. (Электронный ресурс). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQJZTi-XRIs> (дата обращения: 26.05.2021).

⁷⁵ В октябре 2019 г. Гонконг посетили несколько сенаторов. Тед Круз, облачившийся в чёрную одежду («фирменный» цвет одежды участников беспорядков), в разгар бушевавшего вандализма заявил, что не видел и не слышал свидетельств массовых беспорядков и погромов, а представители протестного движения, с которыми он встречался, не причастны к насилию. См.: *Yonden Lhatoo. Cruz says lam canned meeting out of fear. South China Morning Post*, 12 October 2019; *Alex Lo, Ted Cruz is not just clueless but cynical about Hong Kong. South China Morning Post*, 14 October 2019. Сенатор-республиканец Джошуа Хоули в местах протестов позировал для фотографий.

⁷⁶ *Edward Wong. Hong Kong Protesters Call for U.S. Help. China Sees a Conspiracy. The New York Times*, 3 November 2019.

⁷⁷ В Палате представителей против принятия закона проголосовал единственный депутат. Прений вокруг законопроекта практически не было, все выступления сводились к испепеляющей критике Китая — за удушение автономии Гонконга, подавление демократических устремлений его жителей —

зидент подписал закон 27 ноября⁷⁸. Законом 2019 было предписано усиление контроля над экспортом чувствительных технологий в Гонконг, допускается введение санкций в отношении должностных лиц Гонконга и КНР, нарушающих, по мнению государственного секретаря, права и свободы человека, гарантированные в международных договорах. Статья 3 Закона 2019 вслед за Законом 1992 фактически утверждала США в роли квазигаранта автономии Гонконга, обрисовывая приемлемые для США контуры автономии САР. В частности, заявлено не только о поддержке демократических устремлений жителей Гонконга по проведению всенародных выборов главы администрации САР и всего состава Законодательного собрания к 2020 году, но также поддержана «подлинно» демократическая процедура выдвижения кандидатов (то есть общественными движениями/инициативными группами) на пост главы администрации (ст. 3(3)–(5)), что не предусмотрено ни в Совместной декларации, ни в Основном законе и прямо противоречит порядку отбора кандидатов на выборы главы администрации, определённого Решением ПК ВСНП от 2014 года (см. выше). Закон 2019 призвал правительство КНР придерживаться взятых на себя обязательств, разрешив жителям Гонконга автономно управлять своей территорией без неоправданного вмешательства центрального правительства (ст. 3(4)). В Законе говорилось о необходимости привлекать внимание международной общественности к любым нарушениям правительством КНР прав населения САР, признанных

Пактом и Всемирной декларацией прав человека 1948 года, и посягательствам на автономию, гарантированную Совместной декларацией и Основным законом (ст. 3(8)), о готовности координировать продвижение демократии и прав человека в Гонконге с союзниками — Австралией, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и Японией (ст. 3(11)). Тем самым фактически США законодательно закрепили своё намерение поддерживать превращение Гонконга в территорию под номинальным суверенитетом КНР, самоуправление которой обеспечено международными гарантиями. Такое видение перспектив Гонконга совпадало со взглядами большинства представителей местной оппозиции, за исключением сепаратистов, требовавших создания независимой республики. Для центрального правительства КНР, строго придерживающегося политики унитарного государства и централизации, подчёркивающего, что автономия Гонконга производна от воли Пекина, который должен осуществлять реальный, а не номинальный контроль над территорией, подобный подход был неприемлем. Вызывающим и провокационным представляется стремление США интернационализировать вопрос Гонконга, который Китай рассматривает исключительно как внутреннее дело, отвергая претензии Великобритании в качестве стороны Совместной декларации на свои права и ответственность в отношении Гонконга после 1997 г.

Закон 2019 внёс ряд поправок в Закон 1992, установив принципы выдачи американских виз «преследуемым по политиче-

и действий властей САР по разгону «мирных» протестов (к ноябрю 2019 г. протесты сменились массовыми беспорядками, погромами и поджогами собственности организаций и компаний из континентального Китая или местных компаний, симпатизирующих/вынужденных симпатизировать Китаю), с одной стороны, и к глорификации протестного движения, с другой стороны. См.: Congressional Record, Issue: Vol. 165. No. 186, Daily Edition, 15 October 2019. P. S6650–S6660. (Электронный ресурс). URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/11/20/CREC-2019-11-20-pt1-PgH9089.pdf> (дата обращения: 26.05.2021); Congressional Record, Issue: Vol. 165. No. 185, Daily Edition, 20 November 2019. P. H9089–H9096. (Электронный ресурс). URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/11/19/CREC-2019-11-19-pt1-PgS6650.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).

⁷⁸ Некоторые конгрессмены опасались, что Трамп заблокирует Закон — в этом случае вето было бы легко преодолено Конгрессом, учитывая колоссальную поддержку законопроекта на Капитолии. См.: Michael Bender and Chao Deng, Trump Sees Hong Kong as 'Complicating Factor' in Trade. *The Wall Street Journal*, 23 November 2019).

ским мотивам гонконгцам»⁷⁹ и введя требование ежегодной сертификации (подтверждения) Конгрессу государственным секретарём факта сохранения или потери Гонконгом своей автономии. Сама по себе сертификация потери Гонконгом автономии не требует от исполнительной власти принятия каких-либо мер⁸⁰, и государственный секретарь может отказаться от сертификации в интересах национальной безопасности (уведомив при этом комитеты по иностранным делам палат Конгресса). Президент лично принимает решение относительно мер против Гонконга. Учитывая консенсус в Конгрессе в пользу наказания властей Гонконга и КНР, законодатели способны вводить новые законы, сужающие свободу действий президента. Конгресс продемонстрировал готовность действовать в таком направлении, приняв одновременно с Законом 2019 Закон о защите Гонконга (PROTECT Hong Kong Act)⁸¹, в котором президенту предписано приостановить выдачу экспортных лицензий на специальные средства и материалы, предназначенные для полиции Гонконга, что стало единственной практической мерой возмездия со стороны Конгресса. Как ни

парадоксально, драматические события лета—осени 2019 г. не повлекли за собой немедленного введения карательных мер администрацией Трампа, которая выжидала, не желая провоцировать Китай на завершающем этапе торговых переговоров. Поэтому вполне справедлива оценка Р. Буша Закона 2019 как «богатого на риторiku, но лишённого мер, которые могли бы побудить КНР к сдержанности» [Bush 2020: 353].

Однозначная поддержка Вашингтоном антиправительственного/антипекинского движения (часто проходившего под британскими колониальными и американскими флагами и звуки американского гимна, при этом имели место случаи надругательства над государственными символами КНР) и нарастающее давление на Китай с требованием провести демократические перемены со стороны ведомой Вашингтоном коалиции западных государств не могли не вызвать опасений в Пекине. К тому же некогда умеренные пандемократы фактически сомкнули ряды с радикальными элементами, не только не осуждая эксцессы последних, но даже оправдывая их и перекладывая вину за поглотивший мегаполис

⁷⁹ Новая ст. 206 предписывает американским консульским службам выдавать визы гонконгцам, которые подвергались политически мотивированным арестам за участие в протестах после 2014 г. Формулировка данной статьи была существенно изменена после рассмотрения законопроекта в комитете Сената по иностранным делам 26 сентября 2019 г. по сравнению с первоначальным проектом закона (внесён М. Рубио 13 июня 2019 года), где говорилось, что в предоставлении визы не может быть отказано на основании ареста лица, которое участвовало в ненасильственных протестах (nonviolent protest activities), связанных с требованиями реформирования электоральной системы Гонконга, соблюдения международно признанных прав человека, защиты независимости судебной системы и верховенства закона. Коррекция первоначальной формулировки объясняется намерением предоставить защиту лицам, участвовавшим в акциях насилия под лозунгами борьбы за демократию. Это один из примеров толерантного отношения властей США к чинимому в Гонконге насилию, обращённому против людей, критически настроенных к протестам.

⁸⁰ 2020 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 1 December 2020. 575 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021); Hong Kong's Special Status. Issue Brief. U.S.-China Economic and Security Review Commission, 29 May 2020. 4 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-05/Hong_Kong_Special_Status.pdf (accessed: 07.07.2021).

⁸¹ Закон о запрете коммерческого экспорта специальных средств и оборудования полиции Гонконга (Act to prohibit the commercial export of covered munitions items to the Hong Kong Police Force (Public Law 116-77)). (Электронный ресурс). URL: <https://www.congress.gov/bills/116/congress/senate-bill/2710/text> (дата обращения: 28.05.2021). Закон должен был действовать в течение одного года, но впоследствии продлевался. В соответствии с Законом о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону на 2023 фин. год действие указанного закона было пролонгировано до 31 декабря 2024 года (National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023). (Электронный ресурс). URL: <https://www.congress.gov/bills/117th-congress/house-bill/7776/text> (дата обращения: 27.12.2022).

хаос на центральные и местные власти. Более того, они просили Вашингтон ввести санкции против Китая и Гонконга⁸². Самое невероятное заключалось в том, что огромная часть (если не большинство) населения САР оправдывала бесчинства восставших, что продемонстрировала уверенная победа на выборах в окружные советы 24 ноября 2019 г. локалистов и молодых активистов протестного движения. Они завоевали контроль над 17 из 18 окружных советов, повергнув как пропекинских кандидатов, так и умеренных пандемократов. Итоги выборов убедили Пекин в том, что в случае установления в Гонконге демократической системы (в том виде, в котором она виделась Соединённым Штатам) высока вероятность того, что на пост главы администрации может быть избран локалист или сепаратист и представители этих партий получат большинство (или значительную долю) депутатских мест в Законодательном собрании — а это прямой путь к «тайванизации» Гонконга. Опережая события, заметим, что подобные опасения подтвердились на проведённых 11–12 июля 2020 г. праймериз среди большинства оппозици-

онных партий и групп САР, определявших наиболее популярных кандидатов для участия в запланированных на сентябрь того года выборах в Законодательное собрание. Как оказалось, больше половины мест в парламенте САР могли занять локалисты, враждебно настроенные по отношению к Китаю/КПК и видевшие в США своего главного заступника⁸³.

Смириться с такой угрозой национальной безопасности Пекин не мог. Его ответом на события 2019 г. стало принятие ПК ВСНП 30 июня 2020 г. Закона о национальной безопасности для Гонконга (ЗНБ). Документ опирался на предшествующее решение ВСНП от 22 мая 2020 г., в котором были определены базовые параметры ЗНБ. Разработка детальных положений закона была делегирована Постоянному комитету.

Реакция Государственного департамента была отражена в отчёте, где сказано, что вследствие «навязывания» центральным правительством ЗНБ Гонконгу не может быть предоставлен привилегированный режим в двусторонних отношениях⁸⁴. Конгресс отреагировал на решение ПК ВСНП ещё быстрее: 21 мая 2020 г. сенатор-

⁸² В сентябре 2019 г. депутаты Законодательного собрания Гонконга от Гражданской партии Го Жункэн (Денис Квок Винганг, Dennis Kwok Wing-hang) и Ян Юцяо (Алвин Юн Нгоккью, Alvin Yeung Ngok-kiu) в открытом письме американским сенаторам обратились с призывом ввести санкции против официальных лиц КНР и Гонконга. См.: *Heng, Chery. Who are Hong Kong's four ousted Legco members, and what exactly did they do? South China Morning Post*, 11 November 2020. Аналогичные обращения стали нормой среди протестующих и их представителей. См., например: *Cherney M. Hong Kong Protesters Call For U.S. Backing. The Wall Street Journal*, 15 October 2019; *Wong E. Hong Kong Protesters Call for U.S. Help. China Sees a Conspiracy. The New York Times*, 5 November 2019.

⁸³ Решением главы администрации Гонконга от 31.07.2020 выборы ввиду пандемии коронавируса (формальное основание) были отложены, как минимум, на год. Выборы состоялись 19.12.2021.

⁸⁴ United States-Hong Kong Policy Act Report, 20 May 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/2020-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 28.05.2021). В докладах Государственного департамента о положении с правами человека в Гонконге за 2020 и 2021 годы ЗНБ возведён в ранг значимых проблем с правами человека, к числу которых отнесены: действия полиции (аресты, политически мотивированные преследования), ограничения свободы слова, прессы и интернета, вмешательство в свободу собраний и ассоциаций и неспособность граждан менять своё правительство посредством справедливых и честных выборов. В духе антикоммунистических заявлений Помпео (см. ниже) в докладе Государственного департамента сделан вывод: «Коммунистическая партия Китая систематически демонтировала политические свободы и автономию Гонконга в нарушение её международных обязательств» (Country Reports on Human Rights Practices for 2020: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 30 March 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/china/hong-kong/> (accessed: 30.07.2021); Country Reports on Human Rights Practices for 2021: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) — Hong Kong. 12 April 2022. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/china/hong-kong/> (accessed: 24.05.2022)).

республиканец Патрик Туми внёс проект Закона об автономии Гонконга, который с небольшими изменениями был единогласно принят обеими палатами и подписан президентом Трампом 14 июля (далее – Закон об автономии)⁸⁵. В этом документе был прописан механизм введения санкций в отношении лиц, которые, по мнению Государственного департамента (обязанного консультироваться с Министерством финансов), способствовали нарушению правительством КНР обязательств по Совместной декларации и Основному закону, и иностранных (неамериканских) финансовых организаций, умышленно осуществляющих крупные сделки с лицами, в отношении которых введены санкции на основе Закона об автономии.

Интерес представляет длинный перечень обоснований данного документа, раскрывающих, в чём американский политический истеблишмент усматривал нарушения положений о широкой автономии Гонконга. Пекину ставилось в вину нарушение духа и буквы положений Совместной декларации, выраженное в усилении контроля и вмешательства со стороны центрального правительства в дела Гонконга (толкование Основного закона Постоян-

ным комитетом ВСНП, запрет въезда в Гонконг продемократическим активистам, заявления о неподчинённости отдельных органов центрального правительства положениям Основного закона, о монопольном праве ПК ВСНП решать вопрос о соответствии законов САР Основному закону, о всесторонней юрисдикции центрального правительства над Гонконгом, похищение неугодных центральной власти лиц из Гонконга, нежелание ввести всеобщие выборы главы администрации и всего состава Законодательного собрания – ст. 3(9) и 3(12) Закона об автономии). К нарушениям также были причислены: закон КНР, обязывающий Гонконг принять местный закон о государственном гимне КНР, согласно которому введена ответственность за неуважение к гимну⁸⁶ (ст. 3(9) (D) Закона об автономии), введение патристического образования (ст. 3(11)(A)), запрет на обсуждение темы независимости Гонконга в школах, что нарушает свободу слова (ст. 3(11)(B))⁸⁷, введение ежедневной квоты для эмигрантов из КНР в САР с целью «китаизировать/синифицировать» Гонконг⁸⁸ (ст. 3(11)(D)).

Закон об автономии, по сути, критиковал КНР за осуществление суверенитета

⁸⁵ Hong Kong Autonomy Act (Public Law 116-149). (Электронный ресурс). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ149/html/PLAW-116publ149.htm> (дата обращения: 28.05.2021).

⁸⁶ Гонконгские сепаратисты часто открыто и вызывающе демонстрировали своё неуважение к государственному гимну и флагу КНР во время международных матчей сборной Гонконга по футболу. В докладах Государственного департамента о положении с правами человека за 2017 и 2018 годы криминализация в КНР (и введение обязательства для Гонконга криминализировать) оскорбительных действий в отношении государственного гимна КНР рассматривается как ограничение на публичную критику правительства (Country Reports on Human Rights Practices for 2017: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) – Hong Kong. 20 April 2018. URL: <https://www.state.gov/reports/2017-country-reports-on-human-rights-practices/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-hong-kong/> (accessed: 30.07.2021); Country Reports on Human Rights Practices for 2018: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) – Hong Kong. 13 March 2019. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-hong-kong/> (accessed: 30.07.2021)).

⁸⁷ В докладе Государственного департамента о положении с правами человека в Гонконге за 2018 г. призывы к ограничениям на обсуждение проблемы независимости Гонконга приведены как пример ограничения свободы мнений (Country Reports on Human Rights Practices for 2018: China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) – Hong Kong. 13 March 2019. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-china-includes-tibet-hong-kong-and-macau-hong-kong/> (accessed: 30.07.2021)).

⁸⁸ Жителям КНР необходимо специальное разрешение для посещения Гонконга, тогда как для граждан США и многих других стран действует безвизовый режим.

над Гонконгом, отвергая любые действия центрального правительства, нацеленные на воспитание и развитие патриотических чувств и ханьской (китайской) идентичности среди жителей САР, особенно молодого поколения. Он подчёркивал желание США видеть Гонконг полностью самоуправляемой территорией вне контроля центрального правительства, ведомой универсалистскими либеральными принципами и идеалами, а его жителей — сомневающимися в принадлежности к китайскому («тоталитарному коммунистическому») государству и к ханьскому (китайскому) этносу.

Одновременно с подписанием 14 июля 2020 г. Закона об автономии Д. Трамп издал президентский указ № 13936⁸⁹, в котором было указано, что меры, предпринятые правительством КНР в отношении Гон-

конга (подразумевалось введение ЗНБ), представляют «необычную и чрезвычайную угрозу... национальной безопасности, внешней политике и экономике Соединённых Штатов». Документ объявлял национальное чрезвычайное положение в отношении данной угрозы⁹⁰. На основании чрезвычайного положения указом приостановлено применение ст. 201(а) Закона 1992 в отношении ряда американских законов, предоставлявших Гонконгу особый статус. В частности, были отменены преимущества владельцев гонконгских паспортов (в сравнении с держателями паспортов КНР) в получении американских виз, безлицензионный режим экспорта в Гонконг чувствительных технологий⁹¹, приостановлено действие договоров между Гонконгом и США об экстрадиции и передаче осуждённых

⁸⁹ Executive Order 13936, 14 July 2020. (Электронный ресурс). URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/17/2020-15646/the-presidents-executive-order-on-hong-kong-normalization> (дата обращения: 26.05.2021).

⁹⁰ В соответствии с Законом США о чрезвычайных положениях, введённое президентским указом чрезвычайное положение автоматически прекращается в годовщину его введения, если в течение 90 дней до этой даты президент не предоставит Конгрессу и не опубликует в Федеральном регистре уведомление о продлении чрезвычайного положения. 7 июля 2021 г. президент Байден уведомил Конгресс о продлении чрезвычайного положения в отношении Гонконга. См.: Letter to the Speaker of the House of Representatives and the President of the Senate on the Continuation of the National Emergency with Respect to Hong Kong. 7 July 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/07/letter-to-the-speaker-of-the-house-of-representatives-and-the-president-of-the-senate-on-the-continuation-of-the-national-emergency-with-respect-to-hong-kong/>. Continuation of the National Emergency With Respect to Hong Kong. 7 July 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/07/09/2021-14806/continuation-of-the-national-emergency-with-respect-to-hong-kong> (дата обращения: 10.07.2021). 11.07.2022 Байден вновь продлил чрезвычайное положение в отношении Гонконга, см.: Notice on the Continuation of the National Emergency with Respect to Hong Kong. 11 July 2022. (Электронный ресурс). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/07/11/notice-on-the-continuation-of-the-national-emergency-with-respect-to-hong-kong-2/> (дата обращения: 13.07.2022). Учитывая неизменность китайской политики в отношении Гонконга, направленной на укрепление своего суверенитета над САР, можно утверждать, что США будут рутинно продлевать чрезвычайное положение многие десятилетия.

⁹¹ В отчётах за 2018 и 2019 годы Государственного департамента и Совместной комиссии отмечена озабоченность касательно переадресовки [в Китай] экспортируемых из США в Гонконг чувствительных технологий, несмотря на осуществляемый представителем Министерства торговли США контроль в Гонконге. Такие опасения оказались небезосновательными. Как следует из ежегодных отчётов Департамента таможенных пошлин и акцизов Гонконга, за 2009–2021 годы этот Департамент завершил 2940 следственных дел и привлёк к ответственности 617 лиц за нарушение режима экспортного контроля, причём наиболее частые нарушения касались незаконной передачи третьим лицам интегральных микросхем и технологий для криптографии. URL: https://www.customs.gov.hk/en/publication_press/publication/departamental_reviews/index.html. (дата обращения: 23.12.2022). 30.06.2020, до принятия Закона об автономии и президентского указа № 13936, Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США приостановило режим лицензионного исключения в отношении экспорта чувствительных технологий в Гонконг. См.: Suspension of License Exceptions for Exports and Reexports to Hong Kong. (Электронный ресурс). URL: [federalregister.gov/d/2020-16278](https://www.federalregister.gov/d/2020-16278). (дата обращения: 25.06.2022).

лиц, определён порядок введения санкций против лиц (их список совместно формируют Государственный департамент и Министерство финансов США), причастных к разработке, принятию и применению ЗНБ, подрыву демократических процессов и институтов Гонконга, подрыву его автономии, подавлению свободы слова и серьёзным нарушениям международно признанных прав человека и др. Одной из неприятных для Гонконга экономических мер стало решение Службы пограничного и таможенного контроля США маркировать гонконгские товары как произведённые в Китае⁹² (что может нарушать правила ВТО о происхождении товаров⁹³). При этом тарифы к гонконгским товарам применялись прежние, а не высокие тарифы, введённые

администрацией Трампа в отношении товаров из КНР. На основании президентского указа от 7 августа 2020 г. были введены санкции против 11 китайских и гонконгских официальных лиц⁹⁴, включая тогдашних главу администрации САР Линь-Чжэн Юэ (Кэрри Лам-Чен Ютнго, Carrie Lam Cheng Yuet-ngor) и министра безопасности Ли Цзячао (Джон Ли Качу, John Lee Kachiu), занимающего с 1 июля 2022 г. пост главы администрации САР. В октябре 2020 г. Государственный департамент опубликовал список лиц, виновных, по его мнению, в нарушении обязательств Китая по Совместной декларации и Основному закону⁹⁵. Тем не менее все вышеперечисленные меры не нанесли существенного вреда Гонконгу и его экономике⁹⁶.

⁹² Country of Origin Marking of Products of Hong Kong. *U.S. Customs and Border Protection, Department of Homeland Security*, 11 August 2020. (Электронный ресурс). URL: [federalregister.gov/d/2020-17599](https://www.federalregister.gov/d/2020-17599); Zoey Zhang. Hong Kong's US-Bound Exports to be Labeled 'Made in China': What Does it Mean? *China Briefing*, 25 August 2020. (Электронный ресурс). URL: <https://www.china-briefing.com/news/hong-kongs-us-bound-exports-to-be-labeled-made-in-china-what-does-it-mean/> (дата обращения: 25.06.2022).

⁹³ Гонконг, как особая таможенная территория, является самостоятельным членом ВТО. В декабре 2022 г. правительство Гонконга смогло оспорить решение Службы пограничного и таможенного контроля США о маркировке товаров в органе по разрешению споров ВТО, хотя США категорически отказываются отменить данное решение. См.: Natalie Wong, Cannix Yu and Lilian Cheng. US urged to abide by WTO ruling on label for city goods. *South China Morning Post*, 23 December 2022.

⁹⁴ Treasury Sanctions Individuals for Undermining Hong Kong's Autonomy. *Press Release of the Department of the Treasury*, 7 August 2020. (Электронный ресурс). URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088> (дата обращения: 05.06.2021). 17 марта 2021 г. США ввели санкции против 24 высокопоставленных государственных деятелей Гонконга и КНР, том числе 14 заместителей председателя ПК ВСНП. См.: Assault on Democracy in Hong Kong. *Press Statement of Antony Blinken*, 17 March 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://hk.usconsulate.gov/n-2021031701/> (дата обращения: 01.06.2021). 16 июля 2021 г. были введены санкции в отношении семи заместителей главы Канцелярии по связям (представительства) центрального правительства КНР в Гонконге. 20 декабря 2021 г. были введены санкции в отношении ещё пяти заместителей главы Канцелярии.

⁹⁵ Identification of Foreign Persons Involved in the Erosion of the Obligations of China Under the Joint Declaration or the Basic Law. *Report of the U.S. State Department Bureau of East Asian and Pacific Affairs*, 14 October 2020. (Электронный ресурс). URL: <https://www.state.gov/identification-of-foreign-persons-involved-in-the-erosion-of-the-obligations-of-china-under-the-joint-declaration-or-the-basic-law/> (дата обращения: 05.06.2021).

⁹⁶ Несмотря на действовавший до 14 июля 2020 г. специальный режим для Гонконга, США в ряде случаев не проводили различий между гонконгскими и китайскими инвесторами/бизнесменами, подозревая первых в тесных связях с правительством КНР или Народно-освободительной армией Китая и действующих по их поручению. На этом основании США оказывали и оказывают давление на иностранные государства, побуждая их к отказу от возможных капиталовложений крупного гонконгского бизнеса. Например, в 1996–1997 годах разгорелся скандал вокруг решения правительства Панамы предоставить в 25-летнюю концессию двух портов Панамского канала холдингу «Hutchison International Port Holdings», принадлежащего Ли Кашину, одному из крупнейших и богатейших бизнесменов Гонконга, имевшему близкие отношения с тогдашним председателем КНР Цзян Цзэмином. Многие американские конгрессмены без успеха пытались оспорить легальность тендера на управление портами, поднимая вопрос об угрозе блокирования Китаем Панамского канала

Закон об автономии обязывает Министерство финансов США составить список финансовых организаций, осуществляющих крупные сделки с подсанкционными лицами. В своём отчёте Конгрессу от 11 декабря 2020 г. Министерство финансов сообщило, что не установило финансовые институты, осуществляющие крупные сделки с такими лицами⁹⁷. Невзирая на сильное давление ряда конгрессменов, прежде всего Т. Йохо, администрации Трампа и Байдена не спешили составлять такой список, поскольку в него могли бы попасть крупнейшие государственные банки Китая, что привело бы к новому витку обострения американо-китайских отношений. По мнению бывшего генерального консула США в Гонконге К. Тонга, введение санкций против китайских государственных банков на основе Закона об автономии способно «спровоцировать большую нестабильность в международной системе платежей, нарушая огромный объём финансовых сделок между двумя крупнейшими экономиками мира, что нанесло бы вред финансовым рынкам США» [Tong 2021].

Важно подчеркнуть, что президентский указ не отменял все предоставленные Законом 1992 Гонконгу привилегии и не

приостанавливал действие всех двусторонних американо-гонконгских соглашений. В силе остаются, например, соглашения о правовой помощи, гражданской авиации, регулировании финансовых услуг. Таким образом, ответные меры США на ограничения Китая автономии Гонконга носили скорее демонстративно-символический характер. На этом основании координатор по делам Индо-Тихоокеанского региона в Совете национальной безопасности США Курт Кэмпбелл утверждал, что Китай «ушёл от ответственности за принятие репрессивных мер в отношении Гонконга»⁹⁸. Бывший сотрудник Государственного департамента и президент американского неправительственного Комитета в поддержку свободы в Гонконге Эллен Борк⁹⁹ и аналитик консалтинговой группы «Евразия» Эллисон Шердок справедливо признавали, что США не нашли эффективных рычагов, чтобы заставить Китай изменить его гонконгскую политику, а санкции накладываются только на отдельных лиц¹⁰⁰. Даже если Соединённые Штаты последуют рекомендации авторов доклада «Будущее Гонконга балансирует на грани» для Атлантического совета сделать одним из условий нормализации американо-китайских отношений восстановление демократии в Гонконге¹⁰¹,

и отмечая связи гонконгской компании с правительством КНР и государственной судоходной компанией Китая, игнорируя доводы администрации Клинтон об отсутствии угроз от гонконгского холдинга функционированию канала. В итоге Hutchison получил концессию.

В мае 2020 г. правительство США при активном участии тогдашнего госсекретаря М. Помпео настояло на том, чтобы Израиль отказался от выдачи тендера на строительство и управление опреснительным заводом конгломерату Hutchison.

⁹⁷ Report Pursuant to Section 5(b) of the Hong Kong Autonomy Act. The Department of the Treasury, 11 December 2020. (Электронный ресурс). URL: https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20201211_33 (дата обращения: 15.06.2021).

⁹⁸ См.: Alex Fang. Taiwan conflict would 'trash' world economy: Kurt Campbell. *Nikkei Asia*, 5 May 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-China-tensions/Taiwan-conflict-would-trash-world-economy-Kurt-Campbell> (дата обращения: 05.06.2021).

⁹⁹ Э. Борк была также помощницей Ли Чжумина.

¹⁰⁰ Charissa Yong. Limits to US options over Hong Kong. *The Straits Times*, 5 July 2021. См. также: [Tong 2021].

¹⁰¹ Jain A., Kesselbrenner J., Mattis P. Hong Kong's future on edge: Countering China's national security law. Washington: Atlantic Council, 29 June 2021. 15 p. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/hong-kongs-future-on-edge-countering-chinas-national-security-law/> (accessed: 05.07.2021). От ред.: 29 июля 2019 г. Атлантический совет (Atlantic council) внесён в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

это не поколеблет стремление центрального правительства КНР консолидировать контроль над САР.

Несмотря на громкую обвинительную риторику, Вашингтон сохраняет осторожность в использовании мер против Гонконга, предпочитая частичное сокращение преференций. Возможность введения широкомасштабных экономических и финансовых санкций против Гонконга будет тесно коррелировать с общим состоянием американо-китайских отношений и политикой Китая по отношению к Гонконгу. Сомнительно, что США пойдут на введение жёстких санкций против финансовой системы Гонконга, поскольку это чревато негативными последствиями для американского бизнеса, инвестирующего и работающего в Гонконге и Китае, и для всей международной финансовой системы. Главным оружием США останутся санкции против чиновников Гонконга и КНР, ограничения на инвестиции гонконгского бизнеса в американские стратегические проекты и закулисное давление на союзников с целью предотвратить гонконгские инвестиции в чувствительные проекты.

Другим средством наказания Гонконга служит предпринимаемая со ссылкой на ЗНБ и иные аналогичные действия Пекина кампания по дискредитации инвестиционного климата последнего, направленная на сокращение присутствия американского бизнеса в мегаполисе, снижение привлекательности Гонконга как важного для Китая международного финансово-торгового центра. В рамках этой кампании Государственный департамент, министерства финансов, торговли и внутренней безопас-

ности издали 16 июля 2021 г. совместный информационный бюллетень для американского делового сообщества с перечнем рисков для ведения бизнеса в САР, вызванных действиями правительств КНР и Гонконга¹⁰². В ежегодном докладе Бюро по вопросам экономики и бизнеса Государственного департамента США об инвестиционном климате Гонконга за 2021 год¹⁰³ инвестиционный климат был оценён позитивно, но и здесь воспроизведены негативные послания бюллетеня. Хотя обе публикации не вызвали паники среди американских бизнесменов, они могут положить начало последующим предостережениям и скрытому давлению на бизнес, нацеливая его сворачивать деятельность в Гонконге и мигрировать в дружественные к США юрисдикции – Сингапур, Южную Корею, Тайвань и Японию. КНР старается парировать подобные выпады заверениями высшего руководства о сохранении за Гонконгом роли ведущего финансового и торгового центра Китая и эффективно функционирующей независимой судебной системы¹⁰⁴.

Поворотным пунктом американской политики в отношении Гонконга стал ЗНБ. Вслед за этим законом последовало принятие в 2021 г. центральных и местных электоральных законов, заложивших новую конституционную основу Гонконга (демократия с китайско-гонконгскими особенностями), призванных оградить политическую систему мегаполиса от внешнего влияния. Как указано в Белой книге 2021, центральное правительство выносит окончательное решение касательно системы демократии в Гонконге (что является делом национального суверенитета и безо-

¹⁰² Hong Kong Business Advisory: Risks and Considerations for Businesses Operating in Hong Kong. U.S. Department of State Release, 16 July 2021. (Электронный ресурс). URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/20210716_hong_kong_advisory.pdf (дата обращения: 22.07.2021).

¹⁰³ 2021 Investment Climate Statements: Hong Kong, 22 July 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/hong-kong/> (дата обращения: 23.07.2021).

¹⁰⁴ Характерно в этой связи выступление 1 июля 2022 г. председателя КНР на торжественной церемонии, посвящённой 25-летию возвращения Гонконга Китаю, главным посылом которого была не национальная безопасность, как в выступлении пятилетней давности, а решение насущных социально-экономических проблем территории и важность сохранить имеющиеся преимущества САР как финансового и торгового узла Китая и юрисдикции, практикующей систему общего права.

пасности) (глава VI, часть 3), и центральная власть должна «принять решительные меры, чтобы предотвратить и остановить внешнее влияние на дела Гонконга... любая деятельность, бросающая вызов центральному правительству и авторитету Основного закона, и любое вмешательство или саботаж, направленные через Гонконг против Китая, нарушают принцип единого государства и будут пресечены» (глава VI, часть 1). Вашингтону стало очевидно, что руководство КНР преисполнено твёрдой решимости взять Гонконг под максимальный контроль и готово во имя этой цели пожертвовать рядом экономических преимуществ, вытекающих из особого положения САР в американском законодательстве и внешней политике. Потому отчёт Государственного департамента за 2020 г. закончился пессимистическим выводом о низкой вероятности вновь признать Гонконг заслуживающим специальных преференций¹⁰⁵. Лишены оптимизма и последующие отчёты. Отчёт Комиссии по обзору за 2020 г. рисует ЗНБ в полуапока-

липтических тонах: закон «за несколько часов подчинил 7,5 миллиона жителей [САР] прямому и полному авторитарному контролю» и «кардинально трансформировал отношения Гонконга с [США]... В признание изменившегося статуса Гонконга [США] начали демонтировать особое положение Гонконга в американском законодательстве»¹⁰⁶. ЗНБ знаменует точку перехода от полностью провалившейся в отношении Гонконга либеральной парадигмы к политике, построенной преимущественно на постулатах реализма¹⁰⁷. В американской внешней политике Гонконг становится практически неотличим от КНР.

Именно с принятием ЗНБ США окончательно убедились, что Китай предпринимает меры по нивелированию и искоренению американского влияния на политические процессы и, в определённой степени, на экономику в САР, кардинально реформируя институты власти, закрывая их для антипекинских сил¹⁰⁸, сворачивая деятельность традиционно дружественной и даже относящейся к США с пиететом

¹⁰⁵ United States-Hong Kong Policy Act Report, 20 May 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/2020-hong-kong-policy-act-report/index.html> (accessed: 28.05.2021).

¹⁰⁶ 2020 Annual Report To Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Washington: U.S. Government Printing Office, 1 December 2020. 575 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 07.07.2021).

¹⁰⁷ Анализируя итоги «революции зонтиков», Сюй писал, что противоборство между Америкой и Китаем относительно Гонконга смещается с использования великой либеральной стратегии (служившей маскировкой для великой имперской стратегии) к логике баланса сил [Xu 2016: 1776, 179–180].

¹⁰⁸ В марте 2021 г. ВСНП утвердило программу электоральной реформы в Гонконге и поручило своему Постоянному комитету выработать решение, устанавливающее параметры реформы, на основе которой правительство САР должно принять местное законодательство. 30 марта 2021 г. такое решение ПК ВСНП было принято; суть его сводится к реформированию системы выборов главы администрации САР и Законодательного собрания с тем, чтобы обеспечить избрание в указанные органы власти «патриотов», т.е. лояльных Пекину и отобранных специальным комитетом, и предотвратить приход на важные государственные посты представителей нелояльной центральной власти оппозиции. Данная реформа пропагандируется властями КНР и САР как «улучшение» избирательной системы. Электоральная реформа оформляет процесс де-демократизации политической системы САР (точнее отход от западных моделей демократии). Очевидно, Пекин не видит перспектив в демократизации [вестернизации политической системы] Гонконга — для центрального правительства существовавший после 1997 г. режим полудемократии тесно ассоциируется с неэффективностью в решении самых насущных социально-политических проблем территории и, что самое недопустимое, с отсутствием патриотизма и одновременно беспрепятственной деятельностью антикитайских (прозападных/проамериканских) сил, зарождением и развитием сепаратизма. На основе новых электоральных законов в Гонконге прошли выборы в Законодательное собрание 19 декабря 2021 г. и главы администрации 8 мая 2022 г. В выступлении Си Цзиньпина 1 июля 2022 г. подчёркивается, что управление Гонконгом патриотами соответствует общепринятому в мировой практике и позволяет обеспечивать и ни при каких условиях нельзя отклоняться от данной практики (см.: *Cheng L, Wong N. Op. cit.*).

оппозиции. Тем самым Вашингтон лишил-ся незаменимых союзников в борьбе за демократизацию Гонконга, подспудно (пусть даже непреднамеренно) отстаивавших американские ценности и интересы, пытавшихся создать на территории Гонконга антипод КНР, где к власти могли прийти лица, настроенные на конфронтацию с Пекином, или откровенные сепаратисты. Выступление М. Помпео 23 июля 2020 года¹⁰⁹, полное нападок на КПК и призывов бороться против её монополии на власть (фактически агитация за смену режима в Китае), отвечало настроениям гонконгской оппозиции (особенно локалистов и сепаратистов), видевшей в КПК своего главного врага¹¹⁰.

Трудно спорить с тем фактом, что рамки автономии, прежде всего в политической сфере, существенно сузились, при этом также происходит рост влияния Китая на экономику территории. Тем не менее автономия у Гонконга сохраняется, пусть и в усечённой форме. В отчётах Государственного департамента за 2021 и 2022 годы констатируется, что, несмотря на наступление на политическую автономию Гонконга, между последним и континен-

тальным Китаем сохраняются существенные экономические, правовые и коммерческие различия¹¹¹. Закручивание Китаем гаек в Гонконге сильно ударило по некогда относительно свободной политической деятельности в САР и по многочисленным политическим организациям и деятелям, сформировавшим крепкие связи с политическими кругами в США, через которые Вашингтон мог оказывать влияние на развитие внутривластных процессов в Гонконге и отношения между центром и автономией. С принятием ЗНБ из-за опасений быть обвинёнными в сговоре с иностранными силами (одно из преступлений, предусмотренных ЗНБ) многие гонконгские оппозиционеры прекратили свою политическую активность и общение с американскими дипломатами. Былая возможность США влиять на политические процессы в Гонконге резко сократилась. Более того, растущая интеграция (точнее, абсорбирование) экономики Гонконга с граничащей с ним провинцией Гуандун, ускорямая в рамках проекта «Большого залива», уменьшает американское влияние на экономику территории и её бизнес-элиты¹¹². Тем самым, Гонконг не

¹⁰⁹ *Michael Pompeo. Communist China and the Free World's Future*, 23 July 2020. (Электронный ресурс). URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁰ Умеренные пандемократы традиционно выступают против монополии КПК на власть в КНР и полагают, что демократия в Гонконге не может быть устойчивой без установления (в т.ч. при поддержке гонконгских демократов и следованием по образцу демократизированного Гонконга) демократической системы в континентальном Китае. Локалисты и сепаратисты рассматривают Китай как иностранное государство, граждане которого сами обязаны бороться за свои демократические права, а КПК воспринимают как внешнюю угрозу, препятствующую построению демократического общества в Гонконге.

¹¹¹ *United States-Hong Kong Policy Act Report*, 31 March 2021. URL: <https://www.state.gov/2021-hong-kong-policy-act-report/> (accessed: 28.05.2021); *United States-Hong Kong Policy Act Report*, 31 March 2022. URL: <https://www.state.gov/2022-hong-kong-policy-act-report/> (accessed: 24.05.2022).

¹¹² В последнее время идёт подготовка к «социалистической» трансформации экономической системы Гонконга. Некогда могущественные гонконгские бизнесмены (преимущественно владельцы семейных девелоперских холдингов), на которые власти КНР полагались как на стратегических инвесторов в экономику страны с конца 1970-х годов, а после 1997 года — как на опору в управлении и сохранении стабильности в САР, оказались ненадёжными союзниками в 2014 и 2019 годах, не смогли преодолеть свои деловые интересы в гонке за прибылью за счёт сверхвысоких цен на гонконгскую недвижимость, оставив молодёжь без надежды на приобретение собственного жилья и продвижение по социальной лестнице (главные, по мнению китайских лидеров, причины недовольства в Гонконге). Пекин поощряет экспансию в Гонконг лояльных частных и государственных компаний из континентального Китая, которые постепенно занимают и укрепляют своё положение в экономике мегаполиса. Такие компании Пекину легче контролировать и требовать от них социально ответственной деятельности.

смог реализовать возложенные на него надежды стать образцом демократизации и рычагом политико-экономического давления на Китай. У Вашингтона осталось мало возможностей превратить Гонконг в очаг нестабильности, которая могла бы перекинуться на соседний Гуандун — одну из самых экономически развитых провинций Китая с мощным высокотехнологичным и инновационным сектором, и другие провинции КНР¹¹³.

Несмотря на эти тенденции, Вашингтон стремится, *во-первых*, сохранить за собой влияние и позиции в САР и, *во-вторых*, убедить гонконгских оппозиционеров, что Америка не бросает их на произвол судьбы. В связи с этим симптоматична готовность Конгресса существенно, в сравнении с предыдущими годами, увеличить расходы на продвижение демократии и поддержку свободы интернета в Гонконге. В 2021 фин. году было ассигновано 3 млн долларов на развитие демократии, включая юридическую и иную поддержку демократическим активистам¹¹⁴, а также программы по защите свободы интернета в Гонконге. В законе о бюджете на 2023 фин. год (Consolidated

Appropriations Act, 2023)¹¹⁵ на те же цели предлагается выделить 5 млн долларов.

Увеличение американских ассигнований на развитие демократии и свободы интернета в Гонконге может свидетельствовать о стремлении США поддержать страдающие от финансовых трудностей оппозиционные гонконгские политические партии и созданные бежавшими из Гонконга пандемократами/локалистами/сепаратистами группы¹¹⁶, ведущие антикитайскую и антикоммунистическую пропагандистскую и лоббистскую деятельность за рубежом. В частности, они выступали с призывами к бойкоту зимних Олимпийских игр в Пекине 2022 года, за введение санкций против Гонконга и КНР, прекращение покупки ценных бумаг китайских компаний, осуждение политики КНР во Внутренней Монголии, Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе и др. В случае введения местным или центральным правительством ограничений интернета в автономии эти активисты призывают сохранить для максимального числа жителей Гонконга (особенно молодёжи) возможность получать доступ к идущей

¹¹³ В континентальном Китае любые массовые протесты в Гонконге замалчиваются или объясняются как инспирированные иностранными силами и привлекающие только незначительную часть непатриотичных жителей. Власти КНР опасаются, что вспыхивающие в Гонконге массовые протесты могут перекинуться на территорию Китая. См., например: *Keith Bradsher*. Hong Kong Retreats on 'National Education' Plan. *The New York Times*, 8 September 2012).

¹¹⁴ Consolidated Appropriations Act, 2021, Public Law. No: 116-260: Sec. 7043(f)(3).

¹¹⁵ Consolidated Appropriations Act, 2023: Sec. 7043(f)(3). (Электронный ресурс). URL: <https://rules.house.gov/sites/democrats.rules.house.gov/files/BILLS-117hr2617eas2.pdf> (accessed: 27.12.2022).

¹¹⁶ После арестов на основании ЗНБ многих деятелей оппозиции, включая Ли Чжиина и Хуан Чжифэна, оппозиционные партии покинули многие ведущие члены, часть их эмигрировали. Многие видные деятели оппозиции, в т.ч. Ли Чжиин, Ли Чжумин и Хэ Цзюньжэнь (Альберт Хо Чуньян, Albert Ho Chun-yan), были осуждены по другим уголовным законам, прежде всего за организацию и участие в несанкционированных акциях протеста 2019 г. в нарушение Закона об общественном порядке. Колоссальные расходы на адвокатов в судебных процессах поставили продемократические партии в тяжёлое финансовое положение, некоторые из них (например, одна из влиятельнейших, Гражданская партия) задумались о самороспуске. В докладе «Будущее Гонконга балансирует на грани» для Атлантического совета отмечается, что гонконгским активистам требуется финансовая и организационная поддержка для создания кластеров за пределами САР с целью проведения дискуссий по проблеме демократизации Гонконга. Авторы доклада настаивают на том, что США должны поддержать группы гражданского общества в Гонконге и организовывать безопасные места за его пределами с тем, чтобы эти группы могли осуществлять свою деятельность (*Jain A., Kesselbrenner J., Mattis P.* Hong Kong's future on edge: Countering China's national security law. Washington: Atlantic Council, 29 June 2021. 15 p. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/hong-kongs-future-on-edge-countering-chinas-national-security-law/> (accessed: 05.07.2021)).

с Запада информации и пропаганде с целью сократить влияние Китая в САР, сохранив его как (пусть и слабый) инструмент геополитического противодействия Пекину. Джилл Кастнер и Уильям Уолфорт о пропаганде в геополитической борьбе пишут: «...даже когда подрывная деятельность достигает меньше того, чего бы достигла традиционная государственная политика, она может оставаться привлекательной. В конце концов, в конкурентной среде каждая из великих держав заинтересована в том, чтобы ослабить другую. Поскольку великие державы преобладают в международной политике, даже маленькое влияние на большую цель может стоить затраченных усилий» [Kastner, Wohlforth 2021: 123].

* * *

В настоящей работе мы рассмотрели политику США в отношении постколониального Гонконга через призму двух противоборствующих внешнеполитических подходов — проповедующего распространение демократии и ведомого Соединёнными Штатами миропорядка либерализма и реализма, нацеленного на противодействие и военное и экономическое сдерживание геополитического соперника Китая (в том числе через Гонконг как его составной единицы).

За двадцать пять лет существования специального административного района американская политика в отношении этой территории претерпела существенные изменения на фоне метаморфоз в самом Гонконге, перемен в подходах центрального правительства Китая к автономии и состоянию американо-китайских отношений. Американская политика прошла путь от законодательного предоставления Гонконгу особого (отличного от КНР) статуса до постепенного демонтажа этого статуса. Ещё до возвращения Гонконга Китаю США по инициативе Конгресса в одностороннем порядке фактически провозгласили себя квазигарантом Совместной декларации и Основного закона, обозначив конечные цели: установить в САР отвечающую либе-

ральным стандартам модель демократии; вовлечь Гонконг в международные соглашения и институты, вплетённые в американский либеральный миропорядок; укоренить среди населения мегаполиса универсалистские либеральные ценности в ущерб китайской/ханьской идентичности и патриотизму; сохранить идеологическую/мировоззренческую обособленность Гонконга и его жителей от континентального Китая.

Исполнительная и законодательная власти США имели значимые различия в подходах к вопросу Гонконга, по-разному воспринимали ситуацию в САР и неодинаково реагировали на её развитие. Государственный департамент и президентская администрация, как правило, были осторожны в комментариях и не торопились с критикой и осуждением тех или иных знаковых событий, тем более принятием каких-либо репрессалий в отношении Китая или Гонконга. До принятия ЗНБ в 2020 г. у американского правительства теплилась надежда на то, что Гонконг сохранит в максимальной степени автономию и будет постепенно двигаться по пути либерализации и демократизации. Члены Конгресса и созданные им органы намного критичнее относились к событиям в САР, делали подчас резкие провокационные заявления и уже во время «революции зонтиков» 2014 г. предлагали законопроекты в поддержку демократии в Гонконге.

Массовые протесты и порождённые ими беспорядки в Гонконге во второй половине 2019 г. привели к быстрой конвергенции позиций законодательной и исполнительной властей в США. Тогдашний американский лидер Трамп с самого начала своего президентства придерживался жёсткой антикитайской риторики, ратуя за всестороннее сдерживание Китая, то есть за поворот в китайской политике США к реализму. Это перевернуло зиждившуюся на постулатах либеральной гегемонии политику Вашингтона к китайскому Гонконгу. Конгресс в лице своих лидеров и наиболее воинственно настроенных антикитайских ястребов в кооперации с высокопоставлен-

ными членами администрации Трампа, включая вице-президента М. Пенса, поддержали антиправительственное/антикоммунистическое восстание в Гонконге. Правительства КНР и Гонконга часто обвиняют финансируемые американской стороной НПО в материальной поддержке антиправительственного движения в САР. Данные обстоятельства Пекин интерпретирует как попытку устроить «цветную революцию», которая привела бы к полной вестернизации политической системы Гонконга, отчуждению гонконгцев (особенно молодёжи) от единого китайского этноса и превращению Гонконга в фактически неподконтрольную КНР автономию. Ответные действия Пекина по защите национальных интересов и суверенитета над частью своей территории в виде категорического отказа идти на значимые уступки протестно-бунтарскому движению, подавление беспорядков, принятие ЗНБ и кардинальный пересмотр политической системы САР объясняются логикой реализма: «[н]ационализм и политика баланса сил направлены на разрушение попытки социального инжиниринга в странах, предназначенных для смены режима», «национализм почти неизбежно приводит к противодействию [социальному инжинирингу] в странах, предназначенных для смены режима» [Mearsheimer 2019: 17, 30–31].

Со вступлением в силу ЗНБ Вашингтон убедился в бесперспективности проекта по трансформации Гонконга в полноценную западную демократию, что знаменовало окончательный переход гонконгской политики США от либерализма к реализму. Гонконг рассматривается уже не как обособленная от КНР политическая единица, но как находящаяся под тотальным кон-

тролем Пекина: об этом свидетельствует признание Государственным департаментом Гонконга недостаточно автономной от Китая территорией, быстрое и единодушное принятие Конгрессом Закона об автономии Гонконга и подписание президентского указа о частичном лишении САР специальных преференций.

Гонконг, чья автономия была существенно купирована Пекином в ответ на события 2019 года, сохраняет многие атрибуты автономии, значительно отличающие его во многих аспектах от континентального Китая. Признавая данный факт, Соединённые Штаты отдают себе отчёт в бесповоротной утрате былого влияния на оппозиционные политические силы САР и сужение влияния на сильно интегрированную в КНР экономику Гонконга. Посредством проведения политических, экономических и социальных реформ, нацеленных на искоренение откровенно антипекински/антикоммунистически настроенных оппозиционных сил, полного контроля со стороны Пекина над политическими процессами в Гонконге, воспитания патриотизма у последующих поколений гонконгцев, полной интеграции САР в экономическую систему Китая и культурно-языковой ассимиляции жителей Гонконга выпуклые различия между САР и остальным Китаем должны постепенно сглаживаться.

До тех пор пока американо-китайские отношения не ухудшатся окончательно, президентская администрация, несмотря на давление Конгресса и эпатазирующие выпады отдельных конгрессменов¹¹⁷, по прагматичным экономическим соображениям будет воздерживаться от введения значимых (особенно финансовых) санкций против Гонконга. Она будет осуществлять меры по сдерживанию экономического

¹¹⁷ Например, Скотт Перри внёс в Палату представителей 30 июня 2021 г. законопроект о свободе Гонконга, в котором отрицается право КНР на Гонконг, а президент США уполномочивается признать Гонконг независимым государством. H.R.4280 — Hong Kong Freedom Act: 117th Congress (2021–2022). (Электронный ресурс). URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4280/text?r=76&s=1> (дата обращения: 09.02.2022). Данный законопроект в августе 2021 г. был направлен в подкомитет по делам Азии, Тихого океана, Центральной Азии и нераспространения оружия массового поражения комитета Палаты по иностранным делам. Информация о дальнейшей работе над законопроектом отсутствует.

развития Гонконга в русле общей политики экономического и военного сдерживания Китая, резко критиковать происходящие в САР процессы как наступление коммунистического авторитаризма на демократию. Вашингтон продолжит интернационализировать вопрос Гонконга для придания американским интересам и требованиям формы международного консенсуса, выразителем которого США как гегемон в иерархизированном либеральном миропорядке

себя позиционируют, вводить санкции против отдельных должностных лиц, государственных служащих, компаний и бизнесменов Гонконга и Китая, не откажется от попыток дестабилизировать ситуацию в Гонконге (в том числе с помощью пропаганды и поддержки гонконгской оппозиции, включая диаспоральную оппозицию) и дискредитировать его инвестиционный климат, тем самым подрывая утилитарность территории Китая.

US POLICY TO HONG KONG AFTER ITS HANDOVER TO CHINA

NIKOLAY VEREMEEV

Meridian Capital (HK) Limited, Hong Kong, China

Abstract

This article studies evolvement of the United States' post-colonial Hong Kong (HK) policy from liberalism to realism. The author considers factors influencing this policy and differences between the White House/State Department and Congress in assessment of and reaction to developments in HK and responses to them. In 1992 Congress passed the United States-HK Policy Act which treated HK as a non-sovereign entity distinct from China, made the US a quasi-guarantor of HK's autonomy and provided a framework for the advancement of US's grand liberal strategy towards HK in pursuit of promotion of Western-style democracy in this special administrative region of China. During the first seventeen years after HK's handover to China the US government paid little attention to HK and avoided public criticism of HK and China's authorities over slow pace of territory's democratization while some prominent anti-China hawks in Congress were unrestrained in such criticism. Pro-democracy protests of 2014 in HK did not alter US government's cautious approach to HK. The Obama administration probably hoped for gradual democratic reforms in HK. Washington's policy towards HK made a dramatic turn in 2018 on the back of rapidly deteriorating Sino-US relations after Donald Trump came to power. The Trump administration was disillusioned with the liberal agenda and was very eager to actively play a HK card against Beijing. Large scale 2019 protests/riots in HK, challenging China's sovereignty over the territory, were publicly supported and in fact encouraged by top officials of the Trump administration and prominent Congressmen. After Beijing imposed the national security law (NSL) on HK in June 2020 anti-government movement was crashed. This prompted Trump to strip HK of certain privileges under the HK Policy Act. Due to NSL Washington lost many HK allies, its influence in the territory diminished and its ability to promote American democracy agenda was hampered. NSL signifies a final transition from American liberal strategy to realism vis-à-vis HK which is now fully covered by US's China containment strategy. Washington will likely reduce its economic exposure to HK and use deep-seated anti-Beijing attitudes of some Hongkongers to undermine stability of this vulnerable territory of China.

Keywords:

US policy to China; Sino-US relations; US-Hong Kong relations; Hong Kong; grand strategy; interference in domestic affairs.

References

- Bush R. (2016). *Hong Kong in the Shadow of China: Living with the Leviathan*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 400 p.
- Bush R. (2020). The place Hong Kong and Taiwan in the Asia policies of the Trump Administration. In: Fong B.C.H., Wu J., Nathan A.J. (eds.) *China's influence and the Center-periphery Tug of War in Hong Kong, Taiwan and Indo-Pacific*. Routledge. P. 348–358.
- Deng Xiaoping. (2004). *On One Country, Two Systems*. Hong Kong: Joint Publishing. 177 p.
- Cai D. (2001). Xianggang huigui yu zhong mei guanxi [Hong Kong's return and Sino-US relations]. *Shenzhen daxue xuebao (renwen shehui kexue ban)* [Journal of Shenzhen University (Humanities and Social Sciences)]. Vol. 178. No. 1. P. 58–64.
- Ikenberry J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 392 p.
- Ikenberry J. (2019). *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. New Edition, Princeton: Princeton University Press. 336 p.
- Ikenberry J. (2020). *A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order*. New Haven: Yale University Press. 432 p.
- Ikenberry J. (2022). The Real Liberal Bet. *Foreign Affairs*. Vol. 101. No. 2. P. 172–175.
- Ikenberry J., Mastanduno M. (2003a). International Relations Theory and the Search for Regional Stability. In: Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press. P. 1–22.
- Ikenberry J., Mastanduno M. (2003b). Images of Order in the Asia-Pacific and the Role of the United States. In: Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press. P. 421–440.
- Kastner J., Wohlforth W. (2021). A Measure Short of War. *Foreign Affairs*. Vol. 100. No. 4. P. 118–131.
- Li H. (2016). Nian meiguo dui gang zhengce bianhua ji gu (Changes in U.S. policy towards Hong Kong and its assessment). *Xiandai guoji guanxi (Modern International Relations)*. No. 2. P. 24–31.
- Martin M. (2011). *Prospects for Democracy in Hong Kong: The 2012 Election Reforms*. Congressional Research Service Report for Congress. 15 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R40992.pdf> (accessed: 19.04.2021).
- Mearsheimer J. (2014). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton & Company. 592 p.
- Mearsheimer J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press. 328 p.
- Mearsheimer J. (2019). Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.
- Summers T. (2019). *China's Hong Kong: The Politics of a Global City (Business with China)*. Agenda Publishing. 176 p.
- Tong K. (2021). Hong Kong and the Limits of Decoupling. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2021-07-14/hong-kong-and-limits-decoupling> (accessed: 18.07.2021).
- Tucker N. (1994). *Taiwan, Hong Kong and the United States, 1945–1992: Uncertain Friendship*. New York: Twayne Publishers. 339 p.
- Vukovich D. (2019). *Illiberal China: The Ideological Challenge of the People's Republic of China (China in Transformation)*. London: Palgrave Macmillan. 310 p.
- Vukovich D. (2020). A city and a SAR on fire: as if everything and nothing changes. *Critical Asian Studies*. Vol. 52. No. 1. P. 1–17.
- White L. (2016). *Democratization in Hong Kong – and China?* Boulder: Lynne Rienner Publishers. 275 p.
- Xu S. (2016). *Hong Kong In The World: Implications To Geopolitics And Competitiveness*. London: Imperial College Press. 344 p.

КОНЦЕПЦИИ «УПРАВЛЯЕМОЙ КОНКУРЕНЦИИ» В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ США И КИТАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

ВЛАДИМИР ЩЕРБУНОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

С приходом к власти президента Дж. Байдена в лексиконе американских политиков и экспертов всё чаще стали появляться идеи «управляемости» и «регулируемости» соперничества на глобальном и региональном уровнях, прежде всего в отношении конкуренции США и КНР. Большинство работ по конкуренции двух держав подчёркивают её невоенные аспекты, что не отражает усилия, которые США прикладывают к удержанию превосходства в военно-политической сфере, а также значимости её регулирования для предотвращения вооружённых конфликтов между двумя странами. Настоящая статья стремится решить двуединую задачу: *во-первых*, выявить смысловое содержание концепции «управляемой конкуренции» (managed competition) и, *во-вторых*, определить подходы к ограничению рисков эскалации в американской политике на азиатском направлении. Проанализировав академические и аналитические работы последних лет, посвящённые феномену «управляемости», автор приходит к выводу, что содержательно концепция «управляемой конкуренции» включает в себя три компонента: 1) регулирования конкуренции посредством институционализации отношений с целью повышения их предсказуемости, усиления мер кризисного регулирования и снижения конфликтного потенциала, 2) опережающего программирования действий международных игроков путём создания стимулов и сдерживающих факторов для принятия внешнеполитических решений, 3) определения мер, необходимых для достижения успеха в конкуренции (англ. outcompeting). На практике управление конкуренцией в военно-политических отношениях США и КНР реализуется в 1) создании двусторонних и многосторонних институтов для снижения вероятности инцидентов между вооружёнными силами сторон (регулирования взаимодействия между вооружёнными силами США и союзников и Китаем в Южно-Китайском море и Западной части Тихого океана), 2) определении повестки в Азиатско-Тихоокеанском регионе (концепции «индо-тихоокеанского региона» и «свободного и открытого Тихого океана»), консолидации и расширении военно-политических институтов США (QUAD, AUKUS) с приданием им антикитайской направленности, 3) действиях США, затрудняющих реализацию таких военно-политических целей КНР, как воссоединение с Тайванем, контроль над

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ/АНО ЗИСИ «Управление конкурентной средой во взаимодействии США, КНР, ЕС и России в XXI веке. Последствия для России». Договор № 21-011-31129\21 от 02.06.2021 г. Регистрационный номер: 121090300108-1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2022

Дата принятия к публикации: 26.10.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vshcherbunov@yandex.ru

Южно-Китайским морем, расширение военно-политических контактов КНР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова:

управляемая конкуренция; конкуренция великих держав; международная безопасность; Азиатско-Тихоокеанский регион; Китай; США.

На протяжении XXI века усилия США направлены на реализацию большой стратегии (Grand Strategy), суть которой заключается в выстраивании благоприятного соотношения сил в ключевых регионах мира. Преимущественно они выражаются в военно-политическом и экономическом сдерживании, а также в ослаблении не только России, но и Китая с целью построения мирового либерального порядка (американоцентричного порядка) [Шаклеина 2021]¹. Ещё в период правления Дональда Трампа (2017–2021) Пекин был причислен к державам-ревизионистам и назван стратегическим конкурентом². Прогнозируемое рядом исследователей нарастание напряжённости между Соединёнными Штатами и КНР к началу 2020-х годов стало реальностью³.

Приход к власти в США в 2021 г. Джозефа Байдена привнёс элементы управляемости и ответственности в американскую поли-

тику на китайском направлении. Вместе с тем, ввиду инертности мышления Вашингтона [Drezner 2017; Porter 2018; Шаклеина 2020: 13], обновлённый курс логически продолжает стратегию сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе команды Д. Трампа⁴. В феврале 2021 г. Дж. Байден заявил, что его администрация готова к «бескомпромиссной конкуренции» с Пекином, в основе которой лежит подход, отличающийся от принципов ведения дел республиканцев⁵. В сентябре по итогам встречи с китайским посланником Яном Цзечи Советник по национальной безопасности Дж. Салливан заявил, что США будут прилагать все усилия для достижения «ответственной конкуренции»⁶. Это заявление повторяло слова торгового представителя США К. Тай в том же месяце⁷. Двумя неделями позднее в телефонном разговоре с лидером Китая Си Цзиньпином американский президент заявил о необхо-

¹ Под мировым порядком понимается «система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установлений; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться» [Богатуров 1997: 40].

² National Security Strategy of the United States of America 2017. [Электронный ресурс] // White House Archive. December 2017. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 15.12.2022).

³ Ещё в 1993 г. американский специалист А. Фридберг характеризовал Азиатско-Тихоокеанский регион как «потенциально готовый к противостоянию и чреватый соперничеством» [Friedberg 1993]. Прогнозы американо-китайских трений см. также в: [Баталов 2006; Posen, Ross 1997; Layne 1998; Friedberg 2005].

⁴ US Strategic Framework for the Indo-Pacific. [Электронный ресурс] // White House Archive. January 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 15.12.2022).

⁵ Biden: China should expect 'extreme competition' from US. [Электронный ресурс] // AP News. 7 February 2021. URL: <https://apnews.com/article/joe-biden-xi-jinping-china-8f5158c12eed14e002bb1c094f3a048a> (accessed: 15.12.2022).

⁶ The U.S. and China must manage 'intense competition,' top Biden advisor says. [Электронный ресурс] // CNBC. 7 September 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/10/08/us-china-must-manage-intense-competition-top-biden-advisor-says.html> (accessed: 15.12.2022).

⁷ The Transcript of A Conversation with Ambassador Katherine Tai, U.S. Trade Representative. [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. 4 October 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/conversation-ambassador-katherine-tai-us-trade-representative> (accessed: 15.12.2022).

димости установить «защитные ограждения и барьеры» (*англ.* guardrails and parameters), предотвращающие возникновение конфликта между двумя странами⁸. Идея управления конкуренцией была конкретизирована в мае 2022 г. в программном выступлении государственного секретаря США Э. Блинкена в Джорджтаунском университете. В нём повторялись тезисы о стремлении «избежать конфликта» и «холодной войны», упоминалась цель превзойти Китай в конкурентной борьбе (*англ.* outcompete)⁹. В июне 2022 г. советник по национальной безопасности Джейк Салливан и министр обороны Ллойд Остин отметили необходимость «сохранения открытых каналов коммуникации для регулирования конкуренции»¹⁰. На доктринальном уровне оформление концепции «управляемой конкуренции» также произошло в 2022 г. в ключевых документах администрации и министерства обороны. В Индо-Тихоокеанской стратегии США от февраля 2022 г. говорилось, что задача США — «сформировать стратегическую среду, выстраивая баланс влияния в мире, максимально благоприятный для США, наших союзников и партнёров, общих интересов и ценностей. Мы также будем стремиться *ответственно управлять конкуренцией с КНР*» (выделено

автором. — *В.Ш.*)¹¹. Схожие идеи были отражены в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной 12 октября 2022 г., и в Стратегии национальной обороны от 27 октября 2022 г. В СНБ-2022 в части, посвящённой вызовам со стороны Китая, говорилось о том, что, «несмотря на активную конкуренцию, мы *будем вести конкуренцию ответственно*»¹².

Приведённые заявления и документы свидетельствуют о необходимости углублённого изучения концепции «управляемой конкуренции» как значимого элемента обновлённой стратегии США по отношению к Китаю. Автор настоящей статьи опирается на исследования, обосновывающие влияние эпистемических сообществ на внешнеполитический процесс¹³. Вызывания американских политических деятелей отражают результаты деятельности этого сообщества, что определяет обоснованность использования работ его представителей для анализа управляемой конкуренции, а также соотношения концептуальных разработок с действиями Соединённых Штатов.

Возникает вопрос о сферах вышеупомянутой конкуренции. Многие аналитические и академические труды выделяют преимущественно невоенное измерение:

⁸ Readout of President Biden's Virtual Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] // The White House. 16 November 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/16/readout-of-president-bidens-virtual-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 15.12.2022).

⁹ The Administration's Approach to the People's Republic of China. [Электронный ресурс] // White House. 26 May 2022. URL: <https://www.state.gov/the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 15.12.2022).

¹⁰ Readout of National Security Advisor Jake Sullivan's Meeting with Politburo Member Yang Jiechi. [Электронный ресурс] // White House. 13 June 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/13/readout-of-national-security-advisor-jake-sullivan-meeting-with-politburo-member-yang-jiechi-3/> (accessed: 15.12.2022); Garamone J. Austin Meets With Chinese Counterpart in Singapore. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. 10 June 2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3058994/austin-meets-with-chinese-counterpart-in-singapore/> (accessed: 15.12.2022).

¹¹ Indo-Pacific Strategy of the United States // White House. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 15.12.2022).

¹² National Security Strategy 2022 // White House. 12 October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.12.2022).

¹³ Под эпистемическими сообществами понимаются объединения специалистов в какой-либо области, отстаивающие общие критерии валидности знания и политические рецепты решения возникающих проблем. Подробнее о влиянии мозговых центров (эпистемических сообществ) на внешнеполитический курс см.: [Adler, Haas 1992; Legro 2000; Истомин 2009; Шаклеина 2018].

экономическую, технологическую и дипломатическую области. Между тем США предпринимают интенсивные усилия по сдерживанию Китая и в военно-политической сфере. Они проводят модернизацию системы альянсов, развивают военно-техническое сотрудничество с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и используют широкий арсенал методов военной дипломатии. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть практическое воплощение стратегии Соединённых Штатов по управлению военно-политической конкуренцией в Азии как наиболее конфликтной области в отношениях двух стран и «наиболее значимого региона для будущего США»¹⁴.

Определение теоретико-методологической основы исследования сопряжено с проблемой выбора и использования различных направлений и уровней теории, учитывая наличие трёх подходов к управлению конкуренцией, речь о которых пойдёт дальше, со своими специфическими целями и средствами. Тем не менее настоящая работа по своему замыслу не стремится к выявлению причинно-следственных связей, которые возможны только в рамках строгих теоретических допущений, и ориентируется в первую очередь на выводы описательного характера [King, Keohane, Verba 1994: 7]. С учётом вышесказанного концепция «управляемой конкуренции» рассматривается главным образом в рамках сочетания неореализма и неoinституционализма, что

является допустимым подходом к научным исследованиям [Sil, Katzenstein 2010].

Неореализм (структурный реализм) рассматривает межгосударственные отношения с точки зрения выживания и обеспечения собственной безопасности в условиях анархии, сдерживания других центров силы [Waltz 1978] путём балансирования или примыкания [Walt 1985]. Неореалистский подход фокусирует внимание на военно-политической и экономической конкуренции США и Китая¹⁵, то есть попытка каждой из сторон создать благоприятное для себя соотношение сил в регионе. Традиционно конкуренция в военной сфере, выражающаяся в наращивании вооружённых сил, порождает дилемму безопасности [Jarvis 1978; Liff, Ikenberry 2014].

Тем не менее вопросы сотрудничества и снижения конфликтности рассматриваются посредством донесения собственных мотивов конкуренту и создания механизмов контроля её ограничения [Lindley 2007; Glasner 2010]. Анализ вышеуказанных механизмов осуществляется на основе неoinституционализма. В усилиях по снижению вероятности конфликта представители этого направления уделяют значительное внимание роли международных институтов — «набору имплицитных или эксплицитных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых происходит конвергенция ожиданий субъектов, действующих в данной сфере международных отношений» [Krasner 1982].

¹⁴ The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed: 15.12.2022).

¹⁵ Конкуренция рассматривается как процесс и результат построения отношений между двумя социальными субъектами, которые одновременно желают заполнить некий объект, воспринимаемый каждой из сторон как дефицитный в рамках определённой системы ранжирования. В данной работе разграничиваются понятия конкуренции (competition) и соперничества (rivalry) на том допущении, что соперничество сопряжено с угрозами применения или применением военной силы, а конкуренция преимущественно носит мирный характер [Diehl, Goertz 2001: 22]. О конкуренции в международных отношениях см.: Mazarr M.J. et al. Understanding the Emerging Era of International Competition: Theoretical and Historical Perspectives. [Электронный ресурс] // RAND Corporation, 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (accessed: 15.12.2022) и Mazarr M.J. Understanding Competition Great Power Rivalry in a Changing International Order — Concepts and Theories. [Электронный ресурс] // RAND Corporation. March 2022. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1404-1.html> (accessed: 15.12.2022). О соперничестве в международных отношениях см.: [Hensel 1999; Diehl, Goertz 2001; Valeriano 2012].

Концепция «управляемой конкуренции»: регулирование, управление, достижение успеха

В научный дискурс термин «управляемая конкуренция» ввёл американский исследователь рынка медицинских услуг А. Энтховен, предложивший модель их предоставления, при которой «спонсор» (например, группа компаний по предоставлению медицинского страхования) управляет функционированием рынка, устанавливает справедливые правила во избежание ценовых войн [Enthoven 1993: 24]. На политическом уровне данное словосочетание применялось президентом США У. Клинтон (1993–2001) для описания предлагаемых реформ в области здравоохранения¹⁶.

В работах по международным отношениям словосочетания «управляемая конкуренция», «управляемая конкуренция между великими державами» или «управляемые отношения» начали появляться в начале 2000-х годов, отражая возрастающее беспокойство американских аналитиков относительно перспектив развития отношений США с другими великими державами, в особенности с КНР [Lampton 2001; Ross 2005]¹⁷. Тем не менее в широкий оборот в аналитических и академических трудах они вошли во второй половине 2010-х годов, когда отношения Соединённых Штатов с Китаем и Россией обострились и более отчётливо проявилась тенденция к росту конкуренции между великими державами [Goldstein 2015; Porter 2019; George 2019; Шаклеина 2021; Rudd 2022].

К началу 2020-х годов можно говорить о становлении трёх подходов к концепции «управляемой конкуренции» (таб.), которые различаются как по конкретным целям, так и по средствам их достижения.

1) Подход «управление посредством регулирования» подразумевает упорядочивание отношений между конкурентами с целью повышения их прозрачности и предсказуемости путём создания международных институтов, понижающих вероятность эскалации и перехода к соперничеству или военному конфликту.

2) Подход «управление посредством канализирования» означает опережающее программирование действий международных субъектов с целью создания такой международной среды, в которой конкурент вынужден действовать реактивно в наиболее выгодном для инициатора направлении, а союзники оказываются вовлечены в инициативы, ограничивающие их свободу манёвра по отношению к конкуренту.

3) Подход «управление посредством совместного решения проблем» связан с самоограничением и отказом сторон от тотального соперничества, то есть сотрудничеством с конкурентом в областях, представляющих взаимный интерес для сохранения ресурсов и минимизации издержек. Главной целью для сторон тем не менее остаётся победа в долгосрочной конкуренции, или в конкуренции, которая может не иметь временного горизонта, — то есть сохранение или достижение более высокой позиции по отношению к некоему благу в военно-политической, дипломатической или экономической сфере¹⁸.

Поскольку конкуренция представляет собой многогранное явление, многие аналитические или академические труды предполагают сочетание обозначенных подходов. Примечательно, что в одной из первых работ начала 2000-х годов, посвящённых регулированию конкуренции

¹⁶ Clinton Waffles on Health. [Электронный ресурс] // New York Times. 27 September 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/09/27/opinion/clinton-waffles-on-health.html> (accessed: 15.12.2022).

¹⁷ О применении термина “great power competition” в XXI веке см.: Friedman U. The New Concept Everyone in Washington Is Talking About. [Электронный ресурс] // The Atlantic, 6 August 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/08/what-genesis-great-power-competition/595405/> (accessed: 15.12.2022).

¹⁸ Данный подход сочетания сдерживания, конкуренции и сотрудничества во многом схож с идеями “congame” (от *англ.* containment и engagement) А. Фридберга [Friedberg 2011], “responsible competition” Т. Райта [Wright 2017] и “asymmetric competition” Р. Доши [Doshi 2021].

Таблица
Подходы к концепции «Управляемая конкуренция»

Подходы к управлению конкуренцией	Цель	Средства	Примеры
1. Регулирование	повышение предсказуемости отношений и снижение конфликтности	создание и модернизация международных институтов различных типов	Международные соглашения по снижению вероятности инцидентов в воздухе и на море, «горячие линии», двусторонние и многосторонние режимы регулирования безопасности
2. Канализирование	программирование действий субъектов	Предложение повестки, сигнализирование, конкретные внешнеполитические шаги в рамках конкурентных стратегий	Стратегическая оборонная инициатива, обвинение правительства Ирака в хранении ОМП, выход из Договора по ПРО, заявления о «красных линиях»
3. Совместное решение проблем	сохранение или достижение высокой конкурентной позиции в ключевых сферах	симметричное или асимметричное сдерживание с элементами сотрудничества	внешнее и внутреннее балансирование конкурента

Источник: составлено автором.

США и КНР, использовались все три подхода. В 2005 г. в докладе аналитического центра Stanley Foundation американский политолог Р. Росс применял определение «управление конкуренцией между великими державами» в контексте рекомендуемой им стратегии Соединённых Штатов в отношении Китая [Ross 2005: 3]. Главная цель предложенного варианта управления заключается в стремлении «избежать высоких экономических и военных издержек противостояния прошлого» в условиях «неизбежного» роста влияния КНР. Тем самым она соответствует третьему подходу. При этом суть стратегии должна сводиться к созданию стратегической среды управляемой конкуренции между США и Китаем с целью минимизации региональной нестабильности и недопущения эскалации из-за конфликта интересов двух стран, что в большей степени согласуется уже с первым и вторым подходами. Тем не менее вместо способов или условий аккомодации¹⁹ интересов Пекина, создания механизмов предотвращения инцидентов ис-

следователь предлагает меры по сдерживанию Китая (например, в рамках тайваньского вопроса). В глобальном плане укрепление и сохранение позиций Вашингтона должно опираться на создание ситуации, при которой «Восточная Азия будет разделена между великими державами» (включая США. — *Прим. авт.*), что не позволит такой региональной державе, как Китай, добиться гегемонии и создать в перспективе угрозу территории самих Соединённых Штатов.

Если учесть, что идеи «стратегического соперничества» с КНР существовали уже в период администрации Дж. Буша-мл. (2001–2009) [Green 2017: 484], и принять во внимание усилия США в АТР по институционализации и активизации сотрудничества с союзниками, можно предположить, что появлявшиеся аналитические доклады отражали американские представления о формате взаимодействия с Китаем. Тем не менее полноценный переход к стратегическому соперничеству оставался невозможным из-за военных кампаний на Ближ-

¹⁹ Под аккомодацией понимается процесс и результат признания критическим числом великих держав интересов и легитимности претензии державы, претендующей на статус великой, а также распределение лидерских ролей в соответствии с претензиями [Paul 2016: 3–4].

нем и Среднем Востоке в 2000-х годах, а также надежд на то, что стратегия вовлечения КНР принесёт плоды и Пекин станет «ответственным участником международной системы» [Zoellick 2021: 550].

По мере роста опасений США по поводу военно-экономического возвышения Китая и активизации внешней политики Пекина на ряде направлений (например, в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море или на границе с Индией) наметился отход Вашингтона от политики вовлечения. Ей на смену пришли подходы, предлагавшие американским политикам конкретные меры по созданию среды управляемой конкуренции, стратегической конкуренции или конкуренции за влияние²⁰ между двумя державами. Работы по этой тематике выходили как в формате аналитических докладов из-под пера сотрудников западных аналитических центров (таких как Атлантический совет²¹, Институт Брукинга, Корпорация РЭНД),

так и в форме академических статей и монографий специалистов-международников [Thomas, Montgomery 2012; Rosen 2012; Christensen 2015; Goldstein 2015; Doshi 2021, Hass 2021 и др.]²².

Перечисленные работы преимущественно ориентировались на военные аспекты конкуренции. Кроме того, в них отсутствовали объяснения по поводу того, чем именно возвышение КНР будет угрожать национальной безопасности Соединённых Штатов, а также практически полностью отсутствовали упоминания аккомодации с Китаем²³. Предлагались меры по достижению успеха в конкуренции, что отражало преемственность американской большой стратегии, направленной на поддержание гегемонии и создание американоцентричного мирового порядка. Тем самым они демонстрировали инертность мышления внешнеполитического сообщества США, о чём писали российские и западные эксперты [Шаклеина 2021: 7;

²⁰ Под «влиянием» в данной работе понимается «способность воздействовать на убеждения других, то есть на их знание или мнение либо о том, что есть, либо о том, что должно быть, о том, что (эмпирически) истинно или ложно, что (нормативно) правильно или неправильно, хорошо или плохо, желательные или нежелательные» [Zimmerling 2005: 141]. Подробнее о влиянии в международных отношениях см.: *Mazarr M.J. et al. Understanding Influence in the Strategic Competition with China.* [Электронный ресурс]. RAND Corporation, 2021. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR200/RR290-1/RAND_RRA290-1.pdf (accessed: 15.12.2022). О борьбе за влияние между США и Китаем см.: *Moyer J.D. et al. China-US Competition: Measuring Global Influence.* [Электронный ресурс] // Atlantic Council. May 2021. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2021/06/China-US-Competition-Report-2021.pdf> (accessed: 15.12.2022).

²¹ От ред.: 29 июля 2019 г. Атлантический совет (Atlantic Council) внесён в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

²² См., например: *Hass R. Principles For Managing U.S.-China Competition.* [Электронный ресурс] // Brookings Foundation. August 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/08/FP_20180817_managing_competition.pdf (accessed: 25.12.2021); *Allen J.R., Hass R., Jones B. Rising to The Challenge: Navigating Competition, Avoiding Crisis, And Advancing Us Interests In Relations With China.* [Электронный ресурс] // Brookings Foundation. November 2021. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/11/FP_20211105_us_china_rivalry_hass_jones_allen.pdf (accessed: 25.12.2021); *Paul C. et al. A Guide to Extreme Competition with China.* [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1378-1.html (accessed: 25.12.2021); *Heath T. U.S. Strategic Competition with China. A RAND Research Primer.* [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1378-1.html (accessed: 15.12.2022); *Jones B. Major Power Rivalry and the Management of Global Threats.* [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. Center for Preventive Action. Discussion Paper Series on Managing Global Disorder. No. 7. November 2021. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/Jones_MajorPowerRivalry.pdf (accessed: 15.12.2022).

²³ С точки зрения учётов Китая выделяется работа Л. Голдстейна, в которой предлагается перечень мер для КНР и для США, направленных на снижение степени конкуренции в военной сфере (например, ограничение строительства американского авианосного флота). Подробнее см.: [Goldstein 2019: 344].

Drezner 2017]. Вместе с тем они указывали на сложность, а подчас и невозможность конвергенции интересов США и КНР в решении таких проблем, как, например, будущее Тайваня.

Регулирование конкуренции: институционализация отношений и проблемы кризисного управления

Идея регулирования межгосударственных отношений не является новой в научном дискурсе или в политике, учитывая опыт создания международных институтов и режимов с целью снижения вероятности конфликтов между сверхдержавами XX века или регулирования других аспектов их отношений [George 2019]. Созданные неформальные институты невмешательства в сферы влияния между Советским Союзом и США в годы «холодной войны» [Levy, Young, Zurn 1995: 272] наряду с более формальными институционализированными практиками в области нераспространения ядерного оружия и стратегической стабильности, предотвращения столкновений на море или создания горячей линии с целью недопущения ядерных инцидентов или полномасштабных конфликтов способствовали повышению предсказуемости отношений в условиях угрозы столкновения двух стран [Батюк 2008]. Следовательно, управление заключалось преимущественно в институционализации и регулировании взаимодействия для понижения вероятности военных конфликтов высокой интенсивности (что соответствует первому подходу из описанных выше), а также для препятствования свободной деятельности конкурента в сфере, где у соперника может быть преимущество (второй подход).

На рубеже XX и XXI веков во взаимодействии Вашингтона и Пекина наблюдалась тенденция к повышению институцио-

нализации военно-политических отношений, сопровождавшаяся созданием новых институтов, которые с точки зрения регулирования конкуренции можно разделить на три группы: 1) формализованные правила поведения вооружённых сил или использования военных платформ, 2) диалоговые форматы в сфере обороны, 3) каналы кризисного общения («горячие линии»). Появление и развитие данных институтов с конца 1990-х годов стало, с одной стороны, отражением глобального дрейфа в сторону более институционализированной мировой политики [Баталов 2016: 16]. С другой – было связано с количественным ростом взаимодействия вооружённых сил двух стран и соответствующими инцидентами с их участием.

В частности, в октябре 1994 г. американские противолодочные самолёты в ходе учений обнаружили китайскую подводную лодку в Жёлтом море и начали сбрасывать звуковые буи для сбора информации акустической сигнатуры, что было стандартной практикой для американских военных со времён «холодной войны» [Thurston 2021: 312]. Ответом китайской стороны стала отправка истребителей для перехвата. Представители КНР также заявили, что «если подобный инцидент произойдет снова, то Китай попытается сбить американский самолёт»²⁴. Последовавший за этим в марте 1996 г. третий тайваньский кризис, в котором были замешаны американские авианосные группы, аналогичным образом поставил вопрос о необходимости снижения вероятности конфликтов и кризисных ситуаций. В 1998 г. была создана *горячая линия на уровне президентов*²⁵. В январе 1998 г. министр обороны США У. Коэн в ходе визита в Китай подписал *Военно-морское консультативное соглашение* (Maritime Military Consultative Agreement, MMCA), направленное на

²⁴ McDevitt M. U.S.-China Military Relations. [Электронный ресурс] // Sweet and Sour. Candid Talks to Improve U.S.-China Relations. NCAFP. November 2010. URL: <https://www.ncafp.org/sweet-and-sour-candid-talks-to-improve-u-s-china-relations/> (accessed: 15.12.2022).

²⁵ China-US Joint Statement (October 29, 1997). [Электронный ресурс] // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 30 October 1997. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zmgx/zywj/lhsm3/200310/t20031023_4917631.htm (accessed: 15.12.2022).

снижение вероятности инцидентов между силами Соединённых Штатов и КНР на море и заложившее основу ежегодных консультаций по вопросам взаимодействия на море²⁶.

В конце лета 2000 г. американской стороной была произведена переоценка требований к разведывательным полётам, в соответствии с которой выросла интенсивность наблюдения за целями на постсоветском пространстве. Следовательно, было зафиксировано увеличение числа наблюдательных полётов у границ КНР, в связи с чем китайская сторона выразила протест в декабре 2000 года [Thurston 2021: 318]. Столкновение над Южно-Китайским морем в апреле 2001 г. американского разведывательного самолёта EP-3 с китайским истребителем J-8²⁷ продемонстрировало необходимость создания институтов предотвращения инцидентов в воздушном пространстве, а также выявило проблемы в сфере кризисного управления²⁸.

Во время второго президентства Дж. Буша-мл. военно-политические отношения начали стабилизироваться ввиду понижения напряжённости вокруг Тайваня и возросшей вовлечённости США в военные операции в Ираке и Афгани-

стане. В августе 2005 г. по инициативе КНР был создан Диалог о стратегическом партнёрстве, предусматривающий ежегодные встречи делегаций высокого уровня и обсуждение вопросов в сфере безопасности с участием двух стран, получившие название *Переговоры по координации оборонной политики* (Defense Policy Coordination Talks)²⁹. В июле 2006 г. в ходе встречи министра обороны Дональда Рамсфелда и старшего вице-председателя Коммунистической партии Китая (КПК) генерала Го Боксюна по предложению американской стороны была достигнута договорённость о проведении совместных военных поисково-спасательных учений, которые, впрочем, не состоялись³⁰. Соединённые Штаты также получили доступ к архивам Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК) с информацией об американских военнопленных, пропавших без вести во время Корейской войны (1950–1953). Заключительным шагом углубления отношений при администрации Дж. Буша-мл стало соглашение от февраля 2008 г. об открытии *горячей линии между Министерством обороны США и Министерством национальной обороны КНР*³¹. Последовавшие в 2007–2008 годах

²⁶ Agreement Between the Department of Defense of the United States of America and the Ministry of National Defense of The People's Republic of China on Establishing a Consultation Mechanism to Strengthen Military Maritime Safety. [Электронный ресурс] // US Department of State. Treaties and Other International Acts Series 12924. 19 January 1998. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12924-China-Maritime-Matters-Misc-Agreement-1.19.1998.pdf> (accessed: 15.12.2022).

²⁷ 1 апреля 2001 г. американский самолёт-разведчик EP-3E проводил разведывательный вылет в районе Южно-Китайского моря в 110 км от китайской провинции Хайнань. В ходе перехвата двумя китайскими истребителями J-8 произошло столкновение американского и китайского летательных аппаратов, в ходе которого китайский истребитель был разрушен и его пилот погиб. EP-3E совершил вынужденную посадку на китайской базе Линшуй. Экипаж был задержан и допрошен, но вскоре возвращён в США после письма американской стороны с извинениями.

²⁸ Rosental E., Sanger D.E. U.S. Plane in China after it collides with Chinese Jet. [Электронный ресурс] // The New York Times. 2 April 2001. URL: <https://www.nytimes.com/2001/04/02/world/us-plane-in-china-after-it-collides-with-chinese-jet.html> (accessed: 15.12.2022).

²⁹ Remarks at U.S. Embassy Beijing of Robert Zoellick, Deputy Secretary of State. [Электронный ресурс] // U.S. Department of State Archive. 2 August 2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/50498.htm> (accessed: 15.12.2022).

³⁰ Kucera J. Beijing military chief meets Rumsfeld. [Электронный ресурс] // South China Morning Post. 20 July 2006. URL: <https://www.scmp.com/article/557292/beijing-military-chief-meets-rumsfeld> (accessed: 15.12.2022).

³¹ Beck L. China and U.S. sign accord on defense hotline. [Электронный ресурс] // Reuters. 29 February 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-us-defence-idUSPEK7130320080229> (accessed: 15.12.2022).

продажи вооружений Тайваню наложили негативный отпечаток на военно-политическое сотрудничество двух стран, став причиной крупного сокращения числа контактов между представителями военных ведомств (с 22 в 2006 г. до 12 и 7 в 2007 и 2010 годах соответственно) [Saunders, Bowie 2016: 13].

В период президентства Б. Обамы (2009–2017), особенно второго срока, несмотря на сохранявшиеся противоречия, к которым дополнительно добавились территориальные претензии Китая к союзникам Соединённых Штатов, Филиппинам и Японии в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, институционализация продолжилась. Были расширены контакты на уровне вооружённых сил, оформлен диалог для предотвращения инцидентов, КНР впервые приняла участие в многосторонних учениях РИМПАК³², которые будут рассмотрены далее. Наметившаяся тенденция была обусловлена возобновлением американского курса на встраивание Пекина в американоцентричный порядок и отсутствием крупных поставок вооружений Тайваню в 2012–2014 годах. Последние часто осложняли отношения двух стран.

В 2009 г. Стратегический диалог был совмещён с существовавшим параллельно Экономическим диалогом³³. Стал действовать Стратегический и экономический диалог (СЭД), охвативший функционал двух предшествующих площадок. В 2011 г. в ходе визита министра обороны США Р. Гейтса в Пекин стороны договорились создать рабочую группу для разработки механизма проведения учений по поиску и спасанию на море, гуманитарной помощи

и ликвидации последствий стихийных бедствий, борьбе с пиратством и для проведения контртеррористических операций. Американская сторона также выступила с предложением об установлении стратегического диалога по ядерному оружию, противоракетной обороне, операциям в космосе и кибербезопасности³⁴. Китай не продемонстрировал интереса к предложениям США.

Во время второго срока президентства Б. Обамы существенно увеличилось число контактов по линии военных министерств. В 2014 г. в рамках СЭД была достигнута договорённость о создании двустороннего Диалога по безопасности в АТР (Asia-Pacific Security Dialogue (APSD)), который был запущен в 2015 г. и затрагивал, в частности, ситуацию на Корейском полуострове и другие вопросы безопасности в регионе³⁵. В результате была заложена более прочная основа для военных контактов, которые неуклонно развивались с 2011 года. Общее число визитов представителей американской стороны выросло с 10 в 2011 г. до 39 в 2014 г. [Saunders, Bowie 2016: 13]. Контакты включали: 1) визиты на высшем уровне министров обороны, председателей объединённого комитета начальников штабов, глав родов войск и региональных командующих, отвечающих за Азию; 2) встречи на высшем уровне на международных мероприятиях; 3) регулярные обмены с участием офицеров, молодых лидеров и представителей учреждений профессионального военного образования; 4) функциональные и академические обмены между представителями профессионального военного образования; 5) заходы

³² U.S.-China Military Contacts: Issues for Congress. [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. 5 January 2015. P.14. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20150105_RL32496_c568174a7b783237c7d89d015f864210b0046888.pdf (accessed: 15.12.2022).

³³ Economic Dialogue. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Press Releases. 28 July 2009. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/tg242> (accessed: 15.12.2022).

³⁴ Opening Statement of U.S. Secretary of Defense Robert M. Gates at Joint Press Conference with Chinese Minister of National Defense Liang Guanglie. [Электронный ресурс] // DefenceIQ. 10 January 2011. URL: <https://www.defenceiq.com/air-land-and-sea-defence-services/press-releases/us-defense-secretary-opens-dialogue-with-chinese-m>

³⁵ U.S., China Conduct Asia-Pacific Security Dialogue. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. DOD News. 11 March 2015. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/604252/> (accessed: 15.12.2022).

военных судов в порты стран и совместные учения³⁶.

В 2014 и 2016 годах по приглашению американской стороны ВМФ КНР приняли участие в международных учениях РИМПАК³⁷, в 2014 г. — в многосторонних учениях *Кобра Голд*, на которых отработывалось предоставление гуманитарной помощи и спасение при стихийных бедствиях. Примечательно, что *большинство учений США и КНР затрагивали вопросы неконвенциональной безопасности* — сферы, которая обладает наибольшим потенциалом для сотрудничества двух стран даже с учётом нарастающей конкуренции.

Заключительным элементом институционализации стало подписание двух меморандумов и дополнений к ним, направленных на активизацию мер доверия и снижение вероятности инцидентов и конфликтов. В 2014 г. стороны заключили Меморандум о взаимопонимании (МОВ) об уведомлении о крупных военных действиях, предусматривающий добровольный механизм уведомления о военной политике, стратегии двух стран и военных учениях³⁸,

а также Меморандум о взаимопонимании о правилах поведения для обеспечения безопасности воздушных и морских столкновений (air and maritime encounters)³⁹. В сентябре 2015 г. представители оборонных ведомств США и КНР подписали дополнительное приложение к МОВ о правилах поведения, в котором оговаривались правила поведения сторон для обеспечения безопасности в воздухе⁴⁰. Меморандумы имеют возможность добавления новых механизмов путём подписания новых приложений, что оставляет окно возможностей для продолжения курса на укрепление мер доверия, чем на 2022 г. стороны так и не воспользовались. В пресс-релизе по поводу подписания меморандума американская сторона заявила о заинтересованности во включении нового приложения по вопросу уведомлений о пусках баллистических ракет⁴¹, что, однако, не было реализовано. На многостороннем уровне стороны подписали Кодекс незапланированных столкновений в море, который, не имея юридически обязывающей силы, применялся военными судами США и КНР в 2015 г.⁴²

³⁶ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2021. A Report to Congress. [Электронный ресурс] // US Department of Defense. 2021. URL: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (accessed: 15.12.2022).

³⁷ Проведение учений отчасти продемонстрировало специфику восприятия китайской стороны американских инициатив. После учений 2014 г. представители ВМФ США заявили, что, помимо четырёх приглашённых судов ВМФ НОАК, неподалёку от учений присутствовал также китайский разведывательный корабль. Подобная практика наблюдения за электронными сигнатурами судов в годы «холодной войны» являлась типичной для советской и американской сторон.

³⁸ Memorandum of Understanding Between the United States of America the Department of Defense and the People's Republic of China Ministry of National Defense on Notification of Major Military Activities Confidence-Building Measures Mechanism. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 31 October — 4 November 2014. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/141112_MemorandumOfUnderstandingOnNotification.pdf (accessed: 15.12.2022).

³⁹ Memorandum of Understanding On the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters Between the Department of Defense of the United States of America And the Ministry of National Defense of the People's Republic of China. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 9–10 November 2014. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/141112_MemorandumOfUnderstandingRegardingRules.pdf (accessed: 15.12.2022).

⁴⁰ Supplement to the Memorandum of Understanding On the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters Between ... [Электронный ресурс] // University of Southern California. US-China Institute. 15 September 2015. URL: https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/US-CHINA_AIR_ENCOUNTERS_ANNEX_SEP_2015.pdf (accessed: 15.12.2022).

⁴¹ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. [Электронный ресурс] // Office of the Secretary of Defense. April 2015. P.62. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015_China_Military_Power_Report.pdf (accessed: 15.12.2022).

⁴² Document: Code for Unplanned Encounters at Sea [Электронный ресурс] // US Naval Institute News. 17 June 2013. URL: <https://news.usni.org/2014/06/17/document-conduct-unplanned-encounters-sea> (accessed: 15.12.2022).

Несмотря на то что к концу 2010-х годов сформировался комплекс военно-политических институтов, которые должны способствовать понижению вероятности инцидентов и регулированию кризисных ситуаций, ключевой проблемой оставалось кризисное управление, которое американские эксперты призывали к систематическому нежеланию Китая использовать созданные каналы связи для разрешения кризисных ситуаций⁴³. Как отмечали в мемуарах бывшие сотрудники администрации Дж.Буша-ст. и дипломаты, во время событий на площади Тяньаньмэнь, когда вооружённые силы НОАК подавили протестные выступления студентов в Пекине, президент Дж. У. Буш-ст. не смог связаться с лидером КНР Дэн Сяопином. Ситуация повторилась в апреле 2001 г. во время кризиса после воздушного столкновения ЕР-3 и J-8, когда посол в Пекине Дж. Пруэр не мог дозвониться до китайского военного ведомства в течение 12 часов⁴⁴. В мае 1999 г. американским военным не удалось установить контакт с китайской стороной после ошибочного нанесения бомбового удара по китайскому посольству в Белграде во время операции НАТО⁴⁵.

Последующее сближение во время администраций Дж.Буша-мл и Б.Обамы, о котором говорилось ранее, привело к норма-

лизации ситуации, сохранявшейся до конца 2010-х. Однако приход администрации Д. Трампа, с его жёсткой антикитайской риторикой, сокращением контактов, отзывом приглашения для китайской стороны участвовать в учениях РИМПАК, а также нарастанием интенсивности американских операций по обеспечению свободы мореходства в Южно-Китайском море, снова обострил данную проблему. С целью её решения в октябре 2020 г. оборонными министерствами двух стран была создана Рабочая группа по кризисной коммуникации с целью «обсуждения концептов кризисного общения, предотвращения кризисов и регулирования кризисов»⁴⁶.

С избранием Дж. Байдена проблема кризисного управления стала упоминаться чаще. В начале 2021 г. об игнорировании китайской стороной звонков по горячей линии между оборонными ведомствами заявил член Совета национальной безопасности К. Кэмпбелл⁴⁷. В июле 2021 г. в ходе выступления данную проблему подчеркнул министр обороны Л. Остин⁴⁸. Впоследствии она поднималась на двусторонних встречах на уровне официальных представителей, например, в июне 2022 г.⁴⁹ Охлаждение отношений между двумя странами на фоне визита спикера Палаты представителей США Н. Пелоси на

⁴³ Kine P. 'Spiral into crisis': The U.S.-China military hotline is dangerously broken. [Электронный ресурс] // Politico. 9 January 2021. URL : <https://www.politico.com/news/2021/09/01/us-china-military-hotline-508140> (accessed: 15.12.2022).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ U.S. Department of Defense Hosts First Crisis Communications Working Group With the People's Republic of China People's Liberation Army. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 29 October 2020. URL: <https://www.politico.com/news/2021/09/01/us-china-military-hotline-508140> (accessed: 15.12.2022).

⁴⁷ Antwood K. Biden administration looks to set up 'red phone' to China for emergency communications. [Электронный ресурс] // CNN. 14 July 2021. URL: <https://edition.cnn.com/2021/07/14/politics/biden-red-phone-china-xi/index.html> (accessed: 15.12.2022).

⁴⁸ Ali I. U.S. Defense Secretary says committed to stable, constructive relationship with China. [Электронный ресурс] // Reuters. 27 July 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/china/us-defense-secretary-says-committed-stable-constructive-relationship-with-china-2021-07-27/> (accessed: 15.12.2022).

⁴⁹ Readout of National Security Advisor Jake Sullivan's Meeting with Politburo Member Yang Jiechi. [Электронный ресурс]. URL: The White House. 13 June 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/13/readout-of-national-security-advisor-jake-sullivans-meeting-with-politburo-member-yang-jiechi-3/?mc_cid=7dbbb91296&mc_eid=627c47469b (accessed: 15.12.2022).

Тайвань привело к заморозке некоторых форматов в августе 2022 г.: консультаций в рамках военно-морского консультативного соглашения, прямых военных контактов глав региональных сил (например, INDOPACOM), а также переговоров по координации оборонной политики⁵⁰. Тем не менее в ноябре 2022 г. после встречи лидеров двух стран и переговоров на уровне министров обороны американская сторона заявила о вероятном перезапуске механизмов и уверенности к возвращению за стол переговоров о кризисном управлении, в том числе о создании дополнительных контактов на уровне глав начальников штабов⁵¹.

Вопрос кризисного регулирования приобретает всё большую актуальность с учётом задач, которые ставит перед собой администрация Дж. Байдена. Во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности 2021 г. перед США ставились две ключевые цели⁵²: 1) создание благоприятного соотношения сил для сдерживания и предотвращения непосредственной угрозы Соединённым Штатам и их союзникам, объединённое с планами по доминированию в ключевых регионах; 2) поддержка стабильной и открытой международной системы, опирающейся на многосторонние институты и нормы. Данные цели были повторены в доктриналь-

ных и стратегических документах США, опубликованных в 2022 г.: Индо-Тихоокеанской стратегии, Стратегии национальной обороны и Стратегии национальной безопасности.

Реализация первой задачи призвана предотвратить ситуацию, при которой Соединённые Штаты и Китай окажутся втянуты в конфликты в «серых зонах»⁵³ или в инциденты, связанные с обязательствами США по отношению к Тайваню, Филиппинам, Японии, Республике Корея. Её предполагается решать путём обеспечения перевеса, который достаточен для сдерживания Китая от применения вооружённой силы. Тем не менее расширение военной активности США и их союзников и партнёров в западной части Тихого океана в условиях количественного и качественного роста вооружённых сил НОАК при отсутствии эффективных механизмов координации может привести к большой вероятности столкновений в морском или воздушном пространствах⁵⁴. Помимо этого, *возникает вопрос об институционализации контактов для кризисного управления не только между двумя конкурентами, но и среди американских союзников, на которых распространяются гарантии безопасности Вашингтона, и их партнёров*. В опубликованной Стратегии национальной обороны 2022 г. в октябре 2022 г. отмечалась роль коммуника-

⁵² The Ministry of Foreign Affairs Announces Countermeasures in Response to Nancy Pelosi's Visit to Taiwan. [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 05 August 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202208/t20220805_10735706.html

⁵³ Detsch J. U.S. Seeks to Allay Fears of Military Crisis With China. [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 22 November 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/22/us-china-military-talks-asean-taiwan/> (accessed: 15.12.2022).

⁵⁴ Interim National Security Strategic Guidance [Электронный ресурс] // White House. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 15.12.2022).

⁵⁵ Под «серыми зонами» понимаются области, где правительство КНР проводит геополитические, экономические, военные, кибер- и информационные операции (кибер), выходящие за рамки обычной дипломатической и экономической деятельности и ниже применения кинетической военной силы. Аналогичный смысл западными экспертами вкладывается в понятия «все действия, кроме войны» (all measures short of war) или «операции на низком уровне» (low-level operations). Подробнее см.: Lin B. et al. A New Framework for Understanding and Countering China's Gray Zone Tactics. [Электронный ресурс] // Rand Corporation. 2022. 8 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA594-1.html (accessed: 15.12.2022).

⁵⁴ Существует точка зрения, согласно которой кризисные ситуации на море легче контролировать, чем на суше, в силу специфики соприкосновения вооружённых сил (одиночные военные платформы, а не войсковые соединения) и пространственной разрежённости. Подробнее см.: [O'Hanlon 2020].

ций в кризисных ситуациях с союзниками, партнёрами и конкурентами⁵⁵.

В контексте второй задачи Стратегии всё более остро встаёт вопрос по регулированию отношений *в сферах со слабо развитыми правилами или институтами, такими как киберпространство, космос, новые ударные системы*, основанные в том числе на подрывных технологиях (disruptive technology). В докладе Разведывательного управления США 2022 г. космическое пространство было выделено в качестве одной из ключевых сфер, где Китай представляет угрозу Соединённым Штатам⁵⁶. Его позиционирование в таком качестве обусловлено наличием противоспутникового оружия и темпами развития китайской космической программы. В 2015 г. в СМИ появились публикации о создании канала связи между двумя странами по предотвращению инцидентов в космическом пространстве, но на официальном уровне эта информация не подтверждалась⁵⁷. Существовавший с 2015 г. между сторонами канал по взаимодействию по киберпреступлениям продолжает функционировать, но его эффективность остаётся неизвестной⁵⁸.

Всё более актуальным становится *регулирование развёртывания автономных смертоносных систем*, использующих искусственный интеллект, например беспилотных подводных аппаратов, которые становятся одним из ключевых элементов

американской третьей стратегии компенсации [Hass 2021: 128]. В декабре 2016 г. в международных водах Южно-Китайского моря китайские военно-морские силы захватили американский подводный разведывательный дрон. Хотя он и был возвращён, но случай заложил прецедент на будущее⁵⁹. В данной связи возникают вопросы относительно потенциала сдерживания военных сил конкурента смертоносными автономными системами и тем, как гибель или захват автономных платформ с участием страны-соперника будет восприниматься конкурентом в условиях отсутствия правил регулирования подобных ситуаций.

Управление конкуренцией посредством её регулирования продолжит оставаться одной из наиболее обсуждаемых тем двусторонних отношений в обозримом будущем. Вместе с тем американская стратегия повышения институционализации отношений может в итоге оказаться неэффективной в силу ряда причин. *Во-первых*, наличие каналов кризисного регулирования не устраняет противоречий великодержавной конкуренции и в теории может способствовать её обострению, создавая ложное чувство контроля над ситуацией и повышая вероятность провокаций. *Во-вторых*, китайская сторона может продолжить курс на неприятие расширения этих каналов с целью сохранения фактора непредсказуемости⁶⁰ либо на их использование в качестве ин-

⁵⁵ National Security Strategy 2022. // White House. 12 October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.12.2022).

⁵⁶ Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community. [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence. 7 February 2022. P.8. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 15.12.2022)

⁵⁷ Jones S. US and China set up 'space hotline'. [Электронный ресурс] // Financial Times. 20 November 2015. URL: <https://www.ft.com/content/900870f4-8f9f-11e5-a549-b89a1dfede9b> (accessed: 15.12.2022).

⁵⁸ Bennett B. Trump's erratic style could undermine China's agreement to stop hacking U.S. businesses [Электронный ресурс] // Los Angeles Times. 3 April 2017. URL: <https://www.latimes.com/politics/la-fg-us-china-cyber-20170403-story.html>

⁵⁹ Statement by Pentagon Press Secretary Peter Cook on Incident in South China Sea. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 16 December 2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/1032611/statement-by-pentagonpress-secretary-peter-cook-on-incident-in-south-china-sea/> (accessed: 15.12.2022).

⁶⁰ О восприятии КНР и США кризисных ситуаций см.: Morris L.J., Marcum K. Another 'Hotline' with China Isn't the Answer. [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 27 July 2022. URL: <https://www.rand.org/blog/2022/07/another-hotline-with-china-isnt-the-answer.html> (accessed: 15.12.2022).

струмента выражения неприятия той или иной деятельности США, нивелируя их эффективность. В-третьих, планы США по усилению институционального контроля над теми или иными военно-политическими сферами китайского ВПК в силу количественного и качественного перевеса американской стороны, а также в условиях взаимного недоверия, с большой вероятностью, будут отвергнуты китайской стороной. Главным аргументом в пользу согласия китайской стороны на углубление диалога может быть желание получить переговорный рычаг в отношениях с США.

Управление конкуренцией: конкурентные стратегии и программирующее лидерство

Помимо регулирования военно-политической конкуренции, с 2010-х годов в академических кругах стали активнее высказываться идеи о возможности влиять на внешнеполитический курс Китая посредством сочетания конкуренции и сотрудничества [Friedberg 2011], а также о возможности направлять конкуренцию в нужном для США направлении⁶¹ [Campbell, Sullivan 2019]. Истоки данного подхода в отношениях великих держав связаны с конкурентными стратегиями, применявшимися США с 1970-х годов для воздействия на военное строительство и внешнеполитический курс СССР, а также с идеями программирующей стратегии начала 2000-х годов, направленными как на оппонента, так и на союзников.

Разработчиком конкурентных стратегий выступал Э. Маршалл, занявший в 1973 г. должность главы созданного в том же году Управления общих оценок Министерства обороны (Office of Net Assessment)⁶². Как отмечал американский исследователь С. Розэн, по своей сути, «конкурентные стратегии пытаются побудить конкурентов играть в нашу игру. Игру, которую мы, вероятно, выиграем... заставить их совершать ошибки, к которым они склонны, отдавая предпочтение подходам, провоцирующим соперника и побуждающим его к неэффективному распределению ресурсов» [Rosen 2012: 12]. В контексте «холодной войны» речь шла о создании стратегических вооружений и удержании СССР в гонке вооружений с целью его истощения. Данная стратегия должна была использовать военный потенциал и его наращивание в условиях мирной конкуренции, опираясь на четыре компонента: 1) долговременный характер планирования; 2) использование собственных сильных сторон и компенсация слабых сторон; 3) упор на слабости оппонента; 4) стремление отвлечь внимание оппонента с целью совершения действий и усилий, которые наименее опасны или наиболее выгодны для инициатора [Thomas, Montgomery 2012: 257].

В отношении Китая эксперты в середине 2010-х годов предлагали две конкурентные стратегии: максималистскую и минималистскую. Максималистская, построенная на опыте соперничества с СССР, предпола-

⁶¹ Mazarr M. J. et al. Understanding the Emerging Era of International Competition: Theoretical and Historical Perspectives. [Электронный ресурс] // RAND Corporation, 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (accessed: 15.12.2022).

⁶² Согласно Директиве №5111.11 Министерства обороны США от 22 августа 2001 г. и 23 декабря 2009 г. под общими оценками (net assessment) «понимается сравнительный анализ военных, технологических, политических, экономических и других факторов, влияющих на относительную военную мощь наций». Цель департамента — «разрабатывать и координировать общие оценки состояния, тенденций и будущих перспектив военного потенциала США по сравнению с другими странами или группами стран, чтобы выявить возникающие или будущие угрозы или возможности для США. Взято из: Directive 5111.11. [Электронный ресурс] // Cryptome. 23 December 2009. URL: <http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/511111> (accessed: 15.12.2022).

Подробнее о деятельности департамента см.: Spevacek A.M. Net Assessment: Overview and Resources. [Электронный ресурс] // USAID Knowledge Services Center (KSC). 28 June 2017. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00SXMH.pdf (accessed 15.12.2022). Подробную общую оценку потенциала США, Японии по отношению к Китаю, выполненную Центром Карнеги в 2017 г., можно посмотреть в: [Swaine et al. 2017].

гала, что страна-инициатор должна стремиться положить конец конкуренции, вызывая экономическое истощение конкурента. При такой логике США могут и должны поощрять усилия Китая по вложению ресурсов в дорогостоящие средства проецирования силы на большие расстояния, включая авианосцы, десантные корабли, крупные надводные боевые корабли и средства снабжения. Минималистская стратегия была направлена на ограничение масштабов конкуренции, сохранение наиболее благоприятного баланса сил и создание стратегических вариантов, которые можно использовать в будущем как возможности для удержания КНР в рамках «первой/второй островной цепи»⁶³, провоцируя его инвестиции в оборонные системы ограничения и воспрепятствования доступа и манёвра (*англ.* anti-access and area denial A2\AD), например системы эшелонированной ПВО [Thomas, Montgomery 2012: 257].

С точки зрения влияния на поведение как союзников, так и оппонентов наиболее ярко этот феномен описал российский исследователь М.А. Троицкий, определивший его как «программирование». Концепция «программирующего лидерства (или партнёрства)», а в обобщённом смысле программирующая стратегия была предложена для описания политики США времён администрации Дж. Буша-мл. — «действий, направленных на опережающее установление повестки дня, то есть круга проблем, определяющих спектр и направленность совместных действий США с государствами — объектами данной стратегии» [Троицкий 2002: 87]. Опережающий характер позволял Соединённым Штатам принуждать страны-объекты к реактивному внешнеполитическому курсу. Например, в конце 1990-х — начале 2000-х годов Россия оказалась вынуждена реагировать на пересмотр и последующий выход США из соглашения по ПРО.

Объектами вышеуказанной стратегии могут быть союзники, партнёры или конкуренты. Внешнеполитические цели США и союзников либо полностью отождествляются, либо американская позиция преобладает над ними при некоторой степени слияния. Подобная конвергенция достигается в условиях объективной близости национальных интересов (например, сохранение благоприятного баланса сил или выгодных международных институтов в региональной подсистеме — для союзников и партнёров либо решение глобальных проблем — для соперников). Помимо перекрёстных интересов между ними, большую роль играют разница потенциалов и участие в военно-политических союзах. Как отмечает И.А. Истомин, одной из ключевых функций, которую выполняют такого рода альянсы, является именно ограничение связей малых партнёров с потенциальными конкурентами [Истомин 2021: 31]. Данное программирование подкрепляется инструментальным путём, то есть постановкой опережающей повестки дня и определением дискурса, дипломатическим давлением, апеллированием к общим ценностям, а также предоставлением материальных ресурсов (ударных или оборонительных платформ, военной инфраструктуры, доступа к технологиям) и информации [Троицкий 2004: 49].

В отношениях с соперниками США опираются на «вовлечение в решение проблем и военное сдерживание» [Christensen 2015: 286–287], что дополняется, с одной стороны, навязыванием стране-объекту проблемы, которая будет ограничивать активность и нейтрализовать ресурсы, а с другой стороны, цели в рамках повестки, которая в перспективе может оказаться затратной для страны-объекта. Например, демократизация может оказать кардинальное воздействие на лояльность политических элит, решимость населения

⁶³ Концепция первой и второй островной цепи, предложенная госсекретарем Дж.Ф. Даллесом, связана с использованием США и их союзниками островов, простирающихся от Камчатки до Индонезии, для сдерживания угрозы в Евразии вообще и от Китая и России в частности. Подробнее о важности островных цепей см.: [Haddick 2014]

продолжать соперничество с Соединёнными Штатами и внутреннюю стабильность страны в целом. Российский исследователь Т.А. Шаклеина трансформировала эту идею, выделив два трека мировой политики: либерально-демократический, включающий темы, в которых Запад имеет преимущество (например, зелёная повестка), а также традиционный, ориентированный на вопросы стабилизации международных отношений [Шаклеина 2021: 7].

Если посмотреть на стратегию программирования, то к началу 2020-х годов её положения продолжали использоваться Вашингтоном. Активное отстаивание концепции «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» с её явной антикитайской направленностью задавало вектор для стран-союзников [Торкунов 2019: 26]. При этом оно вынуждало Китай реагировать, препятствуя перехвату Пекином инициативы. На доктринальном уровне это особенно заметно по Стратегии национальной безопасности 2022 года, где говорилось, что «США и наши союзники и партнёры имеют возможность формировать внешнюю среду КНР и России таким образом, чтобы это влияло на их поведение, даже когда мы с ними конкурируем»⁶⁴.

Примечателен подход Вашингтона к взаимодействию с партнёрами, а именно противоречивость риторики. В первые месяцы президентства Дж. Байдена министр обороны США Л.Остин, находясь с визитом в Сингапуре в июле 2021 г.⁶⁵, заявил о нежелании принуждать региональных игроков к выбору между США или КНР, впоследствии по-

вторив данный тезис в июне 2022 г.⁶⁶ Однако к концу 2022 г. риторика сдвинулась к противостоянию «демократий против автократий», что было закреплено в СНБ-2022, в которой отмечалась идеологическая природа конкуренции США и КНР, а также либерально-демократическое устройство главных партнёров и союзников США⁶⁷.

Отношения с союзниками также говорят о консолидации и конвергенции общих интересов. Создание военно-технологического блока Австралии, Великобритании и США AUKUS в октябре 2021 года, хоть и являющееся логическим развитием военно-политических отношений Соединённых Штатов и Австралии на протяжении XXI века [Щербунов 2021], продолжает процесс консолидации системы союзов, а фактически способствует их переходу от системы «оси и спиц», завязанной на США, на «федеративную» [Green, Hicks, Cooper 2014], или «узловую», оборону [Simón, Lanoszka, Meijer 2021]. В данной системе Вашингтон отводит Австралии, Японии и Индии роль узлов в рамках возродившегося форума Четырёхсторонний диалог по безопасности (QUAD) [Худайкулова, Рамич 2020], вокруг которых будет происходить военно-политическая консолидация антикитайских усилий. Дополнением QUAD и существовавшего ранее трёхстороннего диалога (США–Япония–Австралия) стало Соглашение о взаимном доступе Австралии и Японии от 6 января 2022 года, заложившее основу для совместных учений в Индо-Пацифике (ИТР) и углубления сотрудничества в сфере без-

⁶⁴ National Security Strategy 2022. // White House. 12 October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.12.2022).

⁶⁵ Secretary of Defense Remarks at the 40th International Institute for Strategic Studies Fullerton Lecture (As Prepared). [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 27 July 2021. Singapore. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/2708192/secretary-of-defense-remarks-at-the-40th-international-institute-for-strategic/> (accessed: 15.12.2022).

⁶⁶ Garamone J. Austin Can Point to Growing Ties With Asia During Visit to Singapore. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. 9 June 2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/3057206/austin-can-point-to-growing-ties-with-asia-during-visit-to-singapore/> (accessed: 15.12.2022).

⁶⁷ National Security Strategy 2022. // White House. 12 October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.12.2022). P. 8.

опасности. Создание военно-технологического блока AUKUS во многом цементирует конфронтационный характер отношений между Китаем и Австралией.

Управление конкуренцией посредством канализирования в теории повышает шансы США на успех в конкуренции с Китаем. *С помощью выстраивания более благоприятной для себя международной среды и баланса сил, делая поведение конкурента более предсказуемым, США сужают количество вариантов и вызовов, с которыми они могут столкнуться.* Тем не менее успешность предпринимаемых мер зависит от материального потенциала США и их союзников. В условиях ухудшения экономической ситуации для многих «колеблющихся» стран встанет вопрос в первую очередь о сохранении экономической и социальной стабильности. В данной связи выбор для малых и средних стран между углублением экономических связей с США и с Китаем может сыграть решающую роль, фиксируя ориентацию на ту или иную державу. Дополнительную устойчивость позиции США дают союзники с высоким уровнем социально-экономического развития вроде Австралии и Японии. Что касается влияния на поведение Китая напрямую, то наибольшая проблема заключается в сопоставимости потенциалов двух стран и возможности Китая отвечать симметрично, а также в отсутствии экономических ограничений, стоявших перед СССР.

**Достижение успеха в конкуренции:
курс на сдерживание Китая
и использование американских
преимуществ**

Основные элементы стратегии США по обеспечению управляемой конкуренции

с КНР связаны, как отмечалось выше, с военной областью. В докладе Атлантического совета 2019 года⁶⁸ в качестве основных направлений выделялись три: экономическое, дипломатическое, а также в сфере безопасности. В отчёте Корпорации РЭНД, посвящённом борьбе за влияние в ИТР между Вашингтоном и Пекином, было представлено шесть областей: экономическая, дипломатическая, информационная (охват СМИ), культурная, социальная (people-to-people) и сфера безопасности. В первом докладе в военно-политическом измерении предлагался относительно широкий перечень мер по повышению управляемости конфронтации, суть которых заключалась в сдерживании китайских позиций минимальными усилиями, что контрастировало с выводами относительно слабого влияния КНР в вопросах безопасности в АТР.

Соединённым Штатам предлагалась стратегия асимметричного сдерживания и сочетания конкуренции и сотрудничества с целью сдерживания Китая в военно-политической и экономической сферах при наименьших издержках, то есть эксперты указывали на необходимость избегать полномасштабного соперничества [Doshi 2021: 313]. Основные задачи связывались с модернизацией потенциала США и их ближайших союзников и партнёров, сдерживанием деструктивного поведения КНР и налаживанием сотрудничества с Пекином по глобальным проблемам, под которым подразумеваются вопросы климата, окружающей среды, водных ресурсов и здравоохранения [Christensen 2015: 296]⁶⁹. Схожие идеи «вовлечения и сдерживания» поддерживали и другие авторы⁷⁰. Вашингтону не стоило вставать на пути у Китая,

⁶⁸ От ред.: 29 июля 2019 г. Атлантический совет (Atlantic council) внесён в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

⁶⁹ Американский политолог А.Л. Фридберг в работе 2011 г. высказывал точку зрения, что наличие этих проблем не является фактором, который приведёт к сотрудничеству между США и КНР. См.: [Friedberg 2011: 38].

⁷⁰ См., например: Heath T.R. U.S. Strategic Competition with China. A RAND Research Primer. [Электронный ресурс] // RAND Corporation. June 2021. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA290-3.html> (accessed: 15.12.2022).

превращая его во врага. Предпочтительным было бы победить его в экономической конкуренции, используя свои сравнительные преимущества [Hass 2021]. Оптимальный вариант взаимодействия с КНР требовал не прямого сдерживания, сопряжённого с высокими издержками, а параллельного существования и конкуренции с опорой на сильные стороны американского положения, главным образом на союзников и партнёров⁷¹.

Стратегия, разработанная американскими экспертами, строилась вокруг ответа на вызывавшие американские опасения шаги Китая⁷²: кибершпионаж, агрессивные действия в Восточном и Южно-Китайском морях и военную дипломатию в двух её компонентах: 1) контакты представителей НОАК с военнослужащими военных ведомств других стран (военные обмены, назначение военных атташе, создание механизмов для консультаций)⁷³; 2) обучение и подготовка вооружённых сил других стран. Тем не менее в докладе РЭНД 2021 г. отмечались относительно слабые позиции Пекина в этой сфере по сравнению с Вашингтоном и его союзниками. В качестве оценки используется объём военной помощи и безвозмездных поставок вооружений на 2018 год: США — 13 млрд долларов, их союзники — 7 млрд долларов, Китай — около 100 млн долла-

ров. Специалисты РЭНД также указывали на дефицит опыта военного сотрудничества с третьими странами у КНР. Связи Китая были сфокусированы на нескольких традиционных партнёрах, например на Камбодже и Африканском союзе. Объём военной помощи последнему со стороны КНР за 2013–2018 годы совокупно составил около 120 млн долларов⁷⁴. С точки зрения проведения международных учений Китай начал приближаться к американским показателям, но их охват и представительность оставались относительно низкими.

В ответ на действия Пекина американские специалисты предлагали сделать упор на обеспечение гарантий безопасности союзникам и на сдерживание КНР как в гибридной сфере, так и в конвенциональной. В первом случае предлагалось усиление мер в киберпространстве (повышение устойчивости, создание Международного совета по кибербезопасности из государств-единомышленников, установление ограничений на использование китайских технологий), а также противодействие применению силы «на низком уровне» в ВКМ и ЮКМ (дипломатическая поддержка, обеспечение свободы судоходства и расширение морских инициатив для предоставления разведывательной информации, обучение и тренировка

⁷¹ Kim P.M. Managing U.S.-China Relations in an Era of Peer Competition. [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. November, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/managing-us-china-relations-era-peer-competition> (accessed: 15.12.2022).

⁷² Kramer F.D. Managed Competition: Meeting China's Challenge in a Multi-vector World. [Электронный ресурс]. Atlantic Council. December 2019. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/12/Meeting-Chinas-Challenges-Report-WEB.pdf> (accessed: 25.12.2021);

⁷³ Например: «С 2012 года Китай провел более 100 совместных учений и тренировок с более чем 30 странами... [и] направил более 1700 военнослужащих для обучения в более чем 50 стран. Более 20 китайских военных учебных заведений наладили и поддерживают межвузовские обмены со своими коллегами из более чем 40 стран. Между тем более 10 000 иностранных военнослужащих из более чем 130 стран прошли обучение в военных университетах Китая». В 2018 г. Китай принимал Китайско-африканский форум по обороне и безопасности, Форум высокого уровня по обороне КНР и Латинской Америки и Форум для высокопоставленных должностных лиц министерства обороны из стран Карибского бассейна и южной части Тихого океана.

China's National Defense in a New Era. [Электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019: P. 31–32. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed: 15.12.2022).

⁷⁴ Mazarr M.J. et al. Understanding Influence in the Strategic Competition with China. [Электронный ресурс] // RAND Corporation, 2021. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4200/RR4290-1/RAND_RRA290-1.pdf (accessed: 15.12.2022).

вооружённых сил заинтересованных стран)⁷⁵. Проводимые Китаем операции в «серых зонах» или применение силы на низком уровне, названные американским адмиралом М. МакДевиттом политикой «нарезания салями», представляли собой подход, основанный на малых шагах, исключающих войну. Вместе с тем в совокупности они обеспечивали стратегический результат, как произошло с милитаризацией и де-факто установлением Китаем контроля над ЮКМ⁷⁶. Ряд авторов полагали, что именно выработка скоординированного подхода в духе «сдерживания посредством наказания» совместно с другими странами региона, которых затрагивают упомянутые операции КНР, должна стать одной из основ предотвращения военной конфронтации [Wright 2021: 176–177; Hass 2021: 144; McKinney, Harris 2021: 24]. В частности, Р. Хасс отверг идею абсолютного военного сдерживания, активно выступая за использование мер невоенного характера (экономических санкций) в ответ на действия Пекина [Hass 2021: 131].

Одной из ключевых целей США, по мнению экспертов, должно стать создание плотной сети интегрированных партнёрств, которые позволят флотам и берего-

вым службам действовать на основании принципов операционной совместимости, оспаривая территориальные претензии КНР. В этой связи нельзя не вспомнить об усилиях Вашингтона по наращиванию числа участников учений, организуемых как самими США, так и их союзниками. Например, с 2017 г. австралийские ВМС проводят учения Пасифик Индэвор (Pacific Endeavor)⁷⁷, ориентированные на вовлечение стран АСЕАН и Океании, в рамках которых австралийские военные эксперты выступали проводниками западных, а фактически американских ценностей⁷⁸. В 2022 г. учения включали взаимодействие с вооружёнными силами 14 стран Индо-Тихоокеанского региона⁷⁹. В июле 2018 г. в составе тактической группы австралийских вооружённых сил принимали участие морские пехотинцы США, однако данная практика не получила распространения⁸⁰. Параллельно с этим происходило углубление взаимодействия с привлечением новых стран к существующим форматам учений. В частности, в 2019 г. Канада, Новая Зеландия и Япония начали принимать участие в учениях Талисман Сейбр (*Talisman Saber*), которые были впервые организованы Соединёнными Штатами и Австралией в начале 2000-х годов⁸¹.

⁷⁵ Kramer F.D. Managed Competition: Meeting China's Challenge in a Multi-vector World. [Электронный ресурс] // Atlantic Council. December 2019. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/12/Meeting-Chinas-Challenges-Report-WEB.pdf> (accessed: 15.12.2022).

⁷⁶ McDevitt M. The South China Sea: Assessing U.S. Policy and Options for the Future Arlington. [Электронный ресурс] // CNA Corporation, November 2014. URL: https://www.cna.org/cna_files/pdf/IOP-2014-U-009109.pdf (accessed: 15.12.2022).

⁷⁷ Indo-Pacific Endeavour 2018 returns to Australia. [Электронный ресурс] // Navaltoday.com. 23 August 2018. URL: <https://www.navaltoad.com/2018/08/23/indo-pacific-endeavour-2018-returns-to-australia/> (accessed: 15.12.2022).

⁷⁸ Strating B. A sea ride with Australia's Indo-Pacific Endeavour. [Электронный ресурс] // Lowy Institute. 6 January 2019. URL: <https://www.loyyinstitute.org/the-interpreter/sea-ride-australia-s-indo-pacific-endeavour> (accessed: 15.12.2022).

⁷⁹ Indo-Pacific Endeavour returns to Australia. [Электронный ресурс] // Australian Government. Defense. 2 December 2022. URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/releases/2022-12-02/indo-pacific-endeavour-returns-australia> (accessed: 15.12.2022).

⁸⁰ Greene A. US marines to join Australian warships deployed in the Pacific as anxiety over China grows. [Электронный ресурс] // ABS News Australia. 4 May 2018. URL <https://www.abc.net.au/news/2018-05-04/us-marines-join-australian-warship-pacific-china-anxiety-grows/9729652> (accessed: 15.12.2022).

⁸¹ Talisman Sabre 2019, Largest Ever Bilateral Defense Exercise in Australia Opens. [Электронный ресурс] // U.S. Indo-Pacific Command. 9 July 2019. URL: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/1899433/talisman-sabre-2019-largest-ever-bilateral-defense-exercise-in-australia-opens/>

В области конвенциональных вооружений предлагалось сделать акцент на предоставлении союзникам платформ для создания зон ограничения доступа вооружённых сил оппонентов, проведении дополнительной модернизации военного потенциала (упор на противокорабельные ракеты увеличенной дальности, платформы по противодействию системам управления войсками, сенсоры для обнаружения беспилотных подводных и воздушных объектов), а также ускорение развития передовых технологий военной направленности (гиперзвуковые ударные системы, искусственный интеллект, квантовые вычисления, робототехника)⁸². Подобный перечень мер фиксировал ориентацию Китая на вложение в средства обороны и ограничения доступа в рамках первой и второй островной грады, но последние оценки существующего положения дел и физических ограничений технологий ограничения доступа говорят о том, что США утратят [Biddle, Oelrich 2016] либо уже утратили возможность сдерживать КНР в западной части Тихого океана⁸³.

Управление конкуренцией посредством совместного решения проблем (то есть ограниченная конкуренция) страдает от той же слабости, что и остальные подходы — неадекватного учёта ответных мер усиливающегося Китая. С одной стороны, при условии успешной реализации США курса на антикитайское сдерживание Пекин может начать воспринимать двусторонние отношения как «игру с нулевой суммой», где любая форма сотрудничества будет восприниматься как уступка сопернику. Кроме этого, даже в условиях меньших успехов американской стороны Китай может начать обуславливать участие в инициативах США уступками по тем или иным вопросам. С другой стороны, насыщение малых и

средних игроков Индо-Тихоокеанского региона различными вооружениями может вместо сдерживания иметь обратный эффект, повышая воинственность стран по отношению к Китаю, а значит, и вероятность столкновения двух держав.

* * *

Отстаиваемая США концепция «управляемой конкуренции» представляет собой альтернативу фронтальному соперничеству, существовавшему в годы «холодной войны». В условиях экономической взаимозависимости двух оппонентов и невозможности сдерживать Китай в одиночку подход, основанный на сочетании конкуренции и сотрудничества, представляется Вашингтону способом направлять борьбу за будущее наиболее выгодного для себя мирового порядка. Доктринально оформленная к 2022 г. концепция «управляемой конкуренции» включает три компонента: 1) регулирование конкуренции посредством институционализации отношений с целью повышения их предсказуемости, усиления мер кризисного регулирования и снижения конфликтогенного потенциала; 2) опережающее программирование действий международных субъектов путём создания стимулов и сдерживающих факторов для принятия внешнеполитических решений; 3) описание мер, необходимых для достижения успеха в конкуренции. В работах американских аналитиков наиболее широко представлен именно третий подход с предложениями по асимметричному сдерживанию.

Тем не менее каждый из элементов управления оказывается уязвимым в первую очередь перед ответными мерами КНР, которая на фундаментальном уровне не заинтересована в предлагаемом США подходе. Пекин исходит из того, что с каж-

⁸² *Kramer F.D.* Managed Competition: Meeting China's Challenge in a Multi-vector World. [Электронный ресурс] // Atlantic Council. December 2019. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/12/Meeting-Chinas-Challenges-Report-WEB.pdf> (accessed: 15.12.2021);

⁸³ *Allison G., Glick-Unterman J.* The Great Military Rivalry: China vs the U.S. [Электронный ресурс] // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. 16 December 2021. P.10. URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatMilitaryRivalry_ChinavsUS_211215.pdf (accessed: 15.12.2022).

дым годом его позиции в конкуренции с Вашингтоном укрепляются, в результате чего его переговорные возможности по будущему мирового порядка усиливаются.

Нет оснований полагать, что Китай со своей стороны не будет принимать меры в духе конкурентных стратегий, вынуждающие Соединённые Штаты к реакции.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
- Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.1.
- Батюк В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945–2005 гг.): Дисс. ... д-ра полит. наук. М.: Ин-т Соединённых Штатов Америки и Канады РАН, 2008. 530 с.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт. МОНФ, 1997. 352 с.
- Истомин И.А. Механизм научно-аналитического обеспечения внешнеполитического процесса в США // *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № 6. С. 97–110. DOI 10.24833/2071-8160-2009-6-9-97-110.
- Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 1. С. 26–55. DOI 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.
- Торкунов А.В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 25–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37.
- Троицкий М.А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // *Pro et Contra*. 2002. № 4. С. 86–103.
- Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. 252 с.
- Худайкулова А.В., Рамич М.С. «КВАД 2.0»: Четырёхсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Polis: Journal of Political Studies*. 2020. № 3. С. 23–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.
- Шаклеина Т.А. «Мозговые центры» и их роль в формировании внешней политики США // *Введение в прикладной анализ международных ситуаций*. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 109–132.
- Шаклеина Т.А. Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4. С. 10–26. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-10-26>.
- Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка. Планы США по управлению междержавной конкуренцией // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 3. С. 6–22. DOI 10.17994/IT.2021.19.3.66.6.
- Щербунов В.О. Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2021. № 4. С. 32–46 DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46.
- Adler E., Haas P.M. Conclusion: epistemic communities, world order, and the creation of a reflective research program // *International organization*. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 367–390. DOI: 10.1017/S0020818300001533.
- Accommodating Rising Powers: Past, Present, and Future / ed. by T. V. Paul. Cambridge University Press, 2016. 335 p.
- Biddle S., Delrich I. Future Warfare in the Western Pacific: Chinese Antiaccess/Area Denial, US AirSea Battle, and Command of the Commons in East Asia // *International Security*. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 7–48. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00249.
- Campbell K.M., Sullivan J. Competition Without Catastrophe: How American Can Both Challenge and Coexist With China // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. No. 5. P. 96–111.
- Christensen T.J. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. WW Norton & Company, 2015. 408 p.
- Diehl P.F., Goertz G. War and Peace in International Rivalry. University of Michigan Press, 2001. 327 p.
- Doshi R. The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order. Oxford University Press, 2021. 432 p.
- Drezner D.W. The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. NY: Oxford University Press, 2017. 360 p.
- Enthoven A.C. The History and Principles of Managed Competition // *Health Affairs*. 1993. Vol. 12. No. suppl 1. P. 24–48. https://doi.org/10.1377/hlthaff.12.suppl_1.24

- Friedberg A.L.* Ripe for rivalry: prospects for peace in a multipolar Asia // *International security*. 1993. Vol. 18. No. 3. P. 5–33. <https://doi.org/10.2307/2539204>.
- Friedberg A.L.* The future of US-China relations: Is conflict inevitable? // *International security*. 2005. Vol. 30. No. 2. P. 7–45. <https://www.jstor.org/stable/4137594>
- George A.L.* *Managing US-Soviet Rivalry: Problems of Crisis Prevention*. Routledge, 2019. 415 p.
- Glaser C.L.* *Rational Theory of International Politics*. Princeton University Press, 2010. 328 p.
- Goldstein L.J.* *Meeting China Halfway: How to Defuse the Emerging US-China Rivalry*. Georgetown University Press, 2015. 400 p.
- Green M.J.* *By More Than Providence*. Columbia University Press, 2017. 760 p.
- Green M.J., Hicks K.H., Cooper Z.* *Federated Defense in Asia*. Report. CSIS, December 2014. 42 p.
- Haddick R.J.* *Fire on the Water: China, America, and the Future of the Pacific*. Naval Institute Press, 2014. 274 p.
- Hass R.* *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. Yale University Press, 2021. 240 p.
- Hensel P.R.* An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Conflict Management and Peace Science*. 1999. Vol. 17. No. 2. P. 175–206. <https://doi.org/10.1177/07388942990170020>.
- Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // *World politics*. 1978. Vol. 30. No. 2. P. 167–214. <https://doi.org/10.2307/2009958>.
- King G., Keohane R.O., Verba S.* *Designing Social Inquiry*. Princeton University Press, 1994. 264 p.
- Krasner S.D.* Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables // *International organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 185–205. <https://www.jstor.org/stable/2706520>.
- Lampton D.M.* *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989–2000*. University of California Press, 2001. 510 p.
- Layne C.* Rethinking American Grand Strategy: Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? // *World Policy Journal*. 1998. Vol. 15. No. 2. P. 8–28. <https://www.jstor.org/stable/40209580>
- Legro J.W.* Whence American Internationalism // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 2. P. 253–289.
- Levy M. A., Young D. R., Zürn M.* The Study of International Regimes // *European Journal of International Relations*. 1995. Vol. 1. No. 3. P. 267–330. <https://doi.org/10.1177/1354066195001003001>.
- Liff A.P., Ikenberry G.J.* Racing toward tragedy?: China's Rise, Military Competition in the Asia Pacific, and the Security Dilemma // *International Security*. 2014. Vol. 39. No. 2. P. 52–91. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00176.
- Lindley L.* *Promoting Peace through Information: Transparency as a Tool of Security Regimes*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007. 296 p.
- McKinney J.M., Harris P.* *Broken Nest: Deterring China from Invading Taiwan* // *The US Army War College Quarterly: Parameters*. 2021. Vol. 51. No. 4. P. 23–36.
- O'Hanlon M.* *The Senkaku Paradox: Risking Great Power War Over Small Stakes*. Brookings Institution Press, 2019. 272 p.
- Porter P.* Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the US Foreign Policy Establishment // *International Security*. 2018. Vol. 42. No. 4. P. 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_00311.
- Porter P.* Advice for a dark age: Managing great power competition // *The Washington Quarterly*. 2019. Vol. 42. No. 1. P. 7–25.
- Posen B.R., Ross A.L.* Competing Visions for US Grand Strategy // *International Security*. 1997. Vol. 21. No. 3. P. 5–53. <https://doi.org/10.2307/2539272>.
- Rosen S.P.* "Competitive Strategies: Theoretical Foundations, Limitations, and Extensions" in Thomas Mahnken, ed., *Competitive Strategies for the 21st Century: Theory, History, and Practice*. Stanford, CA: Stanford Security Studies, 2012. P. 12–27. <https://doi.org/10.1515/9780804783187-005>.
- Saunders, P.C., Bowie, J.G.* US–China Military Relations: Competition and Cooperation. // *Journal of Strategic Studies*. 2016. Vol. 39. No. 5–6. P. 662–684. <https://doi.org/10.1080/01402390.2016.1221818>.
- Sil R., Katzenstein P.J.* Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 411–431. doi:10.1017/S1537592710001179.
- Simón L., Lanoszka A., Meijer H.* Nodal defence: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44. No. 3. P. 360–388. <https://doi.org/10.1080/01402390.2019.1636372>.
- Swaine M.D.* et al. China's military & the US-Japan alliance in 2030: A Strategic net assessment. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. 424 p.
- Thomas J.P., Montgomery E.B.* *Developing a Strategy for a Long-Term Sino-American Competition // Competitive Strategies for the 21st Century*. Stanford University Press, 2012. P. 257–274. <https://doi.org/10.1515/9780804783187-018>.

- Valeriano B. *Becoming Rivals: The Process of Interstate Rivalry Development*. Routledge, 2013. 168 p.
- Walt S.M. *The Origins of Alliance*. Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw Hill, 1979. 251 p.
- Wright T.J. *All Measures Short of War*. Yale University Press, 2017. 288 p.
- Zimmerling R. *Influence and Power: Variations on a Messy Theme*. Springer, 2006. Vol. 68. 308 p.
- Zoellick R. *America in the World: A History of US Diplomacy and Foreign Policy*. Twelve, 2020. 560 p.

THE “MANAGED COMPETITION” CONCEPT IN THE US-CHINA SECURITY NEXUS

THEORETICAL ANALYSIS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

VLADIMIR SHCHERBUNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

With the inauguration of President John Biden, the ideas of “managing” competition between the United States and China increasingly began to appear in the lexicon of American politicians and pundits. Most works on US-China competition emphasize its non-military aspects, which does not reflect the efforts that the US puts into competition in the military-political domain, as well as the importance of its regulation in preventing armed conflict between the two powers. This study seeks to solve a dual task: firstly, to identify the ideational content of the concept of “managed competition”, and secondly, to analyze the existing formats of managing US-China military-political competition in the Asia-Pacific region in the 21st century. After analyzing the academic and analytical works of recent years, the author concludes that the concept of “managed competition” comprises three components: 1) regulation of competition through institutionalization in order to increase the predictability, strengthen crisis management mechanisms and reduce conflict potential, 2) anticipatory programming of the actions of international actors by creating incentives and deterrents for making foreign policy decisions, 3) describing the measures necessary to achieve success in competition (outcompeting). At a practical level, the management of competition in the military-political relations between the United States and China implies 1) the creation of international institutions to reduce the likelihood of military incidents in the South China Sea and the Western Pacific, 2) setting the agenda in the Asia-Pacific region (the concept of the “Indo-Pacific region”), the consolidation and expansion of US military-political institutions (QUAD, AUKUS) with giving them the anti-Chinese focus, 3) US actions that impede the implementation of PRC’s military-political goals: reunification with Taiwan, control over the South China Sea, expansion of military-political contacts with the countries of the Asia-Pacific region.

Keywords:

managed competition; great power; security; Asia-Pacific region; China; USA.

References

- Adler E., Haas P.M. (1992) Conclusion: epistemic communities, world order, and the creation of a reflective research program // *International organization*. Vol. 46. No. 1. P. 367–390. DOI: 10.1017/S0020818300001533.
- Batalov E. (2006). *Mirovye razvitiye i mirovoj poruyadok* [World Development and World Order]. Moscow: ROSSPEN. 376 p.
- Batalov E. (2016). Novaya institucionalizatsiya mirovoj politiki [New Institutionalization of World Politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 1. P. 6–25. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.

- Batyuk V. (2005). *Sovetsko-amerikanskii i rossijsko-amerikanskii dvustoronnie rezhimy (1945–2005 gg.)* [Soviet-American and Russian-American Bilateral Regimes]. PHD thesis. Moscow: In-t Soedinennykh shtatov Ameriki i Kanady RAS, 2008. 580 p.
- Biddle S., Oelrich I. (2016). Future Warfare in the Western Pacific: Chinese Antiaccess/Area Denial, US Air-Sea Battle, and Command of the Commons in East Asia. *International Security*. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 7–48. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00249.
- Bogaturov A. (1997). *Velikiye derzhavi na Tikhom okeane. Istoria i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii (1945–1995)* [Great Powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia (1945–1995)]. Moscow: Konvert – MONF. 352 p.
- Campbell K.M., Sullivan J. (2019). Competition without Catastrophe: How American Can Both Challenge and Coexist with China. *Foreign Affairs*. Vol. 98. No. 5. P. 96–111.
- Christensen T. J. (2015). *The China challenge: Shaping the choices of a rising power*. WW Norton & Company. 408 p.
- Diehl P.F., Goertz G. (2001). *War and Peace in International Rivalry*. University of Michigan Press. 327 p.
- Doshi R. (2021). *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. Oxford University Press. 432 p.
- Drezner D.W. (2017). *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. NY: Oxford University Press. 360 p.
- Enthoven A.C. (1993). The History and Principles of Managed Competition. *Health Affairs*. Vol. 12. No. suppl 1. P. 24–48. https://doi.org/10.1377/hlthaff.12.suppl_1.24.
- Friedberg A.L. (1993). Ripe for rivalry: prospects for peace in a multipolar Asia. *International security*. Vol. 18. No. 3. P. 5–33. <https://doi.org/10.2307/2539204>.
- Friedberg A.L. (2005). The future of US-China relations: Is conflict inevitable? *International security*. Vol. 30. No. 2. P. 7–45. <https://www.jstor.org/stable/413759>.
- George A.L. (2019). *Managing US-Soviet rivalry: Problems of crisis prevention*. Routledge. 415 p.
- Glaser C.L. (2010). *Rational Theory of International Politics*. Princeton University Press. 328 p.
- Goldstein L.J. (2015). *Meeting China Halfway: How to Defuse the Emerging US-China Rivalry*. Georgetown University Press. 400 p.
- Green M.J. (2017). *By More Than Providence*. Columbia University Press. 760 p.
- Green M.J., Hicks K.H., Cooper Z. (2014). *Federated Defense in Asia. Report*. CSIS. 42 p.
- Haddick R. J. (2014). *Fire on the Water: China, America, and the Future of the Pacific*. Naval Institute Press. 274 p.
- Hass R. (2021). *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. Yale University Press. 240 p.
- Hensel P.R. (1999). An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 17. No. 2. P. 175–206. <https://doi.org/10.1177/07388942990170020>.
- Istomin I. (2009). Mekhanizm nauchno-analiticheskogo obespecheniya vneshnepoliticheskogo processa v SSHA. [Analytical and scientific support mechanism of the US foreign policy process.]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 6. No. 9. P. 97–110.
- Istomin I. (2021). Upravlenie obyazatel'stvami v asimmetrichnykh al'yansakh [Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1. P. 26–55. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.
- Jervis R. (1978). Cooperation Under the Security Dilemma. *World politics*. Vol. 30. No. 2. P. 167–214. <https://doi.org/10.2307/2009958>.
- Khudaykulova A.V. and Ramich M.S. (2020). "KVAD 2.0": Chetyrekhstoronnij dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tihookeanskom regione ["Quad 2.0": Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific]. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 23–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.
- King G., Keohane R. O., Verba S. (1994). *Designing Social Inquiry*. Princeton University Press. 264 p.
- Krasner S.D. (1982). Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables. *International organization*. Vol. 36. No. 2. P. 185–205. <https://www.jstor.org/stable/2706520>.
- Lampton D.M. (2001). *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989–2000*. University of California Press. 510 p.
- Layne C. (1998). Rethinking American Grand Strategy: Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? *World Policy Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 8–28. <https://www.jstor.org/stable/40209580>
- Legro J.W. (2000). Whence American Internationalism // *International Organization*. Vol. 54. No. 2. P. 253–289. <https://www.jstor.org/stable/2601298>.
- Levy M.A., Young O.R., Zürn M. (1995). The Study of International Regimes. *European journal of international relations*. Vol. 1. No. 3. P. 267–330. <https://doi.org/10.1177/1354066195001003001>.
- Liff A.P., Ikenberry G.J. (2014). Racing toward tragedy?: China's Rise, Military Competition in the Asia Pacific, and the Security Dilemma. *International Security*. Vol. 39. No. 2. P. 52–91. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00176.

- Lindley L. (2007). *Promoting Peace through Information: Transparency as a Tool of Security Regimes*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 296 p.
- McKinney J. M., Harris P. (2021). Broken Nest: Deterring China from Invading Taiwan // *The US Army War College Quarterly: Parameters*. Vol. 51. No. 4. P. 23–36.
- O'Hanlon M. (2019). *The Senkaku Paradox: Risking Great Power War Over Small Stakes*. Brookings Institution Press. 272 p.
- Paul T. V. (ed.). (2016). *Accommodating Rising Powers: Past, Present, and Future*. Cambridge University Press. 335 p.
- Porter P. (2018). Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the US Foreign Policy Establishment. *International Security*. Vol. 42. No. 4. P. 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_0031
- Porter P. (2019) Advice for a dark age: Managing great power competition // *The Washington Quarterly*. Vol. 42. No. 1. P. 7–25.
- Posen B.R., Ross A.L. (1997). Competing Visions for US Grand Strategy. *International Security*. Vol. 21. No. 3. P. 5–53. <https://doi.org/10.2307/2539272>.
- Rosen S.P. (2012). Competitive Strategies: Theoretical Foundations, Limits, and Extensions. In *Competitive Strategies for the 21st Century*. Stanford University Press. P. 12–27. <https://doi.org/10.1515/9780804783187-005>.
- Saunders P.C., Bowie, J.G. (2016). US–China Military Relations: Competition and Cooperation. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 39 No. 5–6. P. 662–684. <https://doi.org/10.1080/01402390.2016.1221818>.
- Shakleina T. (2018). “Mozgovye centry” i ih rol' v formirovanii vneshnej politiki SSHA [Think Tanks” and their role in shaping US foreign policy]. *Vvedenie v prikladnoy analiz mezhdunarodnykh situatsiy. 2nd edition*. Moscow: Aspekt Press. P.109–133.
- Shakleina T. (2020). Politika SSHA v otnoshenii Rossii: konkurentsia, sderzhivanie i upravlenie [American Policy Towards Russia: Competition, Deterrence and Governing Control]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4. P.10–26. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-10-26>.
- Shakleina T.A. (2021). Novyi etap v formirovanii mirovogo poryadka. Plany SSHA po upravleniyu mezhdunarodnoy konkurenciej [New Stage in the Formation of Global Order. US Plans on Management of Great Power Rivalries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol 19. No. 3. P. 6–22. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.6.
- Shcherbunov V.O. (2021). Voenno-politicheskie otnosheniya Avstralii i SSHA v usloviyah rosta vliyaniya Kitaya v ATR [Military-Political Relations Between Australia and the United States Amid the Growing Influence of China in the Asia-Pacific]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4. P. 32–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46.
- Sil R., Katzenstein P.J. (2010). Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions. *Perspectives on Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 411–431. doi:10.1017/S1537592710001179.
- Simón L., Lanoszka A., Meijer H. (2021). Nodal defence: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 44. No. 3. P. 360–388. <https://doi.org/10.1080/01402390.2019.1636372>.
- Swaine M. D. et al. (2017). *China's military & the US-Japan alliance in 2030: A Strategic net assessment*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 424 p.
- Thomas J. P., Montgomery E. B. (2012). *Developing a Strategy for a Long-Term Sino-American Competition in Competitive Strategies for the 21st Century*. Stanford University Press. P. 257–274.
- Torkunov A.V. (2019). Strategiya administracii Trampa v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Strategy of the Trump Administration in the Asia-Pacific region]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 6. P. 25–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37.
- Troitskiy M.A. (2002). Kontseptsia “programmiruschego liderstva” v evroatlanticheskoy strategii SSHA [The “Programming Leadership” Concept in the Euro-Atlantic Strategy of the United States]. *Pro et Contra*. Vol. 7. No. 4. P. 86–103.
- Troitskiy M.A. (2004). *Transatlanticheskii soyuz. 1991-2004. Transformatsia sistemi amerikanoevropeiskogo partnerstva posle raspada bipoliarnosti* [Transatlantic Alliance. 1991–2004. Transformation of American-European Partnership After the End of Bipolarity]. Moscow: NOFMO. 252 p.
- Valeriano B. (2013). *Becoming Rivals: The Process of Interstate Rivalry Development*. Routledge, 168 p.
- Walt S.M. (1987). *The Origins of Alliance*. Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. N. (1979). *Theory of International Politics*. Boston: McGraw Hill. 251 p.
- Wright T. J. (2017). *All Measures Short of War*. Yale University Press. 288 p.
- Zimmerling R. (2006). *Influence and Power: Variations on a Messy Theme*. Springer. Vol. 68. 308 p.
- Zoellick R. (2020). *America in the World: A History of US Diplomacy and Foreign Policy*. Twelve. 560 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И ИНФЛЯЦИЯ ВО ФРАНЦИИ И ЕВРОЗОНЕ

МАРИНА КЛИНОВА
ЕЛЕНА СИДОРОВА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье анализируется взаимосвязь современного всплеска инфляции в еврозоне в целом и во Франции в частности, проблем экономического роста и связанного с этим размывания покупательной способности населения. Показано, что всплеск инфляционных процессов начался ещё до геополитической напряжённости начала 2022 г. и был связан с масштабными пакетами государственной помощи населению и бизнесу как мерой по борьбе со спадом экономики, вызванным вспышкой новой коронавирусной инфекции COVID-19. Рост инфляции в конце 2021 г. имел в своей основе монетарную природу. Происходящее с инфляцией в 2022 году, когда ускорение инфляции стало приобретать смешанный монетарно-немонетарный характер, представляет собой более сложную картину. Инфляционная ситуация 2022 г. связана с геополитическими трансформациями, которые привели к росту цен на энергоносители и прочие сырьевые ресурсы. Инфляция подрывает перспективы экономического роста и размывает покупательную способность населения. Сделан вывод, что проводимая Европейским центральным банком антиинфляционная денежно-кредитная политика окажет воздействие на скорость инфляционных процессов, при этом в среднесрочной перспективе будут замедляться и темпы экономического роста, в стимулировании которых заинтересованы не только Франция, но и вся еврозона в целом. Между тем ситуация с динамикой доходов и покупательной способностью покажет хоть и положительную, но незначительную динамику. В статье рассмотрены меры по поддержке покупательной способности во Франции как одной из ведущих стран Европейского Союза, в которой государство обладает широким спектром возможностей поддержки экономики и активно его использует.

Ключевые слова:

экономика; инфляция; государственная экономическая политика; покупательная способность; Европейский центральный банк; еврозона; Франция.

2022 год ознаменовался для Европейского Союза и его государств-членов рядом острых проблем. Не во всех странах наблюдалось восстановление экономики достаточно динамичное, чтобы достичь допандемийного уровня производства. В числе

не достигших этого уровня – страны Южной Европы (наряду с Францией Греция, Испания, Португалия, Италия), а также Австрия, Германия, Словакия, Чехия. Остальные две трети стран ЕС показали лучшие результаты, часть которых связа-

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2022

Дата принятия к публикации: 03.10.2022

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: marina.v.klinova@gmail.com

на с эффектом низкой базы¹. Геополитическая напряжённость, связанная с началом боевых действий на Украине 24 февраля 2022 года, привела к резкому подъёму цен на сырьевые ресурсы, прежде всего энергоносители, что подстегнуло инфляцию свыше 8% по итогам года². Совокупность внешних и внутренних вызовов привела к снижению покупательной способности населения³.

В статье предпринимается попытка выявить и обосновать взаимосвязь и взаимозависимость актуальных социально-экономических проблем европейской экономики на примере Франции как крупнейшей страны-основательницы интеграционного объединения на основе системно-комплексного анализа ряда макроэкономических показателей. С учётом цели определить эту взаимосвязь в последующих разделах настоящей работы решаются три задачи: рассмотрение взаимосвязи инфляции и экономического роста; анализ ситуации с инфляцией в еврозоне и Франции; показаны меры, которые государство принимает для поддержки населения в условиях повышенного инфляционного фона.

Инфляция и экономический рост на фоне политических катаклизмов

Когда в 1992 г. Милтон Фридман сформулировал пять основных постулатов об инфляции, в первом из них утверждалось, что «инфляция всегда и везде представляет собой денежное явление...» [Friedman 1992: 49, 193]. В самом деле, формирование ин-

фляции выше целевого показателя Европейского центрального банка (ЕЦБ) в 2%⁴ в ЕС с 2017 года началось в соответствии с упомянутым тезисом. Антиковидные меры при сокращении объёма производства из-за локдауна, в результате которого функционирование глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) было нарушено, увеличили темпы прироста денежной массы по сравнению с товарной. Тем не менее в 2022 г. к монетарным добавились иные факторы, что позволяет говорить о возникновении годовой инфляции в том же году по совокупности причин, в том числе немонетарных.

Общепризнанное разделение факторов инфляции на монетарные и немонетарные на момент выхода настоящей статьи отсутствует. Представляется разумным использовать определение, предложенное специалистами Банка России. В нём немонетарные факторы инфляции обозначаются как «автономные», независимые от проводимой в среднесрочной перспективе (до 3 лет) денежно-кредитной политики⁵. Если распространить это определение на еврозону в составе 20 стран—членов ЕС⁶, то всё, что находится за пределами среднесрочного влияния денежно-кредитной политики ЕЦБ, можно отнести к немонетарным факторам.

Любое резкое изменение масштаба цен (как инфляция, так и дефляция) подрывает перспективы экономического роста. Годовая инфляция свыше 10% делает нецелесообразными долгосрочные инвестиции, которые служат залогом устойчивого раз-

¹ Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/database> (accessed: 08.12.2022).

² По итогам 2022 г., по оценке Еврокомиссии, инфляция в еврозоне составит 8,5%, в ЕС — 9,3% // Autumn 2022 Economic Forecast: The EU economy at a turning point. Brussels: European Commission, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6782 (accessed: 08.12.2022).

³ Ibid.

⁴ Two per cent inflation target. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/strategy/pricestab/html/index.en.html> (accessed: 05.12.2022).

⁵ (2017) О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности. М.: Банк России. С. 5, 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/25502/nfi.pdf> (accessed: 05.12.2022).

⁶ Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Эстония. С 1 января 2023 г. в состав еврозоны входит Хорватия.

вития экономики⁷. Проблемы, связанные с нехваткой объёмов долгосрочного инвестирования в еврозоне, начались задолго до вспышки новой коронавирусной инфекции COVID-19⁸. В этих условиях значение приобрела экономическая политика государства — не только денежно-кредитная, но и налогово-бюджетная. Превышение расходов государственного бюджета над доходами, особенно если оно сопровождается дополнительной эмиссией денежной массы, порождает инфляцию. Обратная ситуация соотношения доходов и расходов госбюджета способствует её снижению. В тактическом смысле низкие процентные ставки могут ускорить инфляционные процессы, в то время как высокие процентные ставки могут привести к снижению инфляции (вплоть до дефляции), ещё более подрывая стимулы экономического роста.

В стратегической перспективе, если повышение цен связано с удорожанием сырья и топлива и ослабление инфляции зависит от внедрения новейшей энергосберегающей техники, низкая процентная ставка может способствовать преодолению инфляционных тенденций. Подобные теоретические предположения подтверждаются практикой монетарной политики ЕЦБ: в сентябре 2022 г. было принято уже второе

за год решение о повышении трёх ключевых процентных ставок (в последнем случае на 75 базисных пунктов). По оценкам ЕЦБ, в тактической перспективе инфляцию удастся обуздать: её итоговые показатели в 2022 г. должны составить 8,1%, в 2023 году — 5,5, в 2024 году — 2,3%. Вместе с тем ожидается, что рост экономики будет оставаться вялым (соответственно 3,1, 0,9 и 1,9%), при этом покупательная способность из-за высоких цен на сырьё будет сокращаться⁹.

Для еврозоны и, в частности, Франции в конце второго десятилетия XXI века были характерны умеренные темпы инфляции ввиду политики наднационального денежно-кредитного органа — ЕЦБ, главной целью которой является поддержание стабильных цен в еврозоне¹⁰. Такая политика необходима для выполнения двух ключевых целей ЕС: обеспечения экономического роста и создания рабочих мест¹¹. Годовой прирост Гармонизированного индекса потребительских цен (ГИПЦ)¹², ключевого для еврозоны показателя стабильности цен, рассчитываемого по странам для международных сопоставлений потребительской инфляции, не должен превышать 2%¹³. В 2022 г. ситуация вышла из-под контроля ЕЦБ — но не по причинам

⁷ Об инфляции в XX и XXI веках с экскурсом в историю проблемы см. подробнее: [Меньшиков 1979; Никитин 1980; Кизилов, Сапов 2006; Урюпина 2009; Кузнецов 2017; Клинов, Сидоров 2019].

⁸ В частности, уже в 2014 г. была предпринята попытка решить эту проблему путём «плана Юнкера», в котором подчёркивался низкий уровень инвестирования в ЕС. Эта же проблема отмечалась во всех сопроводительных аналитических документах к этому плану. Investment plan for Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0903&from=EN>; <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/investment-plan/> (accessed: 14.12.2022).

⁹ Combined monetary policy decisions and statement (2022). Frankfurt am Main: European Central Bank; Lagarde Chr., Guindos L. de. Monetary policy statement. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/pressconf/shared/pdf/ecb.ds220908~1d17d49d04.en.pdf> (accessed: 05.12.2022).

¹⁰ Protocol (No. 4) on the Statute of the European System of Central Banks and of the European Central Bank. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 07.06.2016. P. 230. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN> (accessed: 08.12.2022).

¹¹ European Central Bank. Our objective. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/ecb/tasks/html/index.en.html> (accessed: 05.12.2022).

¹² Национальные статистические ведомства измеряют инфляцию с помощью показателя, отражающего изменение цен на ряд потребительских товаров и услуг повседневного спроса (700 в показателе, используемом Eurostat): хлеб, одежда, бытовая техника, парикмахерские услуги и др.

¹³ Measuring inflation — the Harmonised Index of Consumer Prices (HICP). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/stats/macroeconomic_and_sectoral/hicp/html/index.en.html (accessed: 05.12.2022).

Рисунок
Темпы инфляции и экономического роста в годовом выражении (прирост, %)

Примечание: темпы инфляции отражает левая ось, прироста ВВП — правая.

Источник: составлено авторами по данным Eurostat. HICP — monthly data (annual rate of change). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_cann/default/table?lang=en; GDP and main components (output, expenditure and income). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_GDP_custom_3455802/default/table?lang=en (accessed: 05.12.2022).

ошибок в проводимой им денежно-кредитной политики, а из-за экзогенных факторов, связанных с осложнением геополитической ситуации. Значительно превышены отмеченные ранее, в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, показатели инфляции, составившие 4%.

На рис. представлены темпы экономического роста и инфляции в виде прироста ГИПЦ в еврозоне в целом и во Франции в частности. В случае последней — являющейся наряду с ФРГ ведущей страной еврозоны и одной из основательниц интеграционного объединения — этот показа-

тель совпадает с общим приростом в еврозоне. Между тем в наиболее сложные для экономики периоды (кризисы 2008–2009 годов, суверенных долгов еврозоны 2011 года) ситуация в Пятой республике выглядела лучше, в том числе благодаря активной поддержке экономики со стороны государства, что делает эту страну более привлекательной и для инвестиций. Тем не менее одновременно увеличивались показатели и госдолга, что представляет уже другую проблему.

После кризиса 2008–2009 годов в еврозоне и, в частности, во Франции наблюдалась дефляция¹⁴ (–0,8%). В экспертных кру-

¹⁴ При дефляции наблюдается отложенный спрос, когда потребитель, видя падение цен, откладывает покупку товаров длительного пользования на более поздний срок, рассчитывая на ещё более выгодную для себя цену, а предприниматели откладывают инвестиции, что в совокупности создаёт угрозу не только для деловой активности, но и для экономики в целом, запуская так называемую дефляционную спираль.

гах вновь зазвучал знакомый со времён Великой депрессии 1929–1933 годов термин, который можно охарактеризовать как «массовое производство без массового потребления» [Boyer 2020: 8].

В 2021 г. экономика еврозоны демонстрировала противоположное явление — инфляцию, спровоцированную реализацией антиковидных мер экономической политики государств еврозоны. Данная инфляция имела монетарное происхождение: государственная поддержка производства и населения привела к увеличению количества денег в экономике и сопровождалась разрывом ГЦСС и последующим падением производства. С ней ЕЦБ боролся путём повышения процентной ставки.

В 2022 г. ускорение темпов инфляции было обусловлено уже немонетарными факторами, связанными с развернувшейся геополитической трансформацией после 24 февраля 2022 года. Последняя привела к росту цен на продовольствие и сырьевые ресурсы, в особенности на энергоносители — основные товарные группы, которые, как правило, обуславливают инфляцию. Повышение цен во многом стало ассоциироваться с военными действиями в Украине, то есть совокупностью факторов, находящихся за пределами ответственности ЕЦБ и носящих не экономический, а политический характер.

Крупные новейшие исследования доказывают, что эта проблема очередной раз выходит на первый план в научных дискуссиях. В частности, книга «Геополитика экономики», написанная Сильви Маттели, заместителем директора французского Института международных и стратегических отношений (IRIS), посвящена геополитическому измерению экономики, корреляции геополитики и экономического роста [Mattely 2021].

Схожие вопросы специалисты-международники поднимали и ранее. Начиная с основоположника теории политического реализма Ганса Моргентау, исследователи последовательно критиковали расчёты на стабилизирующее воздействие экономической взаимозависимости [Morgenthau

1948]. В частности, Кеннет Уолтц в классическом труде «Теория международной политики» подчёркивал ошибочность «экономической интерпретации мира», описание его «в рыночных терминах». К. Уолтц не считал, что растущая взаимозависимость «повышает шансы на мир». Напротив, он полагал, что тесная взаимозависимость и близость контактов повышают вероятность конфликтов: «Самые ожесточённые гражданские войны и самые кровопролитные войны между народами происходят в районах, населённых очень похожими людьми, чья деятельность тесно связана друг с другом». К. Уолтц был уверен, что функционирование экономик определяется рамками политических порядков, и выделял роль государства в этих процессах [Waltz 1979: 138–139, 142].

Уже в 2010-х годах Дейл Коупленд в книге «Экономическая взаимозависимость и война» на основе обширного исторического материала инициировал переосмысление вопроса, ставшего одним из ключевых разногласий между реалистами и либералами в теории международных отношений. Речь идёт об отношении между экономической взаимозависимостью и военными конфликтами. Исследование Коупленда утверждает, что истинное положение дел не так просто определить. Ключевой переменной, влияющей на вероятность конфликта, является не фактическое состояние, а ожидания относительно развития ситуации в будущем. Если ожидания пессимистичны (не только в отношении экономики и торговли как её части, но и в отношении перспектив безопасности), то вероятность конфликта повышается. Именно ожидания могут, как и раньше (в его работе рассматриваются события с 1790 года), иметь решающее значение для принятия стратегических решений [Copeland 2015: 248].

Признание взаимной обусловленности политических и экономических отношений также характерно для значительной части представителей международной политической экономии, начиная с Роберта Гилпина, Сьюзан Стрэндж и Стивена Краснера. Последний подчёркивал, что

экономические сделки не совершаются в «политическом вакууме», а правила игры в международных системах не являются непоколебимыми. Некоторые акторы заинтересованы и считают возможным нарушать эти правила [Krasner 2009: 36, 5. 6].

Р. Гилпин, напротив, считал, что «растущая взаимозависимость национальных экономик сделала юридические, политические и структурные различия между национальными обществами... зачастую источником напряжённости и периодических политических конфликтов» [Gilpin 2001: 195].

Исследовательница С. Стрэндж, в свою очередь, также не исключала насилия между теми, кто находился «в одной лодке». Она задалась традиционным, но до сих пор остающимся без ответа вопросом: почему национальные государства продолжают вести войны, когда совершенно ясно, что экономические выгоды от вооружённого конфликта никогда не покроют связанные с ней экономические затраты [Strange 1988: 4, 11].

В своей работе С. Мателли обозначила ряд современных проблем задолго до американского политического аналитика Фарида Закарии, который в марте 2022 г. отреагировал на военные действия в Украине утверждением, что в новых условиях проблемы безопасности отодвинули на задний план соображения приоритетности экономического роста¹⁵. Мателли интересовал вопрос о том, можно ли разделять геополитику и экономику: долгое время они рассматривались параллельно. На этот счёт она давала отрицательный ответ. Экономика, которая определяет ход нашей жизни, «не может быть отделена от всего остального» — геополитика и экономика тесно взаимосвязаны [Mattely 2021: 7].

Можно сказать, что С. Мателли развивает тезис С. Стрэндж: невозможно обладать политической властью без возможности «осуществлять закупки, управлять производством, привлекать капиталы», как не-

возможно обладать экономической властью без политической [Strange 1988: 25]. Между тем подобные взаимосвязи осложняют проведение эффективной экономической политики, если она всё больше определяется внешними факторами.

Экономика не может не реагировать на политические потрясения. Американский финансист Кеннет Кёртис в начале 2000-х годов писал о такой роли политики, как «объяснение каждому гражданину перспектив будущего». Под этой фразой он понимал следующее. «Если мы начинаем изменения, каковы при этом риски», и следует проводить политику, которая позволяет «уверенно брать риск на себя [государство], чтобы преодолевать препятствия на пути иногда значительных изменений» [Mondialisation... 2001: 55–56].

Современный этап глобализации начинающаяся приблизительно с 1990-х годов характеризуется широким применением разнотипной «мягкой силы», которая включает в себя различные составляющие, за исключением военного принуждения, в борьбе за рынки, за рост ВВП, то есть за производство товаров и услуг, национального богатства¹⁶. Мощным фактором создания и умножения последнего выступает конкуренция. Тем не менее глобальная экономическая политика в XXI веке характеризуется расширением специальных экономических мер, нацеленных, как предполагалось их инициаторами, на предотвращение военных конфликтов, поскольку именно экономика и создаваемые в ней материальные и нематериальные блага служат основой для ведения боевых действий. Практика показала, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах эффективность обмена экономическими санкциями весьма сомнительна [Клинова, Сидорова 2014].

В условиях смены принятой научным сообществом политической и геоэкономической модели возрастает значение проводи-

¹⁵ «Nous assistons à la fin de la “pax americana”. La Russie, qui dispose du plus grand arsenal nucléaire au monde, défie l'Amérique de manière frontale». Propos recueillis par Marc-Olivier Bherer. [Электронный ресурс] // Le Monde. 02.05.2022. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/05/02/guerre-en-ukraine-nous-avons-quitte-l-ancien-monde-dans-lequel-l-economie-a-pendant-trente-ans-domine-le-politique_6124404_3232.html (accessed: 03.05.2022).

мого государством курса. На сегодняшний день по объективным причинам в странах ЕС он носит антиинфляционный характер и направлен на замедление темпов прироста общего уровня цен, преимущественно, инструментами денежно-кредитной политики. Тем не менее страны еврозоны и, в частности, Франция лишены возможности применять совокупность денежно-кредитных мер. Последние переданы на наднациональный уровень в ведение ЕЦБ, что сужает возможности национальных государств.

При этом в контексте политических потрясений роль государства усиливается, укрепляются его связи с негосударственными хозяйственными субъектами внутри страны и на международном уровне, усиливается его социальная ответственность за поддержку экономики и населения. С другой стороны, у государства было больше возможностей для манёвра, когда экономика не была настолько глобальной — как в последней четверти XX века. Правительства европейских государств могли действовать путём изменения налогового бремени, сдерживания роста реальных зарплат, проведения обособленной политики «европейской конкурентной дезинфляции»¹⁷, снижения издержек производства.

К началу 2020-х годов, после делокализации¹⁸ и налаживания ГЦСС с углублённой специализацией производства и инвестиций, дальнейшее снижение издержек не представляется возможным. В этих условиях, когда зависимость может обернуться уязвимостью, развиваемая государствами-членами ЕС, в том числе Францией, тема промышленного суверенитета, техноло-

гической автономии, укрепления позиций и продвижения интересов европейского крупного бизнеса («европейских чемпионов») стала общеевропейской и приобрела характер борьбы за европейскую стратегическую автономию [Cohen 2022].

Природа инфляции в еврозоне и во Франции и роль государства

Существуют две основные точки зрения на современную инфляцию. Согласно одной, инфляционный рост цен считается порождением национальной экономики, согласно другой — проблемой, привнесённой извне. Конкурирующие объяснения предполагают различные пути решения существующих проблем.

В первом случае инфляцию считают внутренней проблемой, порождаемой самими работниками и профсоюзами, требующими повышения зарплаты. Работники, ощущающие нехватку доходов, вынуждены прибегать к дополнительной форме занятости на ещё одной работе. Во Франции, согласно ст. L3231-5 Трудового кодекса, если национальный индекс потребительских цен увеличивается не менее чем на 2% по отношению к индексу, действовавшему на момент ранее установленной минимальной зарплаты (SMIC), последняя повышается в той же пропорции с первого дня месяца, следующего за публикацией индекса¹⁹. Индексация зарплат по уровню инфляции может усугубить положение²⁰, ещё больше разгоняя инфляцию, что, например, происходит и в Бельгии (табл.). Раскручивание инфляционной спирали ведёт к росту издержек производства, тем

¹⁶ О дискуссионном понятии «мягкая сила» см.: [Торкунов 1999; Байков 2014; Леонова 2015; Юдин 2015 и др.].

¹⁷ Дезинфляция — процесс снижения инфляции. Конкурентная дезинфляция — политический термин, означающий проведение политики дезинфляции, что повышает конкурентоспособность отечественных производителей внутри страны и на внешних рынках [Creel, Le Cacheux 2006].

¹⁸ Имеется в виду перемещение производства в страны с меньшими издержками производства.

¹⁹ Code du travail. Dernière modification le 02 décembre 2022. Document généré le 04 décembre 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/legiOrKali?id=LEGITEXT0000006072050.pdf&size=6,8%20Mo&pathToFile=/LEGI/TEXT/00/00/06/07/20/50/LEGITEXT0000006072050/LEGITEXT0000006072050.pdf&title=Code%20du%20travail> (accessed: 05.12.2022).

²⁰ В этом случае инфляция будет размывать все доходы, получаемые от дополнительной занятости.

самым приближая кризис. В 2022 г. впервые за десять лет во Франции трижды повышали минимальную зарплату — на 0,9% в январе, на 2,65% в мае, на 2,01% в августе²¹. При полном рабочем дне уровень реальной минимальной зарплаты был повышен с 1302,64 до 1329,06 евро²².

Во втором случае инфляцию можно считать «импортированным» явлением, связанным с общехозяйственной конъюнктурой за пределами страны. Например, рост мировых цен на стратегическое сырьё, в частности алюминиевые листы²³ или титан, влияет на инфляционные процессы во Франции. На рост этих цен обратил внимание председатель объединения работодателей Франции *MEDEF*²⁴ Жоффруа Руде Безье. Именно эти виды сырья обеспечивают функционирование ряда стратегических высокотехнологичных отраслей. От них, в частности, зависит авиакосмический комплекс, насчитывающий большое количество рабочих мест. «Привнесённой» считает инфляцию и С. Маттели. Таким образом, инфляция представляет собой комплексное, многофакторное явление, поскольку ощущается влияние эндогенных и экзогенных факторов.

Согласно оценкам экономиста Сильве-на Берсенжера из Центра экономического анализа *Asterès*, рост цен на энергоносители отражается на всей экономике через издержки производства²⁵. Дальнейший рост издержек производства и, соответственно, цен на готовую продукцию усугубляется отказом от российских энергоносителей, связанным не с экономическими причинами, а с введением санкций ЕС против России после 24 февраля 2022 г. Объявленный правительством Франции план «энергетической умеренности» (*plan de sobriété énergétique*) направлен на экономию и энергии, и финансовых средств потребителей²⁶.

Министр экономики, финансов, промышленного и цифрового суверенитета Франции Бруно Лё Мэр подчёркивает роль государства в «смягчении ударов»²⁷, в том числе инфляционных — в отношении роста цен на энергоресурсы и продукты первой необходимости. По данным Евростата, в апреле 2022 г. инфляция за годовой период во Франции впервые за 37 лет выросла на 5,4%. В мае она достигла 5,8%, в июне — 6,5, в июле — уже 6,8%. Среди основных инфляционных факторов — окончание санитарного кризиса²⁸.

²¹ Arrêté du 19 avril 2022 relatif au relèvement du salaire minimum de croissance. [Электронный ресурс] // JORF. n°0092. Texten° 11. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000045602317> (accessed: 20.04.2022); Revalorisation du SMIC dès le 1er août 2022 [Электронный ресурс] // CINOV. URL: <https://www.cinov.fr/actualites/revalorisation-du-smic-des-le-1er-aout-2022> (accessed: 19.07.2022).

²² Hausse du smic, livret A doublé... Tout ce qui change au 1er août. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gouvernement.fr/actualite/hausse-du-smic-du-livret-depargne-populaire-ce-qui-change-au-1er-aout-2022> (accessed: 02.08.2022).

²³ *Locurcio L.* L'optimisme sans faille du président du Medef. [Электронный ресурс] // Matot-Braine. 13.04.2022. URL: <https://matot-braine.fr/au-sommaire/entreprises/l-optimisme-sans-faille-du-president-du-medef> (accessed: 05.12.2022).

²⁴ Mouvement des entreprises de France, MEDEF.

²⁵ См.: *Sayagh J.* (2022). L'inflation en France dépasse les 5%: ce qu'il faut savoir [Электронный ресурс] // Ouest-France. 31.05. URL: <https://www.ouest-france.fr/economie/commerce/prix/l-inflation-culmine-a-5-2-en-mai-jusqu-ou-ira-la-hausse-2beafc8c-e041-11ec-b2a8-056c7579e285> (accessed: 31.05.2022).

²⁶ *Bersinger S.* (2022). Plan de sobriété énergétique: jusqu'à 1300€ de gains de pouvoir d'achat pour les ménages [Электронный ресурс] // Asterès. 07.10. URL: <https://asteres.fr/plan-de-sobriete-energetique-jusqua-1300e-de-gains-de-pouvoir-dachat-pour-les-menages/> (accessed: 05.12.2022).

²⁷ Цит. по: *Paul L.* (2022). Bruno Le Maire table sur une sortie «du pic d'inflation fin 2023» [Электронный ресурс] // BFM TV. 31.06. URL: https://www.bfmtv.com/economie/economie-social/france/bruno-le-maire-table-sur-une-sortie-du-pic-d-inflation-fin-2023_AV-202205310661.html (accessed: 31.05.2022).

²⁸ Термин, введённый президентом Франции Э. Макроном для обозначения последствий COVID-19.

Таблица
Темпы инфляции по ГИПЦ³¹ (%)

Страна	Июль 2021	Февраль 2022	Март 2022	Апрель 2022	Май 2022	Июнь 2022	Июль 2022*
Франция	1,5	4,2	5,1	5,4	5,8	6,5	6,8
Германия	3,1	5,5	7,6	7,8	8,7	8,2	8,5
Италия	1,0	6,2	6,8	6,3	7,3	8,5	8,4
Бельгия	1,4	9,5	9,3	9,3	9,9	10,5	10,4
Нидерланды	1,4	7,3	11,7	11,2	10,2	9,9	11,6
Люксембург	3,3	7,8	7,9	9,0	9,1	10,3	9,3
Испания	2,9	7,6	9,8	8,3	8,5	10,0	10,8
Португалия	1,1	4,4	5,5	7,4	8,1	9,0	9,4
Австрия	2,8	5,5	6,6	7,1	7,7	8,7	9,3
Ирландия	2,2	5,7	6,9	7,3	8,3	9,6	9,6
Финляндия	1,8	4,4	5,8	5,8	7,1	8,1	7,9

*оценка.

Источник: Le taux d'inflation annuel de la zone euro en hausse à 8,9%. [Электронный ресурс]. Eurostat. URL: b7328647-18aa-9e03-0516-4f0cf56de755 (europa.eu) (accessed: 29.07.2022).

Отметим, что инфляция во Франции в 6,8% на середину 2022 г. была одной из самых низких из стран еврозоны (см. табл.). Ниже этот показатель наблюдался только на Мальте в 6,5%, в то время как в ФРГ он составил 8,5%, а в целом по еврозоне — 8,9%²⁹. По данным Национального института статистики и экономических исследований (*INSEE*)³⁰, в июле 2022 г. инфляция достигла во Франции рекордных с ноября 1985 г. размеров. По оценкам Евростата, у соседей Франции по еврозоне положение с темпами инфляции хуже: у Нидерландов — 11,6%, Люксембурга — 9,3%. Из шести стран-основательниц ЕС у Франции ситуация наилучшая — как в сравнении с Испанией, крупной экономикой Южной Европы, так и с Австрией из стран Центральной Европы. Стоит подчеркнуть, что в еврозоне борьба с инфляцией началась ещё до обострения украинского конфликта в феврале 2022 года, и ЕЦБ проводил обо-

снованную антиинфляционную политику против монетарной инфляции.

Инфляция в еврозоне многократно превысила установленный ЕЦБ целевой показатель в менее 2%. В 2022 г. ЕЦБ был вынужден уже дважды повысить свои основные процентные ставки: в середине года была повышена до 0,5, а осенью — уже до 1,25%. Подобные меры призваны снизить объёмы выдаваемых кредитов, но цены могут вырасти с одновременным замедлением деловой активности. Не исключён и очередной долговой кризис еврозоны, тем более что в ряде крупных европейских экономик проблемы с государственным долгом не решались в течение десятилетия. Тем не менее, когда инфляция, как в 2022 году, приобрела смешанный монетарно-немонетарный характер, сугубо монетарные методы ЕЦБ могут оказаться не в полной мере эффективными, хотя в краткосрочном периоде и будут иметь некоторое влияние.

²⁹ Le taux d'inflation annuel de la zone euro en hausse à 8,9%. [Электронный ресурс] // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14644650/2-29072022-AP-FR.pdf/b7328647-18aa-9e03-0516-4f0cf56de755?t=1659018438819> (accessed: 29.07.2022).

³⁰ En juillet 2022, les prix à la consommation augmentent de 6,1 % sur un an. [Электронный ресурс] // INSEE. 29.07.2022. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6479967> (accessed: 31.08.2022).

³¹ Признан Европейским центральным банком и Европейской системой центральных банков.

По оценкам *INSEE*, инфляция в июле 2022 г. на 28,7% была связана с ростом цен на энергоресурсы. Этот показатель оставил далеко позади другие, в частности рост цен на продовольствие (6,7%)³². Среди европейских экономистов возникли опасения потери контроля над инфляцией³³. Вместе с тем рекомендаций, как управлять импортированными инфляционными процессами, они не дали. Подобная точка зрения представляется алармистской.

Во многом проблемы экономики (не только во Франции) связаны с настроениями населения и бизнеса. Инфляция снижает доверие к сбережениям, инвестициям и, следовательно, к будущему. Семь месяцев подряд индикатор *INSEE*, измеряющий ощущение уверенности среди домохозяйств, падал до 80 пунктов в июле 2022 года, что ниже среднего значения за длительный период (100 пунктов с января 1987 по декабрь 2021)³⁴. Домохозяйства настроены пессимистично как в отношении перспектив, так и в отношении возможности совершать крупные покупки. Потребители ощущают не только рост цен, но и падение реальных доходов. Они вынуждены менять свои привычки, стиль жизни. По данным социологических опросов, примерно 6 из 10 охваченных исследованием французов сэкономили даже на приобретении гигиенических товаров³⁵.

Хотя во Франции ситуация с занятостью населения после пика безработицы почти в 9%, связанного с COVID-19, не катастрофична, существует риск роста безработицы с возможным дальнейшим падением реальных доходов. Население стало больше откладывать сбережений из опасений усугубления экономической ситуации. В еврозоне в целом уже в 4-м квартале 2021 г. были отрицательные темпы прироста реального располагаемого дохода (-0,7%) и потребления (-0,9%). Соответственно по ЕС показатели составили -0,6% и -0,8%. В 1-м квартале 2022 г. по еврозоне -0,5% и -0,6%, а по ЕС показатели те же, что и в 4-м квартале 2021 г. Во Франции темпы прироста личного потребления снизились (-0,4%), а валовой располагаемый доход составил -0,5%³⁶.

Дополнительной проблемой для государств, входящих в еврозону, может стать обязательство привести экономику в соответствие с Маастрихтскими критериями: дефицит госбюджета не более 3% и госдолг 60%³⁷. Тем не менее в период пандемии COVID-19 Европейская комиссия предоставила государствам-членам право обходить эти ограничения, определённые договорами ЕС. По окончании периода отсрочки страны будут вынуждены проводить сдерживающую бюджетно-налоговую политику, в том числе путём снижения реаль-

³² En juillet 2022, les prix à la consommation augmentent de 6,1% sur un an. [Электронный ресурс] // INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6479967#:~:text=Sur%20un%20an%2C%20selon%20l%2C8%20%25%20le%20mois%20pr%2C3%A9c%2C3%A9dent> (accessed: 29.07.2022).

³³ Inflation: «On est en train de perdre le contrôle», s'alarme l'économiste Patrick Artus. [Электронный ресурс] // L'Expansion. 09.06.2022. URL: https://lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/inflation-on-est-en-train-de-perdre-le-controle-s-alarme-l-economiste-patrick-artus_2174876.html (accessed: 09.06.2022).

³⁴ En juillet 2022, la confiance des ménages baisse pour le septième mois consécutif. [Электронный ресурс] // INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6478226> (accessed: 09.07.2022).

³⁵ Produits d'hygiène: essentiels, et pourtant... [Электронный ресурс] // Observatoire E. Leclerc des Nouvelles Consommations. 24–25.03.2022. URL: <https://nouvellesconso.leclerc/hygiene-essentiel-budget/> (accessed: 25.05.2022).

³⁶ Household real consumption per capita decreases in both euro area and EU. [Электронный ресурс] // Eurostat. P. 6, 7. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14909519/2-27072022-AP-EN.pdf/58e72ada-0222-8f69-a437-2840ced5e3e3> (accessed: 27.07.2022).

³⁷ Protocol (No. 12) on the excessive deficit procedure / Consolidated version of the Treaty on the functioning of the European Union. [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (accessed: 05.12.2022).

ной зарплаты и внутреннего спроса, что отрицательно повлияет на занятость [Сидоров 2014; 2019] и неизбежно приведёт к росту безработицы. Этот прогноз подтверждается европейским опытом последних лет.

В еврозоне и, в частности, во Франции сформировалось опасное сочетание ряда социально-экономических проблем, когда решение одной неизбежно ухудшает ситуацию с другими. Например, если бороться с высокой инфляцией, это может привести к замедлению экономической активности. Если же, напротив, стимулировать промышленное производство (и повысить занятость), то это может ускорить инфляцию. Выход из складывающегося положения дел следующий: либо государство жертвует одним, чтобы быстро решить другую проблему (как это уже неоднократно наблюдалось в развитых странах, когда следовали монетарным концепциям в экономической политике), либо пытается применить совершенно новые подходы, которые только предстоит разработать.

Борьба с инфляцией во Франции

В условиях стремительного повышения цен французское правительство может защитить население и поддержать покупательную способность, но ему придётся выбирать между инфляцией и ростом, который пока сохраняется благодаря имеющимся резервам в ряде отраслей. В 1-м квартале 2022 г. ВВП Франции снизился на 0,2%, как и валовой располагаемый доход домашних хозяйств (ВРД, 0,5%)³⁸.

Для Франции в XXI веке был характерен относительно высокий по меркам еврозоны рост душевого дохода. В 1995–2020 годах реальный чистый располагаемый доход на душу населения (в постоянных ценах в евро 2020 года)³⁹ увеличивался в стране в среднем на 0,8%. За последние четверть века это один из самых высоких показателей среди шести

крупнейших стран еврозоны. Он уступает Нидерландам (1,1%), равен Испании и немного опережает Германию (0,7%).

По оценкам экспертов Французского центра обзора экономической конъюнктуры (*OFCE*), потери покупательной способности могут оказаться самыми существенными за десятилетие и составить 0,5–0,8% из-за избыточной инфляции, которая превратилась в ключевую проблему экономики. Снижение покупательной способности и, соответственно, потребления коснётся 60% домохозяйств. Государство пытается решить эту проблему: по меньшей мере треть домохозяйств получит «хорошую компенсацию» [Madec, Plane, Sampognaro 2022: 4, 39]. Невзирая на масштабную помощь государства, наряду со снижением покупательной способности продолжает углубляться неравенство, усиленное пандемией COVID-19 [Лапина 2022: 9].

Для поддержания покупательной способности домашних хозяйств государство во Франции принимает меры, которые должны увеличить покупательную способность на 3 процентных пункта по сравнению с ситуацией, если бы правительство ничего не предпринимало. В сочетании с уже принятыми мерами с начала 2022 года, в частности замораживанием цен на газ, ограничением роста цен на электроэнергию, скидкой на топливо с 1 апреля 2022 года, показатель покупательной способности может стабилизироваться.

Не стоит забывать, что поддержка государства является частичной и предназначена преимущественно для наименее обеспеченных слоёв населения. С учётом ограниченной возможности государства оплачивать эти решения будет будущий налогоплательщик. В итоге в первой половине 2022 г. на фоне роста валового располагаемого дохода домашних хозяйств (ВРД) в текущих ценах во 2-м квартале на

³⁸ Au premier trimestre 2022, le PIB se replie légèrement (–0,2%), le pouvoir d'achat du RDB des ménages par unité de consommation recule nettement (–1,9%). [Электронный ресурс] / INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6448919> (accessed: 27.07.2022).

³⁹ Здесь используется обычно применяемый для европейских сравнений дефлятор — публикуемый в Eurostat гармонизированный индекс потребительских цен.

0,8% покупательная способность домашних хозяйств снижалась. В первом триместре 2022 г. она снизилась на 1,6%, а во втором — на 1,1%⁴⁰.

После парламентских выборов июня 2022 г. во Франции был подготовлен законопроект о чрезвычайных мерах по защите покупательной способности с подробным описанием механизмов их реализации на более чем 200 страницах. Уже в августе 2022 г. предложенные меры одобрило Национальное собрание. Их представили Совету министров три ключевых министра, отвечающих за экономический блок: экономики; труда, полной занятости и интеграции; энергетического перехода.

Среди основных реактивных мер, направленных на смягчение удара инфляции по бюджету домохозяйств, — индексация пенсий, семейных пособий и социальных минимумов, ограничение роста арендной платы в течение одного года, меры по энергобезопасности и др. Текст состоит из четырёх блоков: защита уровня жизни французов (ст. 1–6), защита потребителя (ст. 7–9), энергетический суверенитет (ст. 10–19), положения об автомобильных перевозках товаров (ст. 20)⁴¹. По количеству статей, отведённых каждой проблеме, становится ясным, что приоритетная из них — энергетика (10 из 20 статей).

Ранее в числе правительственных мер и, соответственно, государственных расходов на поддержку покупательной способности населения упоминались продление скидки в 0,18 евро на топливо (с постепенным снижением до 0,12, затем 0,6 евро и отменой к концу 2022 года⁴²), продуктовый чек на 100 евро (расходы бюджета в 1 млрд евро). Будет осуществлена переоценка индексных баллов госслужащим⁴³ (7 млрд евро), увеличены социальные пособия — пенсии, гарантированный минимальный доход в форме «активного солидарного дохода» (RSA)⁴⁴, предоставлены жилищные субсидии, которые обойдутся также в 7 млрд евро.

Общая сумма расходов может к концу 2022 г. достичь 50 млрд евро, а госдолг — огромной суммы 2,9 трлн евро⁴⁵, приближаясь к 115% ВВП — самому высокому показателю за всю историю, что почти на 20 п. п. выше, чем в 2019 году. Вопрос сокращения государственного долга вернулся во французскую политическую повестку дня⁴⁶. Наименее обеспеченным домохозяйствам с учётом количества детей предусмотрены прямые разовые выплаты в 100 евро и дополнительно 50 евро на ребёнка. Получается 200 евро, если в семье двое детей. При реализации этих мер в 2022 г. дефицит государственного бюджета может достичь 5% ВВП⁴⁷.

⁴⁰ Au deuxième trimestre 2022, le PIB rebondit (+0,5 %) tandis que le pouvoir d'achat du RDB des ménages par unité de consommation recule de nouveau (–1,2 %). [Электронный ресурс] / INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6523838> (accessed: 20.09.2022).

⁴¹ Projet de loi portant mesures d'urgence pour la protection du pouvoir d'achat. 6 juillet 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/116b0019_projet-loi.pdf (accessed: 20.09.2022).

⁴² Эту меру заменит скидка для семей с низким уровнем доходов, активно пользующихся личным автотранспортом.

⁴³ Используются для расчёта зарплаты и соответствуют уровню, классу, должности госслужащего.

⁴⁴ Активного — в смысле стимулирующего получателя к активным поискам работы. — Прим. авт.

⁴⁵ Pouvoir d'achat: une addition à 50 milliards d'euros pour les mesures du gouvernement. [Электронный ресурс] // FranceTVinfo. URL: https://www.francetvinfo.fr/economie/pouvoir-achat/pouvoir-dachat-une-addition-a-50-milliards-deuros-pour-les-mesures-du-gouvernement_5228590.html (дата обращения: 30.06.2022).

⁴⁶ Bourgerie Th. Sovereign debt level causes new political headache in France. [Электронный ресурс] // EURACTIV. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/sovereign-debt-level-causes-new-political-headache-in-france/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁴⁷ Protéger le pouvoir d'achat des Français: un engagement du Gouvernement. Propositions (2022). [Электронный ресурс]. Paris. Service de presse de Matignon. 07.07. 38 p. URL: <https://www.gouvernement.fr/upload/media/content/0001/03/3310b880c99a18953eccf74110334da0d47d0009.pdf> (accessed: 20.09.2022).

Для решения проблемы правительство 7 июля 2022 г. представило к обсуждению документ «Защитить покупательную способность французов: обязательства правительства» с описанием льгот для трёх типов домохозяйств: неполной семьи с ребёнком, пары госслужащих с двумя детьми и пары работников частного сектора без детей на иждивении⁴⁸.

В числе государственных мер по поддержке покупательной способности населения предусмотрены: переоценка на 4% базовой пенсии и социальных пособий, повышение на 3,5% индексного балла заработной платы для госслужащих (самое серьёзное увеличение за 37 лет), компенсация затрат на горючее для автомобилей семьям с низким уровнем доходов, государственная поддержка приобретения нового электромобиля (может достигать 12 тыс. евро в виде субсидий на его покупку) и др. Отдельно выделены меры поддержки домохозяйств при резком повышении цен на газ⁴⁹.

В ноябре 2022 г. было объявлено о создании специального фонда в размере 60 млн евро для долговременной поддержки продуктового потребления уязвимым хозяйствам⁵⁰. В 2023 г. государство собирается

выделить суммарно 1,1 млрд евро для компенсации примерно 9 млн хозяйствам так называемого продуктового чека в виде единовременного перевода на банковский счёт⁵¹. Тем не менее, как подчеркнул Б. Лё Мэр, правительство Франции хотело бы, чтобы государственные деньги использовались для покупок отечественных продуктов с целью поддержки французских производителей.

По оценкам «60 миллионов потребителей» — журнала, издаваемого государственной организацией Национальный институт потребителей (INC), — домохозяйствам Франции в среднем ежемесячно может потребоваться 90 евро, чтобы компенсировать рост цен (из них 30 евро — на товары первой необходимости)⁵². Растут цены на продовольствие, транспорт, материалы, отопление. По данным французского Института исследований и инноваций (IRI), на макароны, муку, мясо цены выросли в среднем на 10%⁵³. Затронуты 94% товаров широкого потребления⁵⁴. Примечательно, что самые крупные расходы приходятся на энергию⁵⁵, которая так или иначе заложена во всех вышеупомянутых товарах и услугах.

⁴⁸ Protéger le pouvoir d'achat des Français: un engagement du Gouvernement. Propositions (2022). [Электронный ресурс]. Paris. Service de presse de Matignon. 07.07. 38 p. URL: <https://www.gouvernement.fr/upload/media/content/0001/03/3310b880c99a18953eccf74110334da0d47d0009.pdf> (accessed: 20.09.2022). P. 3.

⁴⁹ Ibid. P. 21, 15, 14, 18.

⁵⁰ Un "fonds pour une aide alimentaire durable", doté de 60 millions d'euros en 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banquedesterritoires.fr/un-fonds-pour-une-aide-alimentaire-durable-dote-de-60-millions-deuros-en-2023> (accessed: 05.12.2022)

⁵¹ Chèque alimentaire: quand va-t-il être mis en place? [Электронный ресурс]. URL: <https://cuisine.journaldesfemmes.fr/gastronomie/2810199-cheque-alimentaire-quand-va-t-il-etre-mis-en-place/> (accessed: 08.06.2022).

⁵² Inflation: un surcoût de 90 € chaque mois pour les ménages. [Электронный ресурс] // 60 Millions de Consommateurs. URL: <https://www.60millions-mag.com/2022/05/31/inflation-un-surcout-de-90-eu-chaque-mois-pour-les-menages-20073> (accessed: 20.09.2022).

⁵³ Pouvoir d'achat: les prix des aliments plombent toujours plus le portefeuille des Français. [Электронный ресурс] // Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/economie/consommation/pouvoir-dachat-les-prix-des-aliments-plombent-toujours-plus-le-portefeuille-des-francais-31-05-2022-6E7B3DKBLJFMXNSIUHCTLHB5A.php> (accessed: 31.05.2022).

⁵⁴ Fay P. (2022). L'inflation, à tous les rayons. [Электронный ресурс] // Les Echos. 18.05. URL: <https://www.lesechos.fr/economie-france/conjoncture/inflation-a-tous-les-rayons-1407928#:~:text=La%20distribution%20enregistre%20des%20hausse,caf%20les%20viandes%20etc> (accessed: 20.09.2022).

⁵⁵ Inflation: un surcoût de 90 € chaque mois pour les ménages. [Электронный ресурс] // 60 Millions de consommateurs. URL: <https://www.60millions-mag.com/2022/05/31/inflation-un-surcout-de-90-eu-chaque-mois-pour-les-menages-20073> (accessed: 31.05.2022).

Предстоящее с 1 января 2023 г. адресное повышение тарифов на электричество и газ «для тех, кто может себе это позволить», то есть в зависимости от доходов, сравнимо с открытием «ящика Пандоры», так как такой подход с «изменяемой геометрией» усиливает неравенство, дискриминацию⁵⁶, «общество двух скоростей»⁵⁷ (по аналогии с разными скоростями интеграции для разных стран ЕС. — *Прим. авт.*). Подобный механизм может стать привлекательным для руководства не только Франции, но и других государств-членов ЕС, где правительства вынуждены решать схожие проблемы. В итоге, по мнению правоцентристской партии «Республиканцы», финансовое бремя ляжет на средний класс. Как отмечал известный французский экономист и политик Жак Аттали, начиная с 2005 г. доходы среднего класса до уплаты налогов и платежей в развитых странах повсюду стагнировали или снижались [Attali 2016: 62].

Оппозиция во Франции вносит собственные предложения о мерах по поддержке покупательной способности. Представитель крайне левых Жан-Люк Меланшон предложил заморозить цены на товары первой необходимости, поднять уровень минимальной зарплаты до 1500 евро, индексировать пенсии по уровню инфляции, а также индексировать зарплату госслужащим не на 3,5%, а на 10%. Одно такое популистское решение обошлось бы госбюджету в 20 млрд

евро⁵⁸. Разумеется, намеченная индексация не перекрывает инфляции (разница составляет 2,3 п. п.). Более того, она дополнительно увеличит и без того значительный дефицит государственного бюджета.

Представитель крайне правых Марин Ле Пен предлагала снизить НДС с 20 до 5,5% на энергетические товары и даже ввести 0% НДС на сто товаров первой необходимости. Этот рецепт, такой же популистский, как и у Ж.-Л. Меланшона, не решит проблему, но лишит государство доходов, необходимых на неотложные антикризисные меры. М. Ле Пен также указала на необходимость скорейшего принятия правительственных мер по поддержанию покупательной способности. Тем не менее она подчеркнула, что правительство стремится создать ощущение, что оно «дарит подарки», тогда как «на самом деле оно не покрывает прошлые убытки последних пяти лет и те, которые возникнут вследствие инфляции»⁵⁹.

Итак, крайне левые предлагают увеличить расходы государства, а крайне правые — сократить доходы государства, что в любом случае подрывает возможности проведения экономической политики. В целом оппозиция во Франции ратует за комплекс мер общей стоимостью 100 млрд евро (путём снижения налогов при увеличении госрасходов), что эквивалентно 4% ВВП и идёт в дополнение к предложенным правительством 20 млрд евро⁶⁰.

⁵⁶ Lenoir B. (2022). «Avec son bouclier tarifaire à géométrie variable, Bruno Le Maire ouvre une boîte de Pandore». [Электронный ресурс] // Le Figaro. 13.07. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/economie/avec-son-bouclier-tarifaire-a-geometrie-variable-bruno-le-maire-ouvre-un-boite-de-pandore-20220713> (accessed: 13.07.2022).

⁵⁷ Gaz et électricité: LR "se battra" contre le remplacement du bouclier tarifaire par des aides ciblées, envisagé par le gouvernement. [Электронный ресурс] // Franceinfo. URL: https://www.francetvinfo.fr/politique/les-republicains/gaz-et-electricite-lr-se-battra-contre-le-remplacement-du-bouclier-tarifaire-par-des-aides-ciblees-envisage-par-le-gouvernement_5249887.html (accessed: 11.07.2022).

⁵⁸ Semeraro J.-V. (2022). Augmenter les fonctionnaires de 10%: ce que coûterait la mesure choc de la Nupes // Capital. 06.07. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.capital.fr/votre-argent/augmenter-les-fonctionnaires-de-10-ce-que-couterait-la-mesure-choc-de-la-nupes-1440945> (accessed: 06.07.2022).

⁵⁹ Pouvoir d'achat: Le Pen (RN) "veut" que le texte soit voté. [Электронный ресурс] // France 24/AFP. URL: <https://www.france24.com/fr/info-en-continuu/20220707-pouvoir-d-achat-le-pen-rn-veut-que-le-texte-soit-vot%C3%A9> (accessed: 07.07.2022).

⁶⁰ Vignaud M. (2022). Pouvoir d'achat: 1 milliard de marge pour la discussion parlementaire. [Электронный ресурс] // Le Point. 13.07. URL: https://www.lepoint.fr/politique/pouvoir-d-achat-1-milliard-de-marge-pour-la-discussion-parlementaire-13-07-2022-2483167_20.php (accessed: 13.07.2022).

* * *

Экономическую ситуацию в еврозоне и, в частности, во Франции можно охарактеризовать как не катастрофическую, но достаточно сложную, поскольку к существующим внутренним проблемам прибавились внешние вызовы, усложняющие европейский экономический ландшафт. Подобные вызовы находятся вне пределов прямого влияния общеевропейских структур и затрудняют проведение эффективной экономической политики.

Усиление геополитических и иных внешних потрясений не обязательно ведёт к рецессии, а скорее может спровоцировать стагфляцию. По крайней мере, налицо резкая интенсификация инфляционных процессов в сочетании с недостаточно динамичным экономическим ростом. Есть основания полагать, что в случае реализации антиинфляционной политики ЕЦБ перспективы роста европейской экономики ухудшатся. Вместе с тем рост цен на ресурсы в случае принятия дальнейших санкций против российских энергоносителей в краткосрочной перспективе может привести к усугублению инфляции в ЕС.

Опыт Франции с её более значительной, чем у соседей, ролью государства в экономике показателен для более широкого круга европейских и неевропейских стран. Немонетарный характер нынешней инфляции связан с политическими факторами, значение которых, в том числе энергетического, в среднесрочной перспективе будет актуальным.

Меры по поддержке покупательной способности сравнимы с хаотичным «затыканием дыр». В случае проведения эффективной антиинфляционной политики потребность в такого рода мерах может отпасть, тем не менее такие шаги будут подрывать стимулы повышения деловой активности, сокращать и без того скромные показатели экономического роста. Монетарные методы борьбы с инфляцией в виде повышения ставки ЕЦБ могут не дать ожидаемого эффекта. Можно предположить, что если нынешние политики решатся на проведение комплекса непопулярных экономических мер, то в следующем электроном цикле уже у их преемников могут появиться иные рецепты решения социально-экономических проблем.

Список литературы

- Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 36–46. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-36-46.
- Кизилов В., Сапов Гр. Инфляция и её последствия. М.: РОО Центр «Панорама», 2006. 143 с.
- Клинов В.Г., Сидоров А.А. Экономическая конъюнктура. М.: Экономика, 2019. 425 с.
- Клинова М.В., Сидорова Е.А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-67-79.
- Кузнецов А.В. (отв. ред.). Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 328 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0522-2.
- Лапина Н.Ю. Пандемия: возвращение в прошлое или окно в будущее? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 7. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-5-14.
- Меньшиков С.М. Инфляция и кризис регулирования экономики. М.: Мысль, 1979. 363 с.
- Никитин С.М. (отв. ред.). Современная инфляция: истоки, причины, противоречия. М.: Мысль, 1980. 340 с.
- Сидоров А.А. Кризис конкурентоспособности еврозоны // Международная экономика. 2014. № 3. С. 30–39.
- Сидоров А.А. Конъюнктура еврозоны: формирование и динамика. М.: ИНИОН РАН, 2019. 194 с.
- Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 1999. 584 с.
- Урюпина А.А. Инфляция и антиинфляционная политика в постсоциалистический период. Вопросы теории и практики. М.: МАКС Пресс, 2009. 196 с.
- Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2 (41). Апрель–июнь. С. 96–105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

- Attali J.* Vivement après-demain — 15 ans pour sortir de l'impasse. Paris: Fayard, 2016. 234 p.
- Boyer R.* Les capitalismes à l'épreuve de la pandémie. Paris: La Découverte, 2020. 200 p.
- Cohen E.* Souveraineté industrielle: Vers un nouveau modèle productif. Paris: Odile Jacob, 2022. 240 p.
- Copeland D.* Economic Interdependence and War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. 489 p.
- Friedman M.* Money Mischief: Episodes in Monetary History. San Diego, California: Harcourt Brace Jovanovich, 1992. 274 p.
- Gilpin R.* Global political economy: understanding the international economic order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. 440 p.
- Krasner S.D.* Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations. Routledge, 2009. 328 p.
- Madec P., Plane M., Sampognaro R.* Une analyse macro et microéconomique du pouvoir d'achat. Bilan du quinquennat mis en perspective. [Электронный ресурс] // Etude OFCE. 2022. No. 02. 42 p. URL: <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf-articles/actu/Etude-no-2-2022-Pouvoir-d-achat-Bilan-OFCE-1madec.pdf> (accessed: 19.07.2022).
- Mattely S.* Géopolitique de l'économie: 40 fiches illustrées pour comprendre le monde. Paris: Eyrolles, 2021. 183 p.
- Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / R. Boyer, P.-F. Souyri (dir). Paris: La Découverte, 2001. 179 p.
- Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Peace and Power. New York: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
- Strange S.* States and Markets. An Introduction to International Political Economy. London: Pinter Publishers, 1988. 263 p.
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.Y.: Random House, 1979. 251 p.

INFLATION IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICS IN FRANCE AND THE EUROZONE

MARINA KLINOVA

ELENA SIDOROVA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

The article seeks to examine the relationship between the current surge in inflation in the eurozone in general and in France in particular, the economic growth problems and the resulting erosion of the population purchasing power. It was found that the surge in inflation began even before the geopolitical tensions of early 2022 and was associated with large-scale packages of State assistance to the population and businesses to combat the economic downturn caused by the outbreak of COVID-19. The rise in inflation at the end of 2021 was linked to monetary factors, and inflation in 2022 became a more complex phenomenon when its acceleration began to acquire a mixed monetary and non-monetary character. This is due to geopolitical transformations that have led to an increase in prices for energy and other raw materials. It is shown that inflation undermines economic growth prospects and erodes household purchasing power. It is concluded that the anti-inflationary monetary policy of the European Central Bank will affect the inflation rate. Yet, at the same time, economic growth will also slow down in the medium term. Not only France, but also other eurozone countries as a whole are interested in stimulating it. Simultaneously, the situation regarding income and purchasing power will display positive, but insignificant dynamics. The article evaluates measures aimed at propping up purchasing power in France as one of the leading countries of the European Union. The French State possesses and employs a wide range of opportunities to underpin the economy.

Keywords:

Economic; inflation; state economic policy; purchasing power; European Central Bank; Eurozone; France.

References

- Attali J. (2016). *Vivement après-demain – 15 ans pour sortir de l'impasse*. Paris: Fayard. 234 p.
- Baykov A.A. (2014). «Myagkaya moshch'» Evropeiskogo soyuza v global'nom silovom ravnesii: evro-rossiiskii trek [The EU soft power in the global equilibrium]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, № 2 (35). P. 36–46. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-36-46.
- Boyer R., Souyri P.-F. (dir) (2001). *Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine*. Paris: La Découverte. 179 p.
- Boyer R. (2020). *Les capitalismes à l'épreuve de la pandémie*. Paris: La Découverte, 2020. 200 p.
- Cohen E. (2022). *Souveraineté industrielle: Vers un nouveau modèle productif*. Paris: Odile Jacob. 240 p.
- Copeland D. (2015). *Economic Interdependence and War*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 489 p.
- Friedman M. (1992). *Money Mischief: Episodes in Monetary History*. San Diego, California: Harcourt Brace Jovanovich. 274 p.
- Gilpin R. (2001). *Global political economy: understanding the international economic order*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 440 p.
- Klinov V.G., Sidorov A.A. (2019). *Ekonomicheskaya kon'unktura* [Economic conjuncture]. Moscow: Ekonomika. 425 p.
- Klinova M.V., Sidorova E.A. (2014). Ekonomicheskiye sanktsii i ikh vliyaniye na khozyaystvennyye svyazi Rossii s Yevropeyskim soyuzom [Economic Sanctions and their impact on EU-Russia Economic Relations]. *Voprosy ekonomiki*. No. 12. P. 67–79. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-67-79.
- Krasner St.D. (2009). *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*. Routledge. 328 p.
- Kuznetsov A.V. (ed) (2017). *Regulirovaniye inflyatsii v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh disbalansov / A.V. Kuznetsov, Otv. red. [Governing Inflation Under Economic and Social Disparities]*. Moscow: IMEMO RAN. 328 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0522-2.
- Lapina N.Yu. (2022). Pandemiya: vozvrashcheniye v proshloye ili okno v budushcheye? [Pandemic: Return to the Past or Window into the Future?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 66. No. 7. P. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-5-14.
- Madec P., Plane M., Sampognaro R. (2022). Une analyse macro et microéconomique du pouvoir d'achat. Bilan du quinquennat mis en perspective. *Etude OFCE*. No. 02. 42 p. URL: <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf-articles/actu/Etude-no-2-2022-Pouvoir-d-achat-Bilan-OFCE-1-madec.pdf> (accessed: 19.07.2022).
- Mattely S. (2021). *Géopolitique de l'économie: 40 fiches illustrées pour comprendre le monde*. Paris: Eyrolles. 183 p.
- Men'shikov S. M. (1979). *Inflyatsiya i krizis regulirovaniya ekonomiki* [Inflation and crisis of Economic Regulation]. Moscow: Mysl'. 363 p.
- Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Peace and Power*. New York: Alfred Knopf. 489 p.
- Nikitin S. M. (ed.) (1980). *Sovremennaya inflyatsiya: istoki, prichiny, protivorechiya* [Modern Inflation: Origins, Causes, Contradictions]. Moscow: Mysl'. 340 p.
- Sidorov A.A. (2014). Krizis konkurentosposobnosti yevrozony [Eurozone Crisis Competitiveness]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*. No. 3. P. 30–39.
- Sidorov A.A. (2019). *Kon'yunktura yevrozony: formirovaniye i dinamika* [Eurozone General Business Situation: Formation and Dynamics]. Moscow: INION RAN. 194 p.
- Strange S. (1988). *States and Markets. An Introduction to International Political Economy*. London: Pinter Publishers. 263 p.
- Torkunov A.V. (ed.) (1999). *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya*. Pod red. A.V. Torkunova [Modern international relations]. Moscow: ROSSPEN, 584 s.
- Uryupina A.A. (2009). *Inflyatsiya i antiinflyatsionnaya politika v post-sotsialisticheskiiy period. Voprosy teorii i praktiki* [Inflation and Anti-Inflationary Policy in the Post-Socialist Period. Questions of Theory and Practice]. Moscow: MAKSS Press. 196 p.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. N.Y.: Random House. 251 p.
- Yudin N.V. (2015). Sistemnoye prochteniye fenomena myagkoy sily [A Systemic Approach to "soft power"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2(41). April-June. P. 96–105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

РОЛЬ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАТО

АЛЕКСАНДР АЛЁШИН

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

В 2022 г. была принята новая стратегическая концепция НАТО. Эксперты и учёные принимали заметное участие в её разработке, оказав тем самым существенное влияние на формирование идентичности объединения. Они, в частности, внесли вклад в конструирование внешнеполитической идентичности государств-членов, институтов НАТО и связанных с ними структур. Настоящая статья – часть более обширного исследования, посвящённого влиянию научного дискурса на международные отношения. Она охватывает вторую часть проекта, в ходе которой с помощью метода дискурс-анализа были изучены публикации аналитических центров, связанных с НАТО, ЕС, США и Великобританией. Рассмотрены современные подходы исследователей к стратегическому развитию Альянса. Они разделены на группы, исходя из фокусирования на интересах НАТО, ЕС, США или Великобритании, проведён их сравнительный анализ. Сделан вывод о том, что научное сообщество создаёт нарративы о прошлом и будущем организации, способствует определению её места в международных отношениях, её партнёров и соперников. В свою очередь, внешнеполитическая идентичность НАТО трансформирует идентичности государств-членов, что ведёт к гомогенности трансатлантического пространства безопасности, изоморфизму между его субъектами – государствами. НАТО воспринимается западными экспертами как сообщество демократических стран с глобальными амбициями и ответственностью в поддержании международной безопасности и продвижении западных ценностей, а также противостоянии общим вызовам – политике России и Китая, технологическим изменениям, противоречиям внутри Альянса. При этом в каждой из групп исследуются актуальные для неё проблемы. Наибольшим влиянием пользуются группы НАТО и США. Европейские исследователи, прежде всего из ЕС, оказывают меньшее влияние на изучаемый дискурс, что связано с их акцентом на оборонной интеграции ЕС, разногласиях внутри интеграционного объединения, ограниченными результатами новых оборонных инициатив после 2016 года.

Ключевые слова:

НАТО; стратегическая концепция НАТО; НАТО 2030; стратегическая автономия ЕС; научный дискурс; аналитические центры; внешнеполитическая идентичность.

В 2022 г. на саммите лидеров государств–членов НАТО была принята новая стратегическая концепция¹ Альянса взамен прежней, выпущенной в 2010 году. Разра-

ботка этого документа, видное участие в которой принимали представители экспертного сообщества стран-участниц, велась с 2019 года. В научной литературе

¹ NATO 2022 Strategic Concept. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 23.11.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.03.2022

Дата принятия к публикации: 31.07.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: aleshin.a@imemo.ru

глубоко изучена динамика развития НАТО [Palmer 2019; Бартош 2020; Истомин 2020; Иванов 2020], процесс разработки концептуальных документов [Michel 2014; Lucarelli 2021], межгосударственные отношения внутри Альянса [Голуб, Шенин 2021; Данилов 2021; Moller, Rynning 2021], политико-идеологическая эволюция Запада [Войтоловский 2007]. При этом недостаточное внимание уделяется проблемам участия научно-экспертного сообщества в формировании политики НАТО, оценке влияния научных исследований и экспертно-аналитического сопровождения внешнеполитической деятельности государств и объединения в целом на стратегическое развитие Альянса.

В настоящей статье автор ставит задачу выявить подходы специалистов стран-участниц НАТО к перспективам дальнейшей трансформации организации. После начала специальной операции России на Украине дискурс о НАТО стал стремительно трансформироваться, и проведение его актуального научного анализа сильно затруднено. В этой связи в исследовании изучены подходы, имевшие место до начала 2022 года. С помощью метода дискурс-анализа рассмотрены публикации аналитических центров, аффилированных с НАТО, ЕС, государствами-членами ЕС, США, Великобританией начиная с 2018 года. Выбор публикаций обусловлен задачей выявить подходы, связанные с развитием стратегии Альянса, в связи с чем отбирались работы, в которых сформулированы долгосрочные интересы и противоречия членов НАТО.

Выделены группы аналитических центров в соответствии с тематикой их исследований, видением сущности НАТО, причин и динамики её развития, акцентированием специальных, актуальных для отдельной группы вопросов, ракурсов изучения Организации. Произведено сравнение групп друг с другом и официальным дискурсом НАТО. Проведены качественный и

количественный контент-анализ текстов [Методология исследований... 2000].

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что экспертный дискурс способствует формированию политической идентичности базового сообщества², которая, в свою очередь, создаёт рамки формирования дискурса политиков. В данной статье в контексте разработки новой стратегической концепции НАТО представляется, что учёные и эксперты оказывают значимое влияние на формирование её положений, на трансформацию идентичности этого объединения.

Роль научно-экспертного сообщества в формировании внешнеполитической идентичности НАТО

Стратегические документы на национальном уровне определяют место, роль и статус государства в мире, его реальных и потенциальных союзников, соперников и врагов, ресурсы его внешней политики. Они основываются на идеях и представлениях о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики — то есть на внешнеполитической идентичности³. Аналогичная идентичность формируется и у объединений государств. Кроме того, идентичность отдельных государств претерпевает трансформацию в транснациональных политических пространствах, представляющих собой, как и всякое политическое пространство, устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными субъектами и акторами политического процесса [Прохоренко 2015].

НАТО является не только международной организацией, но и транснациональным политическим пространством. В Североатлантическом альянсе бытует собственная идентичность, воздействующая на

² Подробнее об идентичности см.: [Семененко 2017].

³ О внешнеполитической идентичности см. подробнее: [Прохоренко 2017].

идентичность стран-участниц. Идентичность может конструироваться с помощью нарратива о будущем (или прошлом) и в процессе разработки внешнеполитических целей и задач. Одной из функций научного дискурса в сфере политического выступает повествование о прошлом и будущем, создание теорий, нарративов, конструирующих внешнеполитическую идентичность.

Израильский исследователь Иш-Шалом предлагает трёхступенчатую модель влияния теории на практическую политику [Ish-Shalom 2006]. На первом этапе разрабатываются теоретические построения. На втором они формируют социальные конвенции – например, в сфере политического поведения. Социальные конвенции выступают важным маркером идентичности индивидов и групп. На третьем этапе социальные конвенции ложатся в основу политических убеждений, идеологий, которые опосредуют программы и практику политических сил.

Кроме создания теорий, специалисты также оказывают непосредственное влияние на политику. В соответствии с идеями П. Хааса эксперты формируют эпистемические сообщества, которые помогают государствам и политической элите определить свои интересы, формулируют вопросы для коллективного обсуждения, предлагают конкретные политические практики, определяют важные моменты для переговоров [Haas 1992].

Какую роль играет научно-экспертное сообщество при разработке стратегических документов НАТО? Прежде всего, важно отметить, что содержание стратегических концепций Альянса 2010⁴ и 2022⁵ годов не выглядит прорывным, не предлагает принципиально новых положений. Напротив, принятые в предыдущие годы на различных уровнях решения излагаются в едином документе, при этом подводится идеологиче-

ская, концептуальная и стратегическая база текущего и дальнейшего развития. Например, в концепцию 2022 г. включены принятые ранее на саммитах различных уровней решения касательно включения в сферу интересов Альянса КНР и космического пространства, сдерживания России. Процесс разработки стратегии представляет собой инструмент для сверки внешнеполитических подходов стран-участниц к общим проблемам и задачам. В ходе него выявляются противоречия между участниками, расхождения в восприятии угроз и выгод, несовпадения внешнеполитических интересов. Это активизирует дискуссию и ведёт к формированию и цементированию нового идейно-политического консенсуса.

Теории в рамках парадигмы социального конструктивизма объясняют процессы дискуссии и нахождения консенсуса в многосторонних сообществах, таких как международные организации. Теория организационных полей [Бурдые 2007; DiMaggio 1991; Scott 2007; Прохоренко 2015; Greenwood 2017] рассматривает сообщества организаций (государств), состоящих в системе устойчивых связей. Поле представляет собой и институционализированное пространство сотрудничества и диалога, и арену соперничества, борьбы за власть, перераспределения ресурсов. В рамках организационного поля государства как формируют общую идентичность, так и развивают собственные идентичности, и данный процесс происходит диалектично.

В соответствии с теорией оспаривания А. Винер [Wiener 2014] институционализированная практика дискуссии в сообществе и открытая возможность для всех его членов к оспариванию существующих норм ведёт к повышению легитимности норм и формированию порядка через практику. Таким образом, несоответствия позиций членов сообщества приводят к дискуссиям, в результате которых достигается

⁴ NATO's Strategic Concept 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

⁵ NATO 2022 Strategic Concept. Ibid.

консенсус, способствующий консолидации сообщества.

Поскольку НАТО — это международная организация, ключевые решения в которой принимаются консенсусом стран-участниц, субъектами в процессе стратегического планирования в нём, дискуссий, оспаривания норм и эволюции идейно-политического консенсуса выступают национальные правительства. Ранее автор изучил институциональное оформление роли научно-экспертного сообщества в процессе стратегического планирования в национальном государстве на примере Великобритании [Алешин 2021]. Данный случай показал, как учёные и эксперты оказывают практическое влияние на выработку внешней политики страны, предоставляя экспертизу органам государственной власти и политическим партиям.

Помимо национального уровня роль научно-экспертного сообщества велика и в разработке повестки НАТО как организации. Альянс через специальные программы финансирует научные исследования в ряде сфер, позволяя учёным и экспертам оказывать влияние на отдельные направления его политики⁶. Кроме того, НАТО организует научные конференции и круглые столы для экспертов, например NATO Engages⁷. Для стратегического планирования существует два института: аффилированные с Альянсом журнал Обзор НАТО⁸ и Оборонный колледж НАТО⁹; запросы генерального секретаря *ad hoc* к «мозговым центрам» стран-участниц. Наиболее заметным таким запросом стала инициатива НАТО 2030, в рамках которой был разработан одноименный доклад [Maiziere, Mitchell 2020].

Площадку для дискуссий парламентариев стран-участниц предоставляет Парла-

ментская ассамблея НАТО. В рамках этой структуры существуют комитеты, на заседания которых приглашаются учёные и эксперты. В частности, в ноябре 2020 г. Парламентская ассамблея опубликовала рекомендации по разработке новой стратегической концепции НАТО [NATO Parliamentary Assembly 2020].

Особое место в системе аналитического сопровождения деятельности Альянса занимает Ассоциация Атлантического договора — независимое от НАТО международное объединение общественных организаций из стран-участниц и представителей программы «Партнёрство ради мира». Ассоциация координирует подходы к пониманию трансатлантической безопасности и западных ценностей.

Таким образом, представители научно-экспертного сообщества стран-участниц НАТО вовлекаются в разработку стратегических документов Альянса и конструирование его идентичности посредством множества каналов. При этом на многосторонних аналитических площадках и в институтах НАТО национальные эксперты вырабатывают общее видение проблем, места Альянса в мире, что способствует трансформации идентичностей их государств.

Для выявления особенностей научного дискурса о стратегическом развитии НАТО по сравнению с дискурсом политическим, его влияния на идентичность этого транснационального пространства мы рассмотрели результаты рефлексии ведущих институтов аналитического сопровождения деятельности Альянса, аналитических центров, изучив публикации с 2018 по 2021 г. по ряду ключевых вопросов развития Альянса. На основании фокусировки на тех или иных проблемах и задачах, ракурса, с которого исследователи смотрят на НАТО и её

⁶ В рамках программы «Наука ради мира и безопасности» происходит координация учёных стран-участниц и партнёров Альянса.

⁷ NATO Engages. [Электронный ресурс]. URL: <https://nato-engages.org/> (дата обращения: 04.02.2022).

⁸ NATO Review. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/index.html> (дата обращения: 04.02.2022).

⁹ NATO Defence College. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ndc.nato.int/> (дата обращения: 04.02.2022).

будущее развитие, выделено 4 крупнейшие и наиболее влиятельные группы подходов: НАТО-центричный, ЕС-центричный, США-центричный, британоцентричный. О каждом из них подробнее – в следующей части статьи.

Мы также сравнили подходы аналитиков и экспертов с официальным дискурсом объединения, взяв за основу Заявление лидеров государств по итогам июньского саммита НАТО 2021 года¹⁰. Исследование проведено на основе дискурс-анализа, а именно в отобранных публикациях выделялись ответы на сформулированные вопросы, касающиеся восприятия экспертами НАТО и отмечаемых угроз [Методология исследований... 2000]. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Для тех же целей мы провели количественный контент-анализ, сравнив упоминания ключевых вопросов для НАТО в двух наиболее комплексных текстах об актуальных угрозах и задачах Альянса: научном – докладе «НАТО 2030: единство в новой эре» [Maiziere, Mitchell 2020] и политическом – Заявлении лидеров государств по итогам июньского саммита НАТО 2021 года.

Мы подсчитали упоминания в текстах конкретных слов и фраз, соответствующих стратегическому целеполаганию НАТО. Результаты исследования демонстрируются в табл. 2.

Как видно из табл. 1, подходы научно-экспертного сообщества к вопросам стратегического развития НАТО и официальные позиции Альянса в значительной мере схожи. При этом последние выступают общим знаменателем национальных интересов стран-участниц, в связи с чем они более конкретны и менее радикальны в некоторых вопросах. Таблица 2 иллюстрирует, что представители научно-экспертного сообщества чаще обращаются к стратегическим задачам НАТО будущего и обладают большей свободой в анализе спорных для членов Альянса вопросов – таких как взаимодействие с Китаем и сплочённость союзников. При этом важно, что Заявление лидеров по итогам саммита 2021 г. во многом основано на докладе «НАТО 2030», авторы которого, в свою очередь, черпали идеи из экспертного дискурса по вопросам стратегического развития НАТО. Таким образом, акцентируя проблемы будущего

Таблица 1а
Научно-экспертный и политический дискурс о стратегическом развитии НАТО

Аналитические подходы	НАТО нужна?	НАТО эффективна?	Глобальная или региональная ответственность НАТО?	Угрозы									
				Россия	Китай	Технологии	Терроризм	Нестабильность в соседних гос-вах	Контроль над вооружениями	Ядерное сдерживание	Гибридные	Изменения климата	Нарушения прав человека
Официальный дискурс НАТО	Да	Да	Глобальная	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Группа НАТО	Да	Да	Глобальная	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Группа США	Да	Да	Глобальная	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Группа СК*	Да	Да	Глобальная	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Группа ЕС	Да	Только совместно с ЕС	В Европе и соседних регионах	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да

*Соединённое Королевство.

Источник: составлено автором.

¹⁰ Brussels Summit Communiqué. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 04.02.2022).

Таблица 16
Научно-экспертный и политический дискурс о стратегическом развитии НАТО. Продолжение

Аналитические подходы	Внутренние проблемы				Углубление партнёрства со странами:				Продолжать наращивать активность в Вост. Европе?
	Расходование 2% ВВП на оборону	Пропорциональность оборонных потенциалов	Роль США	Стратегическая автономия ЕС	Популизм	АТР	Постсоветского пр-ва	Африки	Лат. Америки
Официальный дискурс НАТО	Да	Необходима	Ядерное сдерживание	Поддержка оборонной интеграции ЕС, кооперация НАТО и ЕС, избегание дублирования	–	Да	Украина, Грузия, Молдавия, Центральная Азия	Африканский союз, Ливия	Колумбия
Группа НАТО	Да	Необходима	Лидер Альянса	Без дублирования, укрепляет европейскую опору НАТО	Проблема	Да	Да	Да	–
Группа США	Необходимы гибкие метрики	Необходима	Лидер Альянса	Без дублирования, укрепляет европейскую опору НАТО	Проблема	Да	Да	Да	Да
Группа СК	Да или 3%	Необходима	Сокращается, важно развивать европейскую опору НАТО	При верховенстве НАТО, как дополнение к её возможностям	Проблема	Да	Да	Да	Да
Группа ЕС	Необходимы гибкие метрики	Необходимо рассматривать безопасность в широком смысле	Равный партнёр ЕС	Необходима, но не в ущерб НАТО	Проблема	Да	Да	Да	Да, но позиция мягче, чем у НАТО

Источник: составлено автором.

Таблица 2
Сравнительный анализ количества упоминаний ключевых вопросов стратегического развития НАТО

	Доклад «НАТО 2030»	Заявление лидеров 2021
Число слов в основном тексте*	26 689 (100%)	14 405 (100%)
Россия	94 (0,35%)	63 (0,44%)**
Китай	81 (0,3%)	10 (0,07%)
Технологии	13 (0,05%)	3 (0,02%)
Страны к югу от НАТО	37 (0,14%)	7 (0,05%)
Терроризм	35 (0,13%)	18 (0,12%)
Контроль над вооружениями	34 (0,13%)	13 (0,09%)
Ядерные технологии	34 (0,13%)	59 (0,41%)
Изменения климата	24 (0,09%)	14 (0,1%)
Права человека	2 (0,01%)	7 (0,05%)
«Женщины, мир и безопасность»	3 (0,01%)	5 (0,03%)
Гибридные угрозы	50 (0,19%)	17 (0,12%)
Космическое пространство	37 (0,14%)	20 (0,14%)
Сплочённость	45 (0,17%)	5 (0,03%)
Расходование 2% ВВП на оборону	2 (0,01%)	2 (0,01%)
Европейский Союз	3 (0,01%)	4 (0,03%)
Европа	44 (0,16%)	24 (0,17%)
Азия	6 (0,02%)	4 (0,03%)
Африка	8 (0,03%)	4 (0,03%)
Латинская Америка	0	2 (0,01%)
Арктика	4 (0,01%)	0

* Без заголовка, оглавления, списка авторов, дополнительных материалов.

** Цветом помечен документ, в котором вопрос упоминается чаще относительно общего числа слов.

Источник: составлено автором.

Альянса, определения его соперников и угроз в длительной перспективе, специалисты создают нарративы, в рамках которых Организация и страны-участницы воспринимают себя, свою роль в мире, долгосрочные задачи, то есть в рамках которых трансформируется идентичность НАТО. Рассмотрим подробнее подходы каждой из выявленных нами групп аналитических подходов.

Группа НАТО

К первой и наиболее многочисленной группе работ относятся публикации в рамках системы аналитического сопровождения

деятельности НАТО, а также авторов, имеющих с ней тесные связи. Основными институциональными платформами для них служат Оборонный колледж НАТО и Обзор НАТО, но также некоторые из них представлены связанными с правительствами своих стран аналитическими центрами, например Корпорацией *RAND*¹¹ (США) или Королевским объединённым институтом оборонных исследований (*RUSI*)¹² (Великобритания). Среди них можно выделить статьи Р. Гёттемюллер [Gottemoeller 2019], А. Гилли [Gilli 2019], Дж. Олсена [Olsen 2020a], исследования Д.А. Руис Палмера [Palmer 2019], а также

¹¹ RAND Corporation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/> (дата обращения: 04.02.2022).

¹² Royal United Services Institute. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusi.org/> (дата обращения: 04.02.2022).

коллективную монографию «Будущее НАТО. Адаптируясь к новым реалиям» под редакцией Дж. Олсена [Olsen 2020b]. Отдельного внимания заслуживает упомянутый выше доклад «НАТО 2030: единство в новой эре» [Maiziere, Mitchell 2020].

В коллективной монографии «Будущее НАТО. Адаптируясь к новым реалиям» [Olsen 2020b] собраны тексты исследователей, представляющих различные государства и научно-теоретические школы. В её разделах последовательно освещены ключевые направления деятельности НАТО: укрепление военной инфраструктуры центральноевропейского субрегиона, взаимодействие с ЕС, с партнёрами из регионов Южного Средиземноморья, Ближнего Востока, Северной Европы, бывшими советскими республиками, противодействие вызовам со стороны России и Китая, решение проблем технологических инноваций, особенности морского и ядерного аспектов евроатлантической безопасности.

Названы актуальные вызовы для НАТО: стрессоустойчивость государств и обществ к гибридным вызовам, укрепление передового присутствия в Восточной Европе, повышение военной мобильности, формирование адекватной реакции НАТО на ядерную угрозу со стороны России. В долгосрочной перспективе, по мнению авторов, НАТО придётся иметь дело с подъёмом Китая, а также с новыми подрывными технологиями.

Исследовательница из Стэнфордского университета, занимавшая пост заместителя генерального секретаря НАТО с 2016 по 2019 год, Р. Гёттемюллер [Gottmoeller 2019] считает, что успешность НАТО основана на её способности адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, объединять участников вокруг общей цели и интересов, а также модернизироваться в соответствии с быстрыми общественными и технологическими изменениями. Она выделяет пять задач для НАТО. *Во-первых*, поддержание единства. *Во-вторых*, равномерное распределение финансового бремени — все страны-участницы должны достичь целевого показателя оборонных рас-

ходов в размере 2% ВВП. Вместе с тем также важно, чтобы развитие оборонных инициатив ЕС следовало в русле НАТО, а не совершалось в ущерб трансатлантической солидарности. *В-третьих*, акцент на инновациях, потенциал которых НАТО необходимо использовать. *В-четвёртых*, защита основанного на правилах миропорядка и совершенствование невоенных аспектов безопасности. *В-пятых*, поиск новых возможностей по стабилизации международной обстановки и глобального пространства безопасности.

Старший исследователь Оборонного колледжа НАТО А. Гилли [Gilli 2019] рассматривает влияние на политику НАТО современных технологий, таких как искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные. Он отмечает, что технологические изменения могут привести не только к появлению экономических возможностей, но и к обострению международной нестабильности: быстрому перераспределению богатства в мире, росту военных потенциалов отдельных стран и увеличению рисков конфликтов. Для НАТО это означает первоочерёдность решения задачи включения в свою повестку проблемы разработки и принятия на вооружение новых технологий. Цели НАТО, по мнению автора, состоят в сохранении и наращивании её военного превосходства для обеспечения глобальной безопасности и поддержания ведущего положения западных ценностей в пространстве международной безопасности.

Исследователь выделяет три трека глобальных изменений, следующих за развитием технологических инноваций: геоэкономический транзит ресурсов и возможностей, совершенствование военных технологий, увеличение риска эскалации военных и политических конфликтов. Для НАТО предлагается двухсоставная стратегия. *Во-первых*, следует поощрять перераспределение ресурсов своих соперников, таких как Россия, из области стратегических вооружений в сферу искусственного интеллекта, что, по мнению автора, будет способствовать снижению междуна-

родной напряжённости, сокращению гонки вооружений. *Во-вторых*, необходимо развивать вектор технологического развития НАТО. Такая стратегия поможет Альянсу достичь трёх стратегических целей: сохранить и укрепить своё военное превосходство, решить проблемы инфраструктурных ограничений и нехватки квалифицированного персонала, обеспечить верховенство западных ценностей, этических позиций и моральных обязательств в новую эпоху.

Полковник Королевских ВВС Норвегии Дж. Олсен [Olsen 2020a] объясняет успешность НАТО двумя факторами: верностью цели, принципам и ценностям Североатлантического договора и своевременной адаптацией к меняющемуся стратегическому окружению.

Автор выделяет три внутренние и три внешние задачи, которые НАТО должна будет решить в будущем. К внутренним относятся укрепление основанной на демократических ценностях сплочённости Альянса, поддержка лидерства США и трансатлантических связей, перестройка оборонных структур европейских членов НАТО и возможности проецирования ими военной силы. Решение этих системных проблем, в свою очередь, позволит НАТО справиться с тремя главными внешними задачами: сдерживанием России, противодействием международному терроризму, адаптацией к меняющейся внешнеполитической и военной стратегии Китая. Исходящие от государств или негосударственных субъектов, все три обозначенных внешних вызова угрожают основанному на правилах мирового порядку с акцентом на ценностях Запада.

Специальный советник в штаб-квартире НАТО в Брюсселе Д.А.Р. Палмер [Palmer 2019] рассматривает динамику стратегического планирования в НАТО в исторической перспективе — от создания до 2019 года. Он утверждает, что через десять лет, то есть к 2030 году, характеристики единства и стрессоустойчивости Альянса будут соответствовать рекордным показателям времён «холодной войны». На основе про-

ведённого исследования специалист делает вывод о роли трёх ключевых принципов деятельности НАТО. Первый — это обеспечение ресурсами оперативных сил НАТО, которые находятся в боевой готовности в мирное время, служат целям сдерживания, поддержания уверенности Альянса и оперативного управления кризисами. Второй — дуализм принципов многонациональности и оказания помощи более сильными союзниками для осуществления вклада каждым государством-членом. Третий — взаимодополняемость между задачами более справедливого распределения ролей, обязанностей и вкладов и стремлениями укрепить европейскую опору НАТО. На основе этих принципов эксперт делает акцент на двух факторах, которые будут способствовать эффективности и адаптации НАТО в будущем: разработка инструментов для большего включения в деятельность организации каждого отдельного союзника и сохранение за Альянсом функции институциональной основы для технологических инноваций в военной и коммерческой областях.

Доклад «НАТО 2030: единство в новой эре» [Maiziere, Mitchell 2020] был разработан по запросу генерального секретаря Й. Столтенберга группой экспертов, среди которых и сотрудники аналитических центров, и бывшие государственные служащие 10 стран, под руководством экс-министра обороны ФРГ Т. де Мезьера и экс-помощника государственного секретаря США В. Митчелла. Документ утверждает, что в 2030 г. Альянс должен оставаться гарантом мира, стабильности и верховенства права в евроатлантическом регионе; основой коллективной обороны его членов, площадкой для совместной разработки ответов на вызовы их национальной безопасности; играть значительную роль в сохранении мирового порядка, основанного на открытости, диалоге и процветании; развивать стратегические связи с партнёрами, разделяющими принципы Хельсинкского Заключительного акта; углублять взаимоотношения с Европейским Союзом в решении общих проблем. Прио-

ритетом организации должны быть политическая сплочённость и единство.

Названы и актуализирующиеся угрозы и приоритеты НАТО. В первую очередь упоминается агрессивная политика России, в отношении которой Альянсу рекомендуется продолжать придерживаться известной формулы «предметный диалог, сильное сдерживание», подразумевающей укрепление сдерживания России при сохранении диалога в сферах общих интересов. Другим вызовом выступает Китай. В докладе сказано, что необходимо создать в структуре Альянса институциональное образование для оценки последствий технологического развития КНР, отслеживания и защиты от любых её действий, которые могут повлиять на коллективную оборону или стрессоустойчивость НАТО. Остальные угрозы: развитие технологий, актуальные проблемы в борьбе с терроризмом, нестабильность в регионах к югу от границ НАТО, вопросы контроля над вооружениями и ядерного сдерживания, изменение климата.

Таким образом, исследования в группе НАТО стремятся решить общие для организации целиком и всех государств-членов проблемы. Оставаясь в русле официальной риторики НАТО, эти работы глубже раскрывают отдельные аспекты деятельности организации. Исследования группы НАТО разделяют тезисы о безусловной необходимости и успешности Альянса, единстве союзников, распределении обязанностей при лидерстве США, проблемах, связанных с организационными и техническими вопросами, такими как несовершенство в системе управления, механизмах принятия и реализации решений, дискуссий и достижения консенсуса на различных уровнях системы Альянса, практик обмена информацией и кооперации как оборонной, так и политической и экономической. Исследования данной группы не выделяют интересы какой-либо страны, противопоставляя им интересы организации.

Британская группа

Формирование новой роли Великобритании в мире и Европе после её выхода из ЕС стало долгосрочным фактором трансформации трансатлантического пространства безопасности¹³. В связи с этим правомерно обратить внимание на ряд статей, фокусирующихся на позициях и интересах этой страны в НАТО, выделить группу британоцентричных исследований. В этой группе следует отметить работы К. Шак и Э. Пепе [Schake, Pepe 2019], М. Чалмерса и У. Джессетта [Chalmers, Jesset 2020], отчёт под редакцией Л. Фикс, Б. Гигериха и Т. Кирх [Fix, Giegerich, Kirch 2019].

Заместитель генерального директора Международного института стратегических исследований (IISS) К. Шак и координатор её аппарата Э. Пепе [Schake, Pepe 2019] пересмотрели в современном контексте известную фразу первого генерального секретаря НАТО генерала Г.Л. Исмея о том, что цель Альянса заключается в том, чтобы «держат Советский Союз вне Европы, США — в Европе, а Германию под контролем». В XXI столетии перед организацией стоят сходные задачи: сдерживание России; достижение всеми странами-участниками целевого показателя расходов на оборону в размере 2% ВВП для поддержания мотивации деятельности США в Альянсе. Что же касается Германии, то, по мнению авторов, сегодня она стала равноправным участником Альянса, моральным центром и этическим лидером НАТО в вопросах использования военной силы.

Главными угрозами сплочённости Запада К. Шак и Э. Пепе называют: разработку Россией инструментов по подрыву западной демократии; разведывательную деятельность Китая; приобретение им инфраструктурных объектов в Европе; рост популизма; терроризм; миграцию. Они считают, что одним из обязательств стран-участниц НАТО должна являться поддержка либерального мирового порядка.

Заместитель генерального директора Королевского объединённого института

¹³ О трансатлантическом пространстве безопасности см. подробнее: [Алешин, 2022].

оборонных исследований М. Чалмерс и старший научный сотрудник того же института У. Джессетт [Chalmers, Jesset 2020] объясняют британский подход к НАТО. Они отмечают, что предыдущие стратегические документы поместили Альянс в основу оборонной политики Великобритании. В качестве главной нынешней задачи обозначается необходимость укрепления возможностей европейских стран-участниц на случай, если США откажутся от участия в потенциальном конфликте.

В интересах Великобритании укрепление обороноспособности восточного фланга Альянса и повышение роли Германии для заполнения потенциального вакуума, который может появиться вследствие сокращения военно-политического присутствия США в Европе. Специалисты находят важным ускорение развития в рамках НАТО не только новых технологий, но и наращивание числа обычных вооружений. Кроме того, по мнению экспертов, необходимо относительное выравнивание затрат на оборону не только между США и другими союзниками, но и между европейскими государствами, что будет способствовать росту их обороноспособности и ответственности перед Альянсом.

В отчёте 2019 г. под редакцией программного директора Фонда Кёрбера Л. Фикс, директора по анализу обороны IISS Б. Гигерих и программного менеджера Фонда Кёрбера Т. Кирх [Fix, Giegerich, Kirch 2019] рассматриваются проблема снижения военно-политического потенциала США в Европе и сценарий выхода США из НАТО. Специалисты считают, что постепенное сокращение влияния США в европейском стратегическом пространстве — развивающийся тренд. В этой связи трансатлантические связи примут транзакционный характер, станут основаны на торге. Это может привести к расколу европейских стран-участниц НАТО на несколько лагерей: поборников обороны на основе ЕС и наиболее уязвимых государств, стремящихся

заключать двусторонние соглашения с США в сфере безопасности. В этом случае деградируют основания статьи 5 Североатлантического договора¹⁴, будет поднята проблема ядерного щита Европы и распределения бремени расходов на него.

Во избежание негативных последствий описанного сценария предлагается: проведение широких обсуждений вопросов обороны, разработка альтернативных сценариев развития Альянса и решений актуальных для него задач, укрепление европейского военного потенциала, содействие восточноевропейским государствам-членам НАТО в укреплении обороны, принятие во внимание длительности процессов оборонно-технической модернизации, предоставление США гибких механизмов участия в европейской безопасности. Задачей Великобритании станет обретение лидерства, развитие европейской опоры НАТО в ущерб Общей политике безопасности и обороны ЕС (ОПБО), сохранение «особых отношений» с США в сфере безопасности.

Подходы представителей британской группы основываются на британоцентричном взгляде на НАТО, акценте на интересах Соединённого Королевства, его политике как в Европе, так и мире. Позиции исследователей можно охарактеризовать как поддерживающие политику Альянса и атлантизм, так же как Великобритания поддерживает «особые отношения» с США и роль этой страны в мире. Они ратуют за усиление европейской опоры НАТО, которая одновременно способствует сохранению роли США в Альянсе. Это усиление позволит ослабить оборонную интеграцию ЕС, сохранив политическое и военно-экономическое значение Великобритании в Европе.

Группа США

Группа американских исследователей рассматривает проблемы развития НАТО через призму позиции США. Среди публи-

¹⁴ В соответствии с ней «вооружённое нападение на одну или нескольких... (стран-членов. — А. А.) в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом».

каций группы США можно выделить статьи К. Кайзера [Kaiser 2019], Х. Биннендейка и Д. Германович [Binnendijk, Germanovich 2018], Дж. Гольдгейера и Г. Мартина [Goldgeier, Martin 2020], Ф.А. Роуз [Rose 2020], сборник эссе «НАТО 20 / 2020» под редакцией К. Скалубы [Skaluba 2020].

Исследователь Белферского центра К. Кайзер [Kaiser 2019] выделил четыре фактора, от которых зависит будущее НАТО. Первый — способность Альянса преодолеть последствия политики администрации Д. Трампа. Второй — нахождение адекватного ответа на новые угрозы, такие как политика России. Третий — способность Альянса к глобальному видению, которое позволит сосредоточиться на определяющем конфликте будущего: американо-китайском противостоянии. Четвёртый — разрешение конфликта в Афганистане не только в военном, но и в политическом пространстве¹⁵.

Старшие исследователи RAND Х. Биннендейк и Дж. Германович [Binnendijk, Germanovich 2018] говорят о необходимости развития «европейского уровня амбиций» внутри НАТО, удовлетворяющего желания государств—членов ЕС иметь независимые военные возможности при сохранении структур под руководством и командованием НАТО. Государства—члены ЕС должны, по мнению экспертов, иметь потенциал для проведения отдельных военных операций своими силами, но в рамках НАТО. Этому способствует существующий сегодня механизм сотрудничества ЕС и НАТО «Берлин плюс». Для достижения этой задачи все члены организации должны выполнить к 2024 г. согласованное на уровне Альянса правило расходовании не менее 2% ВВП на оборону. Такой шаг удовлетворил бы и США, выступающих за увеличение оборонных расходов европейских союзников.

Исследователи выделяют четыре препятствия, которые могут помешать реали-

зации такой модели функционирования НАТО. Первое — отсутствие убедительных причин для увеличения инвестиций в оборону у отдельных государств, в частности у Германии. Его, по мнению экспертов, можно преодолеть переносом решения на уровень ЕС. Вторая — стремление Европейского Союза к стратегической автономии. В США видят возможность преодолеть противоречия путём углубления взаимодействия новых оборонных институтов ЕС с НАТО. Третье — эффективность реализации НАТО инициативы «4 по 30»¹⁶. Четвёртое — выход Великобритании из ЕС и, следовательно, из его оборонных структур. Приоритет НАТО над оборонными инициативами Европейского Союза позволит сохранить британский вклад в проведение операций под руководством ЕС.

Профессора Американского университета Дж. Гольдгайер и Г. Мартин [Goldgeier, Martin 2020] выделяют три главные задачи для НАТО в контексте последствий пандемии COVID-19, помимо сдерживания России. *Во-первых*, пересмотр проблемы разделения финансового бремени в Альянсе. Перераспределение средств национальных бюджетов из сферы обороны в сферу социально-экономического развития приведёт к ослаблению безопасности в долгосрочной перспективе. Авторы предлагают разработать в рамках НАТО более гибкие метрики военных расходов стран—участниц, сфокусировавшись на качественных, а не количественных параметрах.

Во-вторых, противодействие снижению уровня демократичности в ряде стран—участниц НАТО, которое приводит к росту их уязвимости перед угрозами внешнего вмешательства в их информационное и электроральное пространство.

В-третьих, определение политики по отношению к Китаю. Исследователи выделяют четыре основания, на которых такая должна строиться. Первое — учёт рыночного характера экономики Китая и его

¹⁵ Статья К. Кайзера вышла до событий лета 2021 г. в Афганистане.

¹⁶ Формирование 30 механизированных батальонов, 30 воздушных эскадрилий и 30 боевых кораблей, готовых к развёртыванию в течение 30 дней.

тесных экономических связей с Западом и с глобальными финансовыми институтами. Второе — необходимость определения условий сотрудничества с КНР: возможностей для сотрудничества, пределов сдерживания. Третье — выработка союзниками единого непротиворечивого подхода к взаимодействию с этой страной. Четвёртое — НАТО должна стать частью комплексной системы международных площадок для обсуждения вопроса Китая.

Старший исследователь Брукингского института Ф.А. Роуз [Rose 2020] фокусирует внимание на деятельности НАТО в космосе, выделяя пять направлений, по которым она должна развиваться. Первое — это исследование возможных угроз спутникам НАТО. Второе — превращение космического пространства в объект оборонного и операционного планирования. Третье — углубление сотрудничества между лидером в этой сфере — США — и другими странами-участницами Альянса. Четвёртое — углубление взаимодействия в космосе между НАТО и ЕС. Пятое — развитие дипломатического сотрудничества в этой сфере, и не только среди членов организации. Роуз делает вывод о том, что эффективная деятельность НАТО в космосе невозможна без ведущей роли США.

В сборнике эссе под редакцией К. Скалубы [Skaluba 2020] двадцать восемь авторов предложили 20 рекомендаций для развития НАТО. Можно сказать, что эти рекомендации значительно выходят за рамки нынешней деятельности Альянса и полностью совпадают с внешнеполитическими задачами США — они иллюстрируют, как должна развиваться НАТО с точки зрения США. По их мнению, в ответ на новые вызовы глобальной и трансатлантической безопасности Альянсу необходимо ускорить модернизацию своего оборонного потенциала, стать мировым лидером в новейших технологиях и унифицировать информационную политику.

Авторы предлагают расширить санкционное давление на Россию, в особенности в сферах энергетики и экспорта; опубликовать заявление ядерных членов Альянса

о немедленном ядерном ответе в случае первого удара со стороны России; принять Грузию без распространения действия статьи 5 Североатлантического договора на Абхазию и Южную Осетию; разработать арктическую стратегию НАТО.

Предлагается расширить взаимодействие с партнёрами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), среди которых Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Монголия и АСЕАН, для противодействия политическим, военным и информационным угрозам, исходящим от Китая.

Также эксперты говорят о необходимости цифровизации деятельности бюрократического и военного аппарата НАТО; развития сотрудничества с Мексикой; открытия банка для оборонных инвестиций; реформирования Сил реагирования НАТО; развития повестки «Женщины, мир и безопасность»; введения целевого показателя расходования 0,2% ВВП на кибербезопасность; совместной защиты национальных коммуникационных систем 5G; разработки целей для защиты населения от военных угроз, таких как пандемия COVID-19 и изменение климата; создания европейскими членами авианесущей группы; изменения целевого показателя расходования 2% ВВП на оборону на более гибкий, учитывающий все расходы на безопасность, не связанные напрямую с обороной; внедрения новых технологий для принятия решений; переработки Североатлантического договора.

Исследователи из группы США смотрят на Альянс через призму задач внешней политики Соединённых Штатов. Учитывая развитие американско-китайского соперничества и перенос интересов США в Азию, ключевыми целями этой страны в Европе является сокращение издержек на обеспечение безопасности европейских союзников, сохранение собственного военно-политического лидерства и глубоких экономических связей, вовлечение европейских государств в американско-китайский конфликт. Поэтому главными вопросами в публикациях данной группы остаются лидер-

ство США в НАТО, распределение бремени между государствами—членами организации, проблема стратегической автономии ЕС и потенциал включения оборонной политики этого интеграционного объединения под начало НАТО. Под последним подразумевается продолжение многолетнего спора атлантистов и европеистов по поводу развития политической и оборонной интеграции в ЕС, целесообразности развития отдельных от НАТО институтов в области безопасности. Позиция исследователей из группы США заключается в согласии с необходимостью развития оборонной интеграции ЕС, однако в полном соответствии с целями и задачами НАТО, без дублирования потенциалов и с глубокой кооперацией двух институтов, что будет способствовать, прежде всего, усилению самой НАТО.

Группа Европейского Союза

В рамках данной группы представлены исследования ведущих аналитических центров и специалистов государств—членов ЕС. В фокусе представителей этой группы не находится стратегическое развитие Североатлантического альянса — в целом большинство из них разделяют позиции исследователей из группы НАТО. Главный вопрос в работах авторов в контексте данной статьи касается становления стратегической автономии ЕС. Приведём несколько исследований Института исследований в области безопасности ЕС (EUISS)¹⁷ — Агентства ЕС, созданного для предоставления аналитики ЕС и его государствам-членам в реализации ОВПБ и выступающего связующим звеном между институтами ЕС и внешними экспертами по стратегическому планированию в ЕС.

В докладе «Европейский суверенитет» [Fiott 2021] под редакцией Д. Фиотта группа авторов из четырёх аналитических цен-

тров разделяют понятия «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия» ЕС и предлагают рассматривать суверенитет интеграционного объединения именно в широком контексте «стратегического суверенитета», комплексно¹⁸. Немецкий эксперт Я. Пульгерин пишет, что стратегическая автономия подразумевает одновременно как возможность самостоятельно и эффективно реагировать на кризисы и конфликты, так и большую ответственность в защите Европы и международной безопасности совместно с США. Проще говоря, подразумевается, что большая оборонная самодостаточность будет способствовать повышению вклада ЕС в международную безопасность и многосторонние партнёрства, включая НАТО. Вместе с тем в обороне государств—членов ЕС возросла роль коалиций и партнёрств *ad hoc*, что снижает значение ОПБО ЕС. В связи с этим эксперту представляется целесообразным развивать институционализированное оборонное сотрудничество ЕС с третьими странами, прежде всего с США и Великобританией.

В докладе «Стратегический компас» [Fiott, Lindstrom 2021] под редакцией Д. Фиотта и Г. Линдстрема изложены позиции и рекомендации 11 авторов из национальных структур ЕС и 8 аналитических центров государств-членов, а также результаты опроса 120 экспертов. Большинство экспертов выступили за расширение сотрудничества ЕС с международными организациями, такими как НАТО. Предлагается в выборе партнёров делать акцент на разделяемых ценностях и интересах, определить содержание диалога ЕС с США по вопросам безопасности и обороны.

В контексте, обозначенном в вышеназванных исследованиях, показательна позиция профессора Гентского университета С. Бископа [Biscop 2019]. Он считает, что

¹⁷ European Union Institute for Security Studies. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iss.euroipa.eu/> (дата обращения: 24.05.2022).

¹⁸ Концепция стратегического суверенитета подразумевает, что военные инструменты — часть широкой политики безопасности в таких сферах, как климат, здравоохранение, продовольственная безопасность, экономика, кибербезопасность, экология, безопасность индивида и др.

ЕС стал незаменим для стабильности в Европе, а НАТО более не способна поддерживать её в одиночку. Дискуссию о потенциальных противоречиях ЕС и НАТО исследователь считает неправомерной в связи с различной природой двух структур (интеграционное объединение и международная организация). В связи с этим, говоря о будущем трансатлантического пространства безопасности, необходимо анализировать не отношения Европейского Союза и НАТО, а сотрудничество ЕС и США.

Исследователь приводит два сценария будущего развития такого сотрудничества. По первому отношения сторон так и не удастся упорядочить, будет сохраняться конкуренция в политической и военно-экономической сферах, а европейские инициативы в сфере безопасности будут наталкиваться на разногласия государств-членов. В этом случае США могут получать кратковременные выгоды от мобилизации более слабых союзников, но последние не будут вносить существенного вклада в американские инициативы, что противоречит интересам США. Данный сценарий С. Бископ видит более вероятным.

В рамках второго сценария вопросы внешней политики, безопасности и обороны начнут решаться в ЕС квалифицированным большинством, что позволит эффективно развивать проекты PESCO и Европейского оборонного фонда. В таком случае Европейский Союз выступит в отношениях с США как единый игрок. На начало 2020-х годов, по мнению автора, отношения развиваются прежде всего в двустороннем формате между США и отдельными государствами.

Представители группы ЕС разделяют подходы исследователей из группы НАТО, поддерживая роль и значение Альянса, нынешний вектор его развития. При этом в фокусе их публикаций — взаимодействие НАТО с ЕС, потенциал стратегической автономии ЕС, сохранение роли США в европейской безопасности. Исследователи данной группы выступают за укрепление оборонного потенциала ЕС при сохранении единства НАТО и партнёрства с США.

В заключение отметим общее и различное в подходах выделенных групп исследований.

Западные эксперты воспринимают НАТО как сообщество демократических государств, обладающее глобальными амбициями и ответственностью за поддержание международной безопасности и продвижение западных ценностей. Многие авторы предлагают укреплять единство оборонного планирования государств-членов, потенциал киберзащиты, повысить целевые показатели по оборонным расходам. В научный дискурс всё шире включаются невоенные вопросы, такие как изменение климата, гендерное равенство, развитие науки, гуманитарные кризисы, идеологическое противостояние недемократическим государствам.

Все исследователи оптимистично настроены по отношению к востребованности и будущему НАТО. Ключевыми угрозами называют политику России и Китая, технологические изменения, противоречия внутри Альянса. Делается акцент на изменении обстановки в сфере глобальной и макрорегиональной безопасности, появлении новых вызовов и необходимости учитывать их в новой стратегической концепции Альянса. Подавляющее большинство экспертов выступают за усиление НАТО за счёт гармонизации инициатив Альянса и ЕС, повышения обороноспособности европейской опоры НАТО, расширения сотрудничества с внешними партнёрами, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом группы акцентируют различные проблемы. Представители группы НАТО пишут преимущественно о внешних угрозах и способах ответа на них, о повышении эффективности бюрократических институтов. Британская группа ставит во главу угла европейское пространство безопасности, критикует развитие военного трека ОПБО, рассматривает будущую роль Великобритании в трансатлантических оборонных структурах. Исследователи группы США аргументируют необходи-

мость укрепления европейской опоры НАТО и более справедливого распределения финансового бремени, рассматривают оборонную интеграцию ЕС под началом НАТО как потенциально усиливающую Альянс. В поле зрения научно-экспертного сообщества ЕС стоят прежде всего проблемы стратегической автономии, взаимодействия интеграционного объединения и НАТО, усиления обороноспособности государств-членов ЕС, будущей роли США в европейской безопасности.

Большинство экспертов рассматривают оборонные структуры Запада как союз государств для защиты и продвижения демократии, который функционирует по законам либерализма. Отношения же с соперниками — прежде всего с Россией и Китаем — описываются в категориях силы, балансирования, сдерживания. Ограниченное восприятие исторического опыта, ценностей, идентичности других государств сужает рамки для взаимодействия с ними, налаживания равноправного сотрудничества.

Широкая вовлечённость научно-экспертного сообщества в стратегическое планирование НАТО опосредует схожесть аналитического дискурса с официальным дискурсом Альянса. При этом бюрократия НАТО имеет собственные интересы, связанные с укреплением организации, развитием институтов и увеличением финансирования, и работа существующих в рамках Альянса и Ассоциации Атлантического договора аналитических центров и площадок в полной мере им соответствует. Научное сообщество США, поддерживая национальные интересы своей страны, во многом разделяет позиции экспертов Альянса, а в ряде направлений выступает даже более радикально, например акцентируя угрозу КНР, важность партнёрства с индо-тихоокеанскими государствами-союзниками США. На этом фоне интересы европейских стран-участниц, артикулируемые исследователями прежде всего из ЕС, оказывают гораздо меньшее влияние в НАТО. Во многом это связано с разногласиями внутри самого интеграционного объединения,

ограниченными результатами новых оборонных инициатив. Большую роль в будущем в этом плане может сыграть Великобритания, экспертное сообщество которой выступает за расширение оборонного сотрудничества с ЕС.

Разрабатываемая с 2019 г. и принятая в 2022 г. новая стратегическая концепция НАТО вобрала в себя многие из вышеназванных вопросов. В ней сделан акцент на сплочении Альянса, его оборонного потенциала, взаимодействии с ЕС, противостоянии России и Китаю в пяти пространствах — на суше, море, в воздухе, космосе и киберпространстве. При этом международно-политические события, связанные с проведением Россией специальной операции на Украине, усилили акцент на единстве Альянса и сдерживании России. Стратегия была основана на докладе «НАТО 2030», который, в свою очередь, сформирован в общем ключе научного дискурса в трансатлантическом пространстве безопасности. В публикациях представителей различных групп аналитических подходов не просто изучаются существующие проблемы НАТО, но и предлагаются пути их решения, а также обозначаются новые угрозы для Альянса, векторы их развития. Специалисты исследуют место Альянса в системе международных отношений, обосновывают его морально-этическую миссию, полезность, востребованность и эффективность на протяжении всей его истории — как для стран-участниц, так и для макрорегиональной и глобальной безопасности. При этом на практике они способствуют определению интересов политиков, формулируют вопросы для коллективного обсуждения, предлагают конкретные политические шаги.

Таким образом, научно-экспертное сообщество стран-участниц НАТО оказывает существенное влияние на конструирование идентичности Альянса, создавая нарративы о прошлом и будущем организации, определяя её место в международных отношениях, её партнёров и соперников — как через институты НАТО, так и через трансформацию подходов, идентичности

собственных государств (как было показано на примере Великобритании [Алёшин 2021]). В свою очередь, внешнеполитическая идентичность НАТО как транснационального пространства трансформирует идентичности государств-членов, что ведёт к гомогенности трансатлантического пространства безопасности, изоморфизму между его субъектами-государствами.

Будущий научный дискурс в государствах-членах НАТО продолжит развиваться в описанном ключе. Сохранятся дискуссии по поводу единства и эффективности Альянса, его операционного, институционального и стратегического развития. При этом акцент на «российской угрозе» сохранится и будет в среднесрочной пер-

спективе лишь усиливаться. Одновременно с этим всё больше поднимаются вопросы о политике НАТО в АТР, подходах к взаимодействию с неевропейскими партнёрами и конкурентами. Всё это является вызовом для России и требует включения российского научного дискурса в процесс конструирования нарративов Запада. Для этого необходимо усиление «мягкой силы» нашей страны, дипломатии второго трека, донесение российской позиции по европейской безопасности, расширение контактов с западными учёными и экспертами, преодоление сложившейся в 2022 г. тенденции к сокращению контактов между научными сообществами России и Запада.

Список литературы

- Алёшин А.А. Роль научного дискурса в трансформации стратегии национальной безопасности Великобритании // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 72–84. DOI: 10.20542/afij-2021-4-72-84.
- Алёшин А.А. Фактор Брекзита во взаимодействии Европейского союза и НАТО по вопросам безопасности: Дисс. канд. полит. наук. Москва, 2022. 291 с.
- Бартош А.А. Что происходит в НАТО и с НАТО // Дипломатическая служба. 2020. № 1. С. 15–26.
- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алтейя, 2007. 288 с.
- Войотовский Ф.Г. Единство и разобщённость Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М.: Крафт+, 2007. 464 с.
- Голуб Ю., Шенин С. От Трампа к Байдену // Международные процессы. 2021. Т. 19. №. 3. С. 68–84.
- Данилов Д.А. Саммит НАТО: глобальное будущее после «смерти мозга» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. №. 3. С. 7–14.
- Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая идентичность. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
- Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
- Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований. Идентичность: личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
- Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №. 1. С. 26–34.
- Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №. 3. С. 117–127.
- Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Под ред. И.Ф. Ухановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 2000. 479 с.
- Binnendijk H., Germanovich G. NATO Needs a European Level of Ambition. Defense News. 2018. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/2018/12/07/nato-needs-a-european-level-of-ambition/> (дата обращения: 04.02.2022).
- Biscop S. The EU or NATO: that is not a Question. Mutual Reinforcement. CSDP and NATO in the Face of Rising Challenges (ed. by C. Brustlein). IFRI. 2019. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/focus-strategie/mutual-reinforcement-csdp-and-nato-face-rising> (дата обращения: 04.02.2022).

- Chalmers M., Jesset W.* Defence and the Integrated Review: A Testing Time. Whitehall Report 2-20. RUSI. 2020. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/whitehall-reports/defence-and-integrated-review-testing-time> (дата обращения: 04.02.2022).
- DiMaggio P.J., Powell W.W.* (eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1991. 486 p.
- Fiott D.* (ed.) European Sovereignty. Strategy and interdependence. EUISS. 2021. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_169.pdf (дата обращения: 24.05.2022).
- Fiott D., Lindstrom G.* (eds.) Strategic Compass. New bearings for EU security and defence? EUISS. 2021. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_171_0.pdf (дата обращения: 24.05.2022).
- Fix L., Giegerich B., Kirch T.* (eds.) European Security in Crisis What to Expect if the US Withdraws from NATO. IISS. 2019. URL: <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2019/09/european-security-us-nato> (дата обращения: 04.02.2022).
- Gilli A.* Preparing for "NATO-mation": the Atlantic Alliance toward the age of artificial intelligence. NDC Policy Brief. No. 4. NDC. 2019. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1270> (дата обращения: 04.02.2022).
- Goldgeier J., Martin G.* NATO'S Never-Ending Struggle for Relevance. War on the Rocks. 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/natos-never-ending-struggle-for-relevance/> (дата обращения: 04.02.2022).
- Gottemoeller R.* NATO at 70: modernising for the future. NDC Policy Brief, No. 5. NDC. 2019. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1279#> (дата обращения: 04.02.2022).
- Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E.* (eds.). The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism. L.: SAGE, 2017. 928 p.
- Haas P.M.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 1–35.
- Ish-Shalom P.* Theory as a hermeneutical mechanism: The democratic-peace thesis and the politics of democratization // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. Is. 4. P. 565–598.
- Kaiser K.* The Future of NATO, Belfer Center. 2019. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/future-nato> (дата обращения: 04.02.2022).
- Lucarelli S., Marrone A., Niccolò M.F.* (eds.) NATO Decision-Making in the Age of Big Data and Artificial Intelligence. Brussels: NATO. 2021. 100 p.
- Maiziere De T., Mitchell W.* (eds.) NATO 2030: United for a New Era. NATO. 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_f2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 04.02.2022).
- Michel L.G.* NATO Decision-Making: The 'Consensus Rule' Endures Despite Challenges. NATO's Post-Cold War Politics. New Security Challenges Series / Ed.: S. Mayer. L.: Palgrave Macmillan, 2014. DOI: 10.1057/9781137330307_6.
- Moller S.B., Rynning S.* Revitalizing Transatlantic Relations: NATO 2030 and Beyond // The Washington Quarterly. 2021. Vol. 44. Is. 1. P. 177–197, DOI: 10.1080/0163660X.2021.1896133.
- NATO Parliamentary Assembly. Policy Recommendations Adopted in 2020. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-11/2020%20-%20NATO%20PA%20POLICY%20RECOMMENDATIONS.pdf> (дата обращения: 04.02.2022).
- Olsen J.A.* Understanding NATO. The RUSI Journal. 2020a. Vol. 165. Is. 3. P. 60–72. DOI: 10.1080/03071847.2020.1777772.
- Olsen J.A.* (ed) Future NATO. Adapting to New Realities. L.: Routledge, 2020b. 160 p. DOI: 10.4324/9781003146254.
- Palmer D.A.R.* A Strategic Odyssey: Constancy of Purpose and Strategy-Making in NATO, 1949–2019. NDS Research Paper. No. 3. NDC. 2019. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1330> (дата обращения: 04.02.2022).
- Rose F.A.* NATO and Outer Space: Now what? Brookings. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/22/nato-and-outer-space-now-what/> (дата обращения: 04.02.2022).
- Schake K., Pepe E.* 70 years of NATO: the Strength of the Past, Looking into the Future. NDC Policy Brief. No. 9. NDC. 2019. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1299> (дата обращения: 04.02.2022).
- Scott W.R.* Institutions and Organizations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 280 p.
- Skaluba C.* (ed.) NATO 20/2020: 20 bold ideas to reimagine the Alliance after the 2020 US election. NATO. 2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_180063.htm (дата обращения: 04.02.2022).
- Wiener A.* A Theory of Contestation. Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2014. 104 p.

SCIENTIFIC DISCOURSE ON NATO'S STRATEGIC EVOLUTION

ALEXANDER ALESHIN

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117887, Russia

Abstract

In 2022 it is planned to release a new strategic concept of NATO. Experts and scholars are taking a prominent part in its development. They have a significant impact on the formation of the foreign policy identity of this transnational political space through their place in the construction of the foreign policy identity of states, NATO institutions and related structures. In the research, using the method of discourse analysis, were studied the publications of think tanks affiliated with NATO, the EU, the US, the UK. The researchers' current approaches to the strategic development of the alliance are considered, a comparative analysis is carried out, the established scientific schools – NATO, EU, USA and the UK – are highlighted. It is concluded that the scientific community creates narratives about the past and future of the organization, contributes to determining its place in international relations, its partners and rivals. In turn, NATO's foreign policy identity as a transnational political space transforms the identities of the member states, which leads to the homogeneity of the transatlantic security space, isomorphism between its subjects – states. NATO is perceived by Western experts as a community of democratic states with global ambitions and responsibility in maintaining international security and promoting Western values. The key threats are the policies of Russia and China, technological changes, contradictions within the alliance. At the same time, in each of the schools are researched problems that are relevant to it. The most influential are the schools of NATO and the US. European schools, primarily the EU's, have less influence, which is due to their emphasis on EU defence integration, disagreements within the Union itself, limited results of new defense initiatives after 2016.

Keywords:

NATO; NATO Strategic Concept; NATO 2030; EU strategic autonomy; scientific discourse; think tanks; foreign policy identity.

References

- Aleshin A.A. (2021). Rol' nauchnogo diskursa v transformatsii strategii natsional'noi bezopasnosti Velikobritanii [Scientific Discourse Role in the UK National Security Strategy Transformation]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. № 4. P. 72–84. DOI: 10.20542/afij-2021-4-72-84.
- Aleshin A.A. (2022). *Faktor Brekzita vo vzaimodeistvii Evropeiskogo soyuza i NATO po voprosam bezopasnosti* [The Brexit Factor in European Union-NATO Security Cooperation]. Diss. cand. of science (polit.). Moscow, 2022. 291 p.
- Bartosh A.A. (2020). Chto proiskhodit v NATO i s NATO [What is happening in NATO and with NATO]. *Diplomatic Service*. Is. 1. P. 15–26.
- Binnendijk H., Germanovich G. (2018) NATO Needs a European Level of Ambition. *Defense News*. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/2018/12/07/nato-needs-a-european-level-of-ambition/> (accessed: 04.02.2022).
- Biscop S. (2019). *The EU or NATO: that is not a Question*. Mutual Reinforcement. CSDP and NATO in the Face of Rising Challenges /ed. by C. Brustlein. IFRI. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/focus-strategique/mutual-reinforcement-csdp-and-nato-face-rising> (accessed: 04.02.2022).
- Bourdieu P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. S.-P.: Alteiya. 288 p.
- Chalmers M., Jesset W. (2020). Defence and the Integrated Review: A Testing Time. *Whitehall Report 2-20*. RUSI. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/whitehall-reports/defence-and-integrated-review-testing-time> (accessed: 04.02.2022).

- Danilov D.A. (2021). Sammit NATO: global'noe budushchee posle «smerti mozga» [NATO Summit: Global Future After Brain Death]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. Is. 3. P. 7–14.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1991). (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 486 p.
- Fiott D. (ed.) (2021). *European Sovereignty*. Strategy and interdependence. EUISS. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_169.pdf (accessed: 24.05.2022).
- Fiott D., Lindstrom G. (eds.) (2021). *Strategic Compass*. New bearings for EU security and defence? EUISS. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_171_0.pdf (accessed: 24.05.2022).
- Fix L., Giegerich B., Kirch T. (eds.) (2019). *European Security in Crisis What to Expect if the US Withdraws from NATO*. IISS. URL: <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2019/09/european-security-us-nato> (accessed: 04.02.2022).
- Gilli A. (2019). Preparing for “NATO-mation”: the Atlantic Alliance toward the age of artificial intelligence. *NDC Policy Brief*. No. 4. NDC. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1270> (accessed: 04.02.2022).
- Goldgeier J., Martin G. (2020). NATO'S Never-Ending Struggle for Relevance. *War on the Rocks*. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/natos-never-ending-struggle-for-relevance/> (accessed: 04.02.2022).
- Golub Yu., Shenin S. (2021). Ot Trampa k Baidenu [From Trump to Biden]. *International Trends*. Vol. 19. Is. 3. P. 68–84.
- Gottemoeller R. (2019). NATO at 70: modernising for the future. *NDC Policy Brief*. No. 5. NDC. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1279#> (accessed: 04.02.2022).
- Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E. (2017) (eds.). *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. L.: SAGE. 928 p.
- Haas P.M. (1992). Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. Vol. 46. No. 1. P. 1–35.
- Ish-Shalom P. (2006). Theory as a hermeneutical mechanism: The democratic-peace thesis and the politics of democratization. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 4. P. 565–598.
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O.I. (2020). Logika evolyutsii NATO: dostizheniya i perspektivy [The Logic of NATO Evolution: Achievements and Prospects]. *World Economy and International Relations*. Vol. 64. Is. 1. P. 26–34.
- Ivanov O.P. (2020). Modernizatsiya strategii NATO i Rossiya [Modernization of the strategy of NATO and Russia]. *Contemporary Europe*. Is. 3. P. 117–127.
- Kaiser K. (2019). The Future of NATO. *Belfer Center*. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/future-nato> (accessed: 04.02.2022).
- Lucarelli S., Marrone A., Niccolò M.F. (eds.) (2021). *NATO Decision-Making in the Age of Big Data and Artificial Intelligence*. Brussels: NATO. 100 p.
- Maiziere De T., Mitchell W. (eds.) (2020). *NATO 2030: United for a New Era*. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 04.02.2022).
- Michel L.G. (2014). NATO Decision-Making: The ‘Consensus Rule’ Endures Despite Challenges. *NATO's Post-Cold War Politics. New Security Challenges Series* / Ed.: S. Mayer. L.: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137330307_6.
- Moller S.B., Rynning S. (2021). Revitalizing Transatlantic Relations: NATO 2030 and Beyond. *The Washington Quarterly*. Vol. 44. Is. 1. P. 177–197. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1896133.
- NATO Parliamentary Assembly (2020). *Policy Recommendations Adopted in 2020*. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-11/2020%20-%20NATO%20PA%20POLICY%20RECOMMENDATIONS.pdf> (accessed: 04.02.2022).
- Olsen J.A. (2020a). Understanding NATO. *The RUSI Journal*. Vol. 165. Is. 3. P. 60–72. DOI: 10.1080/03071847.2020.1777772.
- Olsen J.A. (ed) (2020b). *Future NATO. Adapting to New Realities*. L.: Routledge. 160 p. DOI: 10.4324/9781003146254.
- Palmer D.A.R. (2019). A Strategic Odyssey: Constancy of Purpose and Strategy-Making in NATO, 1949–2019. *NDS Research Paper*. No. 3. NDC. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1330> (accessed: 04.02.2022).
- Prokhorenko I.L. (2017). Vneshnepoliticheskaya identichnost'. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia] (ed. by I.S. Semenenko). M.: Ves mir. 992 p.
- Prokhorenko I.L. (2015). *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies]. M.: IMEMO. 111 p.

- Rose F.A. (2020). NATO and Outer Space: Now what? Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/22/nato-and-outer-space-now-what/> (accessed: 04.02.2022).
- Semenenko I.S. Kategoriya identichnosti v sotsial'nykh naukakh: ponyatie, kognitivnyi potentsial, priority issledovaniy. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia] (ed. by I.S. Semenenko). M.: Ves mir. 992 p.
- Schake K., Pepe E. (2019). 70 years of NATO: the Strength of the Past, Looking into the Future. *NDC Policy Brief*. No. 9. NDC. URL: <https://www.ndc.int/news/news.php?icode=1299> (accessed: 04.02.2022).
- Scott W.R. (2007). *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks, CA: Sage. 280 p.
- Skaluba C. (ed.) (2020). *NATO 20/2020: 20 bold ideas to reimagine the Alliance after the 2020 US election*. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_180063.htm (accessed: 04.02.2022).
- Ukhvanova-Shmygova I.F. (ed.) (2000). *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktualnye problemy soderzhatelnogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov. Vyp. 2.* [Discourse Survey Research Methodology: Actual Problems of Content Analysis of Socio-Political Texts]. Mn.: BGU. 479 p.
- Voitolovskii F.G. (2007). *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporyadka 1940–2000-e gody* [Unity and disunity of the West: ideological reflection in the minds of the elites of the United States and Western Europe of the transformations of the political world order in the 1940s-2000s]. M.: Kraft+. 464 p.
- Wiener A. (2014). *A Theory of Contestation*. Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 104 p.

SCRIPTA MANENT
Рукописи не горят. Рецензии

ВРАГ МОЕГО ВРАГА – МОЙ ДРУГ?

Haas M. *Frenemies. When Ideological Enemies Ally*.
Cornell University Press, 2022. 306 p.

*Хаас М. Друзья поневоле. Когда идеологические противники
вступают в союз. Корнелл юниверсити пресс, 2022. 306 с.*

Феномен формирования союзнических отношений издавна приковывал внимание исследователей-международников. Причиной тому – практическая значимость вопроса. Международные военно-политические союзы остаются одним из основных инструментов обеспечения национальной безопасности, позволяя их участникам распределять бремя сдерживания противников. В ситуации нависшей над страной угрозы её руководство заинтересовано в чётких прогнозах относительно того, как поведут себя союзники, какую позицию займут иные государства.

Напротив, лидерам, планирующим в качестве инструмента достижения целей вооружённое нападение, важно знать наверняка, не обернётся ли ограниченная внешнеполитическая акция масштабным столкновением сразу с несколькими противниками. Исторический опыт показывает, что обе стороны склонны порой неверно оценивать ситуацию.

Подобное положение дел подталкивает теоретиков международных отношений к разработке на основе обширного эмпирического материала моделей формирования союзов и вычленению значимых переменных, его объясняющих. Профессор Университета Дюкейн Марк Хаас в своей книге «Друзья поневоле. Когда идеологические противники вступают в союз» ставит перед собой именно эту цель.

Теоретическое осмысление закономерностей заключения союзов долгое время было прерогативой сторонников теории баланса сил [Kaplan 1957] и структурных реалистов [Waltz 1979; Walt 1987]. С их точки зрения, союзнические отношения выступают результатом возникновения общего интереса – защиты от угрозы со стороны противника, превосходящего по военной мощи каждого из потенциальных союзников в отдельности. Столкнувшись с риском для собственного выживания, государства при выборе союзника не принимают во внимание никакие другие факторы, кроме материальных возможностей противостоящей стороны [Mearsheimer 2001].

Представители либерализма, в свою очередь, рассматривают общность ценностей между странами и руководящую роль институтов как определяющие факторы выбора государством союзников. Страны, имеющие схожие представления о мироустройстве, будут с большой вероятностью формировать прочные связи. Данное ценностное объяснение составляет основу одного из ответвлений так называемой «теории демократического мира» [Doyle 1983].

Несколько абстрагируясь от дискуссии о внутренних характеристиках режимов, М. Хаас и сам развивал эту логику в более ранних работах. По его мнению, элиты в государствах с существенной идеологической дистанцией, как правило, не доверя-

ют друг другу, что отражается на их конфликтном восприятии интересов соответствующих стран [Haas 2005].

Из вышеприведённых гипотез выводят-ся взаимоисключающие ожидания относительно поведения государств – крайности, редко встречающиеся в истории в чистом виде. Как справедливо отмечает автор рассматриваемой книги, военная угроза не ведёт к автоматическому образованию союза между идеологически враждебными государствами. Противоречия между КНР и СССР серьёзно обострились ещё в 1960-х годах, тогда как Пекин пошёл на сближение с Вашингтоном лишь в конце 1970-х.

Можно сделать вывод, что идеологические противоречия не служат непреодолимым препятствием на пути к созданию союза. Та же неспособность Великобритании и Франции, с одной стороны, и Советского Союза – с другой, объединиться против нацистской Германии резко контрастирует с действиями Лондона и Парижа в более ранний исторический период. Обе страны заблаговременно укрепили связи с петербургским императорским двором в ожидании столкновения с кайзеровской империей в начале XX века. Таким образом, сконцентрировавшись на поведении идеологических оппонентов перед лицом общей угрозы, М. Хаас указывает на пробел в литературе, оставленный незаполненным им же самим в предыдущей книге о союзах.

Сила, толкающая государства к вступлению в союз друг с другом, отражена во введённом автором неологизме *frenemies* (друзья поневоле), составленном из двух английских слов *friends* (друзья) и *enemies* (враги). Коренные расхождения в ценностях и взглядах на внутривластительское устройство препятствуют установлению прочных союзнических отношений. В итоге стимул объединить усилия в борьбе с общим врагом блокируется.

Временное отставание между появлением угрозы и ответом на неё в виде скоординированных усилий государств с разной идеологией свидетельствует о влиянии промежуточных переменных (*intervening vari-*

ables). Их воздействие М. Хаас исследует на примере англо-франко-советских переговоров в 1930-х годах, обострения советско-китайских отношений и «отложенного» сотрудничества КНР с США, а также распада союза между Израилем и Турцией в конце 2000-х годов, направленного против Ирана и Сирии. По ходу изложения он приводит ряд других исторических примеров.

В качестве первого фактора, ответственного за вариативность в соотношении дружбы и розни, выступает *уязвимость политических режимов* потенциальных участников коалиции. Находящиеся в шатком положении политические элиты опасаются, что укрепление связей с идеологическим оппонентом ведёт к распространению и росту популярности его идей внутри их государств. Подобный союз подрывает их позиции и увеличивает риск потери власти.

В одной из исторических глав М. Хаас описывает, как британские и французские консервативные партии вопреки интересам национальной безопасности и здравому смыслу противились союзу с СССР. Они опасались расширения влияния коммунистических идей в Европе. Книга будет весьма интересна для российской аудитории: не оправдывая с моральной точки зрения Мюнхенское соглашение западных держав с гитлеровской Германией, она показывает, что двигало Невиллом Чемберленом в роковой для судьбы Европы и мира сентябрь 1938 г.

Между тем в условиях низкого уровня уязвимости перед распространением идей потенциального партнёра по коалиции политической элите не приходится делать выбор между национальным и «корпоративным» интересом – стабильностью режима. В подтверждение этого тезиса автор приводит позицию французских правых и центристских партий перед Первой мировой войной (1914–1918). Военный союз с царской Россией, оформленный в 1891–1892 годах, воспринимался ими не как внутривластительский вызов, а как козырь в борьбе с набравшими вес социалистами. Избирателям давали понять, что в тяжёлой

международной обстановке жизненно необходимо сохранить Антанту и, следовательно, нельзя допустить прихода левых к власти.

Второй, не менее важной, промежуточной переменной служит *идеологическая дистанция* между каждым из союзников и государством—источником материальной угрозы¹. Автор не случайно добавляет в схему анализа страну, от которой исходит опасность. Питающие недоверие друг к другу потенциальные партнёры по коалиции оценивают ценностные различия не только между собой, но и между идейным оппонентом и агрессором.

В случае, если воинственно настроенная сторона идеологически ближе, примыкание к ней представляется более выгодной стратегией, чем союз с идейным оппонентом. Этим обстоятельством объясняется, в частности, непрочность сближения Италии с Францией и Великобританией на фоне стремления Адольфа Гитлера присоединить Австрию в 1934 г. Уже к 1936 г. Бенито Муссолини осознал общность взглядов с немецким вождём, что воплотилось в координации действий в ходе гражданской войны в Испании (1936–1939) и образовании оси Берлин—Рим. Италия сделала выбор в пользу стратегии примыкания (*bandwagoning*), а не балансирования.

Если же принимающее решение государство идеологически равноудалено от потенциального союзника и источника материальной угрозы, возрастает вероятность раскола в элите и, как следствие, затягивания процесса принятия решения, непоследовательности в переговорах и внешнеполитических сигналах. В таком случае следует обращать внимание на нюансы в различиях идеологий в рамках треугольника, образуемого рассматриваемым государством, потенциальным союзником и источником материальной угрозы.

Некоторые представители правящей элиты Великобритании, например, отме-

чали, что в отличие от коммунистов, нацистский режим не отвергает капиталистических отношений. Более того, с учётом ярой антикоммунистической риторики А. Гитлера разрыв между нацистской Германией и СССР казался Лондону и Парижу настолько существенным, что стратегия перекалывания ответственности по отражению угрозы (*buck-passing*) до последнего представлялась оптимальной².

Ещё одна конфигурация характеризует ситуации, в которых источник материальной угрозы представляется более явным идейным оппонентом, чем потенциальный союзник. Последний в отсутствие опасности, может, и не рассматривался бы в качестве партнёра в силу наличия (для единообразия) определённых, пусть и не таких масштабных, идеологических различий. Такая комбинация хорошо иллюстрируется укреплением отношений Саудовской Аравии с США в период «холодной войны».

Когда агрессор и идейный оппонент демонстрируют существенную идеологическую близость, государство, столкнувшееся с угрозой, будет всеми силами стараться предотвратить сближение между ними, демонстрируя искреннее стремление заключить союз с последним. В подтверждение этой идеи автор приводит готовность Франции идти на широкие уступки Российской империи в ключевых для неё регионах, подкреплённую углублением экономического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков.

В рамках предметного поля, очерченного исходными посылами анализа, то есть наличием общей угрозы и идеологическими противоречиями, предложенная автором теория обладает мощным объяснительным потенциалом. Она указывает на факторы, имеющие существенное влияние: выделенные ею «вмешивающиеся» переменные — уязвимость политического режима и идеологическая дистанция между

¹ Данный термин автор определяет как уровень расхождения в ценностях.

² Автор справедливо отмечает, что агрессоры зачастую намеренно используют идеологические аргументы, чтобы вбить клин между потенциальными союзниками (*wedging*).

странами — приводят к заметным изменениям в объекте исследования — формировании союзов. Гипотезы и выводимые из них ожидания сформулированы таким образом, что существует принципиальная возможность их фальсификации. В качестве примера можно привести заключение руководством той или иной страны союза с идеологическим оппонентом перед лицом идейно близкого агрессора. Тем не менее, несмотря на методологическую стройность исследования, нельзя не отметить проблему операционализации, до конца не преодолимую при изучении нематериальных факторов — идеологии и восприятия. Вместе с тем, рассматривая их, автор сумел минимизировать издержки и выбрал систем-

ный уровень анализа вместо оценки отдельных субъектов.

Наконец, М. Хаас предоставил исследователям неплохой инструментарий для изучения меняющейся архитектуры безопасности в современный период. Возвышение Китая наряду с рядом региональных игроков с высокой долей вероятности будет способствовать перегруппировке союзов. Согласно предложенной теории, в этой динамике неизбежны диспропорции и временные задержки, корни которых восходят к идеологической гетерогенности мира.

*Никита Еряшев,
Анна Макарычева
кандидат политических наук*

References

- Doyle M. (1983). Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 12. No. 3. P. 205–235.
- Haas Mark L. (2005). *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989*. Cornell University Press, 2005. 248 p.
- Kaplan M. (1957). Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems. *The American Political Science Review*. Vol. 51. No. 3. P. 684–695.
- Mearsheimer J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. WW Norton & Company. 592 p.
- Walt S. (1987). *The Origins of Alliance*. Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Pub. Co. 251 p.

Наши авторы

- Алёшин Александр Андреевич** – кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Веремеев Николай Викторович** – Юрист-консульт компании «Meridian Capital (HK) Limited»
- Еряшев Никита Игоревич** – аспирант Кафедры дипломатии МГИМО МИД России
- Клинова Марина Вилениновна** – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора экономики европейских стран Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Крылов Александр Владимирович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований; профессор Кафедры востоковедения МГИМО МИД России
- Лошкарёв Иван Дмитриевич** – кандидат политических наук, доцент Кафедры политической теории; научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Макарычева Анна Владимировна** – кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры испанского языка МГИМО МИД России
- Мачитидзе Георгий Григорьевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Морозов Владимир Михайлович** – кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике; доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России
- Сидорова Елена Александровна** – кандидат экономических наук, доцент, заведующая Сектором международных валютно-финансовых отношений Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Федорченко Андрей Васильевич** – доктор экономических наук, профессор, директор Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Шаклеина Татьяна Алексеевна** – доктор политических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России
- Шебалина Екатерина Олеговна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Щербунов Владимир Олегович** – преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России

Our authors

- Dr Alexander Aleshin** – Research Fellow, Section for International Organizations and Global Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
- Mr Nikita Yeryashev** – Ph.D. Candidate, Department of Diplomacy, MGIMO University
- Prof. Dr Andrey Fedorchenko** – Director, Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies, MGIMO University
- Prof. Dr Marina Klinova** – Lead Research Fellow, Section for Economy of European States, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
- Prof. Dr Alexander Krylov** – Lead Research Fellow, Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies; Professor, Department for Oriental Studies, MGIMO University
- Dr Ivan Loshkarev** – Associate Professor, Department of Political Theory; Research Fellow, Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies, MGIMO University
- Dr Georgy Machitidze** – Senior Research Fellow, Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies, MGIMO University
- Dr Anna Makarycheva** – Senior Lecturer, Department of Spanish Language, MGIMO University
- Dr Vladimir Morozov** – Vice-Rector, Associate Professor, Department of Diplomacy, MGIMO University
- Prof. Dr Tatiana Shakleina** – Professor, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Mr Vladimir Shcherbunov** – Lecturer, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Dr Ekaterina Shebalina** – Research Fellow, Center for European Studies, Institute of International Studies, MGIMO University
- Dr Elena Sidorova** – Head, Section for International Currency and Finance Relations, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
- Mr Nikolay Veremeev** – Legal Counsel, Meridian Capital (HK) Limited

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

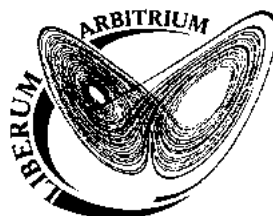
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

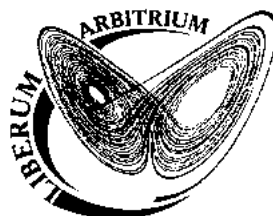
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
дн**ых русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).